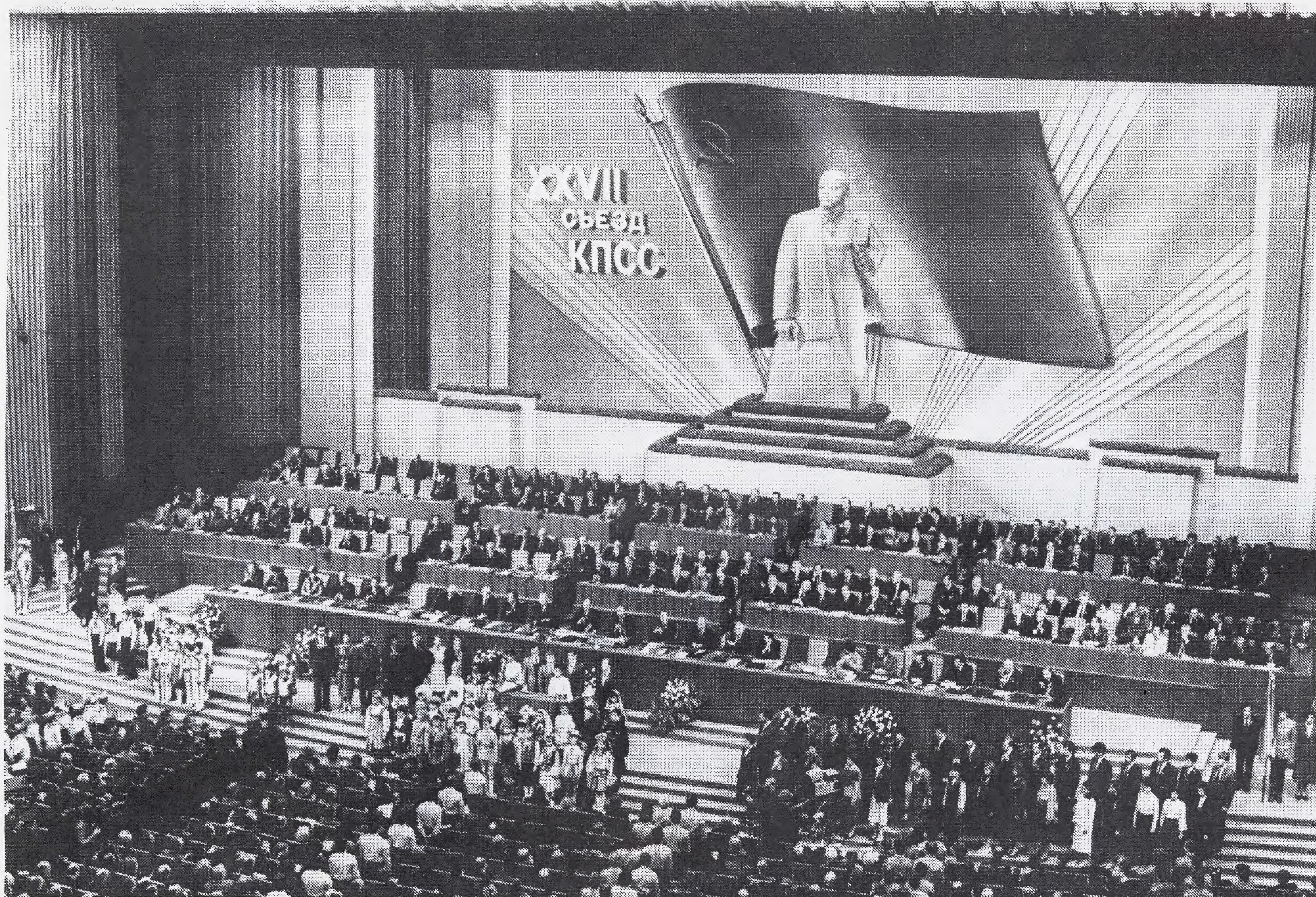
Подарок Бабаеве

ПИОНЕР 6

1986

МИР
ЛЕТО
ДЕТСТВО

ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА И ПАРТИИ ВЕРНЫ

...Необходимо полнее реализовать ленинский принцип соединения обучения с производительным трудом, решительнее добиваться повышения эффективности обучения, коренного улучшения подготовки молодежи к самостоятельной жизни и труду, воспитания сознательных строителей нового общества.

Из Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду партии.

Приветствие пионеров XXVII съезду КПСС

Вместе с Ленинским комсомолом
Пионеры страны отдают
Съезду партии двадцать седьмому
Салют!
Салют!
Салют!
Нас ленинцами юными зовут.
Для пионеров нет почетней звания.
Для нас учеба — самый главный труд,
А лучшая награда — наши знания!
Мы гордимся галстуком красным,
Делу Ленина мы верны!
Станут сменой рабочего класса
Пионеры Советской страны!

...Мы по-ленински учимся, трудимся, дружим.
Верность Родине в сердце храним с детских лет.
И мы жить постараемся так, что заслужим
Комсомольский значок и партийный билет!
...Знает каждый пионер,
Что в эпоху НТР
Всем нужны особые
Учебные пособия.
Получить бы поскорей
И компьютер, и дисплей!
...Среди школьников немало
Юных техников растет.
Мало только материалов
Для технических работ.

Пусть отходы на заводах
Не ржавеют под дождем —
Лучше мы из тех отходов
Что-нибудь изобретем!

...За свет звезды кремлевской негасимой,
За солнечные зори над страной
Любимой нашей Родине спасибо!
Спасибо нашей партии родной!

Делегатов XXVII съезда КПСС приветствовали сотни пионеров из разных уголков нашей страны. Вот о чем рассказали трое из этих ребят.

ДИМА КАРПЕНКО, председатель совета дружины имени Зои Космодемьянской, школа № 6, г. Киев.

Наша школа очень большая: в ней учатся более двух тысяч человек. Ребят у нас много, и

дел хватает. Расскажу о двух делах.

Недалеко от Киева начинается лес «Пуща-водица». Он такой огромный, что тянется до Белоруссии. В этом лесу бьют десятки родников.

Каждый отряд нашей дружины осенью и весной ходит в «Пущу-водицу» и очищает лес от сучьев, листьев, следит за муравейниками, высаживает новые деревья и еще ухаживает за родниками. Если в воде плавает мусор — мы его выбрасываем, если родник перестает жить — выясняем, в чем дело.

У нашей школы есть теплицы. Круглый год там вызревают овощи, фрукты, растут цветы. Каждый желающий ученик может работать в этой теплице. Знаете, как красиво, особенно зимой: идешь мимо, а за тепличными стеклами влажно, светло, зелено. Там лето!

ВУГАР ХАНКИШИЕВ, член совета дружины имени Г. Гусейнова, школа № 83, г. Баку.

Если бы меня попросили рассказать о моих товарищах и моей школе коротко, я бы сказал так.

Мои друзья — очень дружные ребята. Везде мы вместе: и в школе, и на работе, и в свободное время.

Наша дружина носит имя Героя Советского Союза Габибулы Гусейнова. Он был хорошим человеком и погиб в годы Великой Отечественной войны на поле боя. К нам часто приезжает его дочь.

Летом мы помогаем взрослым: собираем в поле дыни и арбузы.

Еще мы стараемся хорошо учиться.

В моем классе, например, нет

отстающих. Правда, тройки еще встречаются.

Я и мои друзья любим одно место в городе — центральный бульвар. Небо, деревья, музыка, качели, толпы гуляющих людей — вот что такое наш бульвар.

Я хочу, чтобы мой родной Баку был всегда веселым и мирным, как наш любимый бульвар.

ИНГРИДА ШВЕДАЙТЕ, председатель совета дружины имени Марите Мельникайте, школа № 18, г. Вильнюс.

Меня всегда волнует — кто учится, кто живет со мною рядом: хороший человек или не очень?

Человека можно проверить и узнать в деле. В нашей дружине дел много.

Практику мы отрабатываем в городском Ботаническом саду.

Шефствуем над детским домом № 1 и детским садиком № 130.

Почти все классы переписываются с родными погибших солдат и офицеров, освобождавших Вильнюс от фашистских захватчиков.

Есть у меня две самые лучшие подруги — Сандра и Юрате. Вот в них я уверена, как в себе самой. Мама Сандры — учитель ритмической гимнастики в нашей школе, и, когда она болеет, Сандра сама проводит занятия. А Юрате играет в баскетбол и очень хорошо учится. Всем, кому учеба тяжело дается, она с удовольствием помогает.

Когда у нас на совете дружины идет трудный разговор о ком-то из провинившихся, отстающих, я всегда говорю:

«Бери пример с моих подруг — Сандры и Юрате. Будь хорошим человеком!»

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА, Б. ЗАДВИЛЯ.

Сергей **ИВАНОВ**

Лицо магистрали

Окончание. Начало в № 5.

Легкомыслие в Сибири — вещь немедленно наказуемая! Простая забывчивость (варежки дома оставил) сейчас же отомстит: долго потом, когда все минует, будешь тереть да разминать покусанные морозом пальцы. Но зато здесь не приходится долго звать на помощь...

Красиво говоря, волею судеб, а попросту — из-за того же легкомыслия, я оказался один в ранний утренний час на пустынной дороге, вдали от жилья — на трассе, как тут говорят. Думал: чего там, до Тынды недалеко, километров шестьдесят... Это, кстати, тоже типично сибирское: расстояния здесь меряют на тысячи километров. Несколько сотен — уже не дорога. Несколько же десятков — вообще микроны!

...Итак, я стоял на трассе и медленно замерзал... А потом стал замерзать быстро!

Впереди из-за сопочки выполз могучий «магирус» — очень популярная у бамовцев грузовая машина, потому что надежна, удобна, в кабине тепло. Я замахал руками. Но машина была далеко: во-первых, могли и просто не увидеть, а во-вторых, кому это охота возвращаться за одиноким каким-то человечком — разве не так?

Но меня увидели. И за мной вернулись:

— Ты куда, товарищ?

— В Тынду хотелось бы.

— Ну так падай на хвост — нам по пути.

Я замечал: на БАМ, в морозные эти края, тянутся в основном хорошие люди. Вот и шофер мой оказался таким, Ваня Догару, молдаванин из Вилкова — есть на Дунае такое местечко (теплынь, плодородие, словом, то самое, про что говорится: воткни в землю оглоблю, вырастет телега).

Едем, настроение отличное, говорим про Дунай — я в тех местах бывал, и потому мы с Ваней сделались почти земляками.

Выбираемся на очередную сопку (а здесь вся дорога состоит из сопок да распадков) — глядь: еще один легкомысленный! Выскочил на дорогу, отчаянно машет руками — что-то среднее между ритмической гимнастикой и жестами утопающего. Это мне так объясняет Ваня, а сам тормозит «магирус». Секунда, и страдалец уже внутри — кабина просторная, как раз на троих. Сидим, будто на завалинке, в тепле, глядим в широкое ветровое стекло. На нас медленно надвигаются сопки и сопочки, покрытые тайгой, стремительно летит под колеса гладкая белая дорога, кое-где закапанная мазутом.

Вновь появившемуся Третьему, как я его потом называл про себя, сам бог велел заводить разговор. И он заводит... Он вроде техником каким-то оказался...

— В столицу едете? — спросил Третий и хохотнул.

Так здесь называют Тынду. Она действительно считается как бы столицей БАМа.

— Я говорю, промахнулись с этой столицей-то. На марях красавицу отгрохали... Слыхали вы про это?

А надо заметить, Тында стоит удивительно красиво: в просторной и спокойной такой долинке между сопками. И я попытался сказать это. Ну, а мари, болота то есть,— что ж?.. Вон Петр Великий строил свой Петербург тоже на болотах, так ведь стоит же — краса и гордость.

Третий опять усмехнулся в ответ. Была у него такая манера — усмехаться.

— А все же строить на болоте — глупость, согласись!

— Да нет, необходимость. Ведь у Тынды, как и у Ленинграда, выгодное географическое положение.

Я потом узнал имя этого человека, он представился. Только не хочу писать его здесь. Мне он неприятен. Как неприятны и другие такие же... Кричат: «Критика полезна!» Да еще и приведут подходящую цитату. Ответишь: конечно, полезна, с тобой никто и не спорит... Тогда он высыплет на тебя набор «жареных фактов»... А у самого радость в голосе. Я таких за версту различу!

Вот и у Третьего тоже была радость. Он рассуждал, благоденствовал. А у меня настроение портилось прямо катастрофически... Ваня Догару молча крутил баранку.

— Да было б тебе известно, Тында вообще не удалась как столица! Промпривязки-то нету!

Да, это действительно так. Несмотря на относи-

тельную болотистость, здесь мало воды. То есть городу хватает на питье, на умывание, на утренний душ после зарядки. Но современному могучему предприятию ни под каким видом не хватило бы! Это Третий заметил верно. И промышленного строительства по плану XII пятилетки тут действительно не предвидится.

— Так что захиреет твоя столичка! — И улыбнулся, словно бы откусил шоколада.

Мы как раз въехали на очередной перевал, и внизу, в долине, лежала вся Тында. И это было очень красиво... Солнце горело, как летом над Крымом!

Однако по сверкающей этой, словно бы июльской синеве был размазан ветром жирный черный след — дымила городская котельная. А если приглядеться, то видны были еще котельных двадцать — те, у которых «труба пониже и дым по-

Сейчас эти ребята уже стали дипломированными инженерами, учителями, врачами. А в 1981 году, когда был сделан этот снимок, были они бойцами студенческого строительного отряда из Омска.

— Но, во-первых, из положения вышли,— говорю я, стараясь изобразить уверенное спокойствие.— Вон строят крупнейшие на БАМе депо — локомотивное и вагонное. А потом... столица — не обязательно промышленность. Столица — это прежде всего культурный и административный центр. В Москве, кстати, прекращено промышленное строительство. Так что Тында в этом смысле очень даже современна. Вузы будут, университет. Чем плохо-то?

А чего, собственно, я перед ним оправдываюсь? Столица железнодорожной во много тысяч километров магистрали — понятие само по себе довольно условное. Просто город, вот и все. Раньше жили строители, теперь будут — железнодорожники.

— А я тебе еще вопрос подкину,— говорит Третий.— Только ты не нервничай, мы же просто беседуем... Вот ты говоришь: университетский, красота, чистый воздух... А это видал?

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ИЮНЬ 6

Москва 1986 г.
Издательство «Правда»

Николай Лаврентьевич Михайленко.

жиже»... но, к сожалению, тоже черный! А всего таких котельных в Тынде, я это знал, около ста.

На БАМе и вообще в Сибири есть у некоторых товарищей такая манера: на котельные трубы фильтров особенно не ставить — воздуху-то вроде много! Я, между прочим, говорил об этом с Гусевым: что же, мол, вы, товарищ депутат горсовета?.. И узнал, что строится новая, значительно более мощная котельная — одна на всю Тынду. И уже без жирной черной гари, летящей в небо.

— Ну правильно! — радостно закричал Третий.— Правильно! Сперва понастроили дряни, времянок. Теперь сломаем, будем капитальные ставить! А ты представляешь, во сколько это обходится?

Эх, да, конечно, лучше бы сразу строить котельные какие надо и сразу поднимать девятиэтажный город-красавец, а не одноэтажное поселение. Но ведь так не выходит — что же поделать! Не выходит, потому что города-красавцы строятся долго, а вагончиковый поселок, если приналечь, родится через пару месяцев. Вот вам и выгода невыгодных времянок: надо начинать строить дорогу, а значит, начинать тут жить, обзаводиться хотя бы самым необходимым уютом, обзаводиться теплом.

Нет, само собой: можно не спеша и постепенно построить город, а уж потом пристроить к нему железную дорогу. Вышло бы дешевле. Но это долго, это уйма времени, десятилетия! А время, как говорит поговорка, тоже деньги! Да и медленно, «неударно» делать... просто как-то не приучены мы. Нам это неинтересно. Неинтересно было бы жить!

Я думал объяснить это Третьему, но сообразил: да ведь он все сам понимает и знает. Только... не хочет знать.

И я перестал на него злиться. Может быть, впервые я не злился на таких людей, как он. Я с удивлением смотрел на Третьего. Что он делает тут? Чего добивается? Зачем живет? В чем его радость?.. Я хотел это все спросить у Третьего — чтобы он сам на себя оглянулся!

Однако он был не так прост, этот Третий, нет, не так прост. Я-то надеялся: вот сейчас скажу ему это все, чтобы он «понял». Но ведь он не случайно был такой «непонятливый» по поводу наших успехов и такой «понятливый» по поводу наших неудач.

Третьего, однако, легко раскусил Ваня Догару. Мы стояли как раз у светофора — того, что напротив почтамта и касс аэрофлота (тындинцы меня поймут), и Ваня вдруг сказал:

— Смотрите, как народу мало!

Это был рабочий, утренний час, и в нашем довольно широком поле зрения действительно находилось, может быть, один-два человека. Никого, буквально никого не было из праздноболтающихся. И Ваня спросил у Третьего:

— А почему ты не работаешь?

В его вопросе не было дружелюбия. И чувствовалось, вопрос этот попал, что называется, не в бровь, а в глаз. Третий хотел огрызнуться... усмехнуться хотя бы и бросить что-то небрежное. Но не решился. Он быстро открыл дверцу кабины и вышел на улицу — третий-лишний... Тут же светофор мигнул зеленым огнем, машина тронулась.

— А почему, кстати, ты не работаешь? — спросил Ваня.

— А я работаю! — И рассказал о своем журналистском задании.

— Неужели будешь об этом охламоне писать?

— Обязательно.

— Зачем?

— Ну как сказать тебе?.. Вон видал стенды «Не проходите мимо», которые перед милицией висят? И я в этом же смысле...

— Тогда ты и про хорошее напиши! Про Вилково...

— Напишу. Про Вилково и про Ваню Догару.

И вот я теперь исполнил свое обещание.

Мальчишкой Коля Михайленко впервые попал в город. И не в какой-нибудь, а в Краснодар. На базаре, когда закончена была «деловая часть программы», родители отвели парнишку в цирк-шапито. Там впервые он увидел фокусника!

В душе Коля все повторял себе: «Да не может быть! Да не может быть же!» Но это было: исчезало, появлялось, неожиданно вспыхивало и разлеталось стаями птиц... Фокусы на всю жизнь очаровали Николая!

И он стал учиться этому необычному ремеслу. Через несколько лет даже поехал в Москву на специальные «фокусные курсы». Судьба, однако, распорядилась по-своему: армия, потом служба в милиции... Какие там фокусы!

А все же не тускнела любовь. В короткие свободные минуты Михайленко репетировал, готовил реквизит. Даже немного выступал... Вот и афиша — предмет столь дорогой для сердца любого артиста. Она приглашает на встречу с членом Московского клуба фокусников, лауреатом конкурсов циркового искусства Н. Л. Михайленко.

С 1981 года Николай Лаврентьевич служит в Тынде. Сейчас он подполковник. Вместе с хозяином перекочевал на БАМ и «секретный» чемодан, где Михайленко хранил свой реквизит... Прошел год, другой, увлечение фокусами оставалось прежним. Однако чувствовал Михайленко: чего-то ему не хватает... А ему не хватало учеников!

Долго ли, коротко ли, но появился в городе клуб фокусников.

Однажды я присутствовал на концерте художественной самодеятельности. Там выступали и фокусники под руководством Николая Лаврентьевича. Первым вышел на сцену шестиклассник Игорь Марин. У него удавы из рукавов не выползали, и он не стал распиливать никого из присутствующих при помощи пилы «Дружба». Однако десятки шариков катались у Игоря по рукам, а то вдруг растворялись в воздухе. А то силой фокусного волшебства незримо перебегали из ладони в ладонь.

Потом, через несколько номеров, выступал Карен Галустьян, один из самых способных и самых любимых учеников Михайленко. Тут уже и фокус, и реквизит были посложнее. Берем стакан молока, накрываем его простой волшебной бумажкой, и молоко из стакана исчезает... Тут необходимы и настоящая быстрота, и ловкость движений, и многое еще другое, про что нельзя говорить, чтобы не выдавать профессиональных тайн.

Но фокус не удался. Не удался, вы представляете! И не потому, что не хватило Карену мастерства или профессиональной выучки... Молоко для наглядности надо было сперва перелить из бутылки в стакан. Из простой бутылки в простой стакан! Ничего фокусного в данной манипуляции не было. Однако молоко не перелилось! Оно скисло, превратившись в густую простоквашу... Вот уж действительно: бывают в жизни огорчения!

После мама с грустной улыбкой пеняла юному фокуснику:

— Ты когда наливал молоко в бутылку?

— Вчера утром...

— А выступать сегодня вечером... Ах, Карен! И куда же ты поставил свою бутылку?

— Просто поставил, и все...

Говорят, фокусникам надо знать физику и химию: на этом построены многие их волшебства. Но вот, оказывается, и биологию знать нехудо: заведутся в молоке простоквашные бактерии за полтора дня или нет?..

К чести Карена, надо заметить, что он посмеялся вместе со зрителями над своим казусом, а потом стал показывать другие фокусы.

В общем, интересно живет клуб фокусников на БАМе. К нему тянутся ребята. Да и взрослые тоже: если появляется афиша, что выступает Михайленко со своими учениками, значит, полный зал обеспечен.

Надо правду сказать, здесь не так уж много чего есть посмотреть: артисты все-таки приезжают не-

*Нам искусственных горок не надо,
у нас сопки кругом.*

часто... Выходит, клуб фокусников не только: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало». Это и по-настоящему полезное дело, потому что артисты в пионерских галстуках помогают людям лучше отдохнуть! В ребятах уже есть чувство ответственности перед зрителем, чувство артистического азарта.

В Тынде, мы уже говорили, не очень-то свободно с помещениями. А все же для фокусников нашли кое-что: теперь есть где по-настоящему репетировать. Есть, наконец, где готовить и хранить реквизит: часто вещи громоздкие.

— И хотим,— рассказывает Михайленко,— устроить свой собственный аттракцион на манер знаменитого Игоря Кио... Сам великий иллюзионист вряд ли скоро доберется до БАМа с двумя вагонами своего фокусного багажа. Значит, мы... ну хоть отчасти его заменим. Почему бамовцы должны жить без такого замечательного зрелища?..

И тут я хочу остановиться, потому что кое у кого, боюсь, возникло что-то среднее между удивлением и недоброй усмешкой: мол, подполковник милиции, а фокусами развлекается — как-то не того...

Вот мой ответ. Николай Лаврентьевич Михайленко «развлекается» этим не для себя лично, а для ребят. Другому кажется: два часа в неделю (столько идут занятия в клубе) не такая уж нагрузка. Но те, кто хоть немного знаком с милицейской работой, знают: там суббот не бывает — это обычный рабочий день, то есть до десяти, до одиннадцати вечера. Да и в воскресенье, глядишь, судьба подкинет непредвиденный вызов. Куда уж тут отрывать от семьи несколько оставшихся свободных часов. А он отрывает!

Михайленко любят в Тынде, вообще на БАМе. Не только потому, что такой вот он остроумный, спокойный и доброжелательный человек, не только потому, что отличный мастер фокуса, а потому, что видят: это все он не для себя старается, не для своей какой-то выгоды, а для всех, для людей... Помните, я уж говорил: такая же черта и у Анатолия Гусева. Да и у каждого настоящего бамовца. Оттого Михайленко так легко и быстро стал здесь своим.

Когда после трудной недели он выходит на сцену дворца культуры «Октябрь», ему уже заранее хлопают, знают: сейчас пойдут его веселые чудеса.

Вместе с ним его ученики. И его сыновья — Дима и Сережа. Дима-то уже взрослый, шестиклассник, артист со своей программой. А Сереже всего пять лет. Но и он умеет откуда-то из страниц совсем тоненькой детской книжки вдруг вынуть несколько больших и ярких кубиков, на которых какие-то

Транспорт Севера — новый и старый... Так они встретились на одной фотографии.

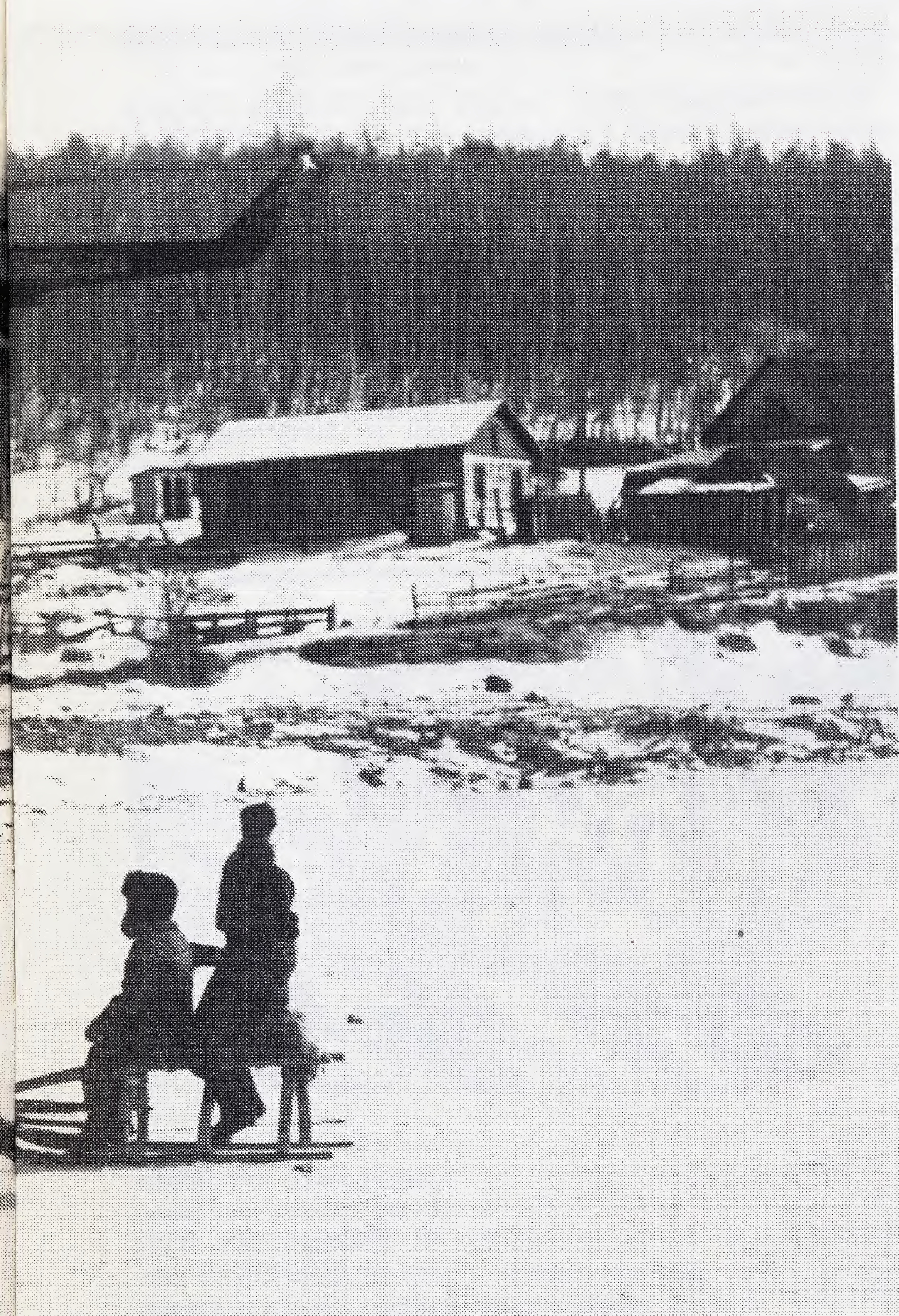
буквы. И если эти буквы правильно сложить, то получится слово: «МАМА».

Удачи тебе, Сережка!

По платью встречают... Давайте и мы разок «встретим» бамовца по платью.

Я сразу сказал бы: здесь одеваются хорошо. Добротно, спокойно и «мехово», если можно так выразиться.

День воскресный, солнце, как всегда, сияет и светит. Температура к полудню выросла с тридцати четырех до двадцати пяти — жить можно. Даже более того — жить хочется. Хочется смотреть в интеллигентные, спокойные, рабочие лица людей, идущих навстречу...

Дальше будет непредвиденный поворот. Потому что я хочу этим людям задать вопрос, который возник у меня еще в Москве. И у вас он, наверное, возникал, и у ваших родителей — под влиянием разговоров, слухов, а то и статей-очерков, приходивших с БАМа...

И вот я хочу спросить этих людей с интеллигентными, честными лицами: почему вы так поступали с прекрасной неповторимой сибирской природой? Как это могло произойти?

Такой вопрос я задавал всем, кому только мог — строителю Гусеву, начальнику милиции в поселке Усть-Нюкжа Усенко, шоферу Догару, Герою Социалистического Труда мостостроителю Хромову, замначальника Главбамстроя А. Н. Фролову.

А прежде всего я сам пытался ответить себе на этот вопрос.

И какие-то находил приемлемые ответы, потому что все-таки слухи и очерки, которыми питаешься в Москве,— это одно, а увидеть все своими глазами — совсем другое.

Мне рассказывали первостроители с Центрального участка — они киевляне были и москвичи,— как по неопытности вначале ставили свои зимовочные вагончики прямо на грунт... на мерзлоту.

А холода стояли соответствующие. Что делать? Топить, топить, конечно. Что называется, «до потери пульса». И вот сидят они в своем вагончике, голые по пояс, буквально задыхающиеся от жары. А ноги коченеют, несмотря на ватные брюки и меховые унты... Повесил мокрую после стирки рубаху — с полу вырастает вверх железной крепости сосулька, которая, если говорить по-научному, должна бы, наверное, именоваться сталагмитом. Утром одеваешься второпях: фу, ты, нелегкая, ворот у тулупа отсырел. Ну, ладно, что поделаешь... Стал надевать, а он не надевается: нижняя часть полы намертво примерзла к стене, хоть ножом отрезай...

Оказывается, надо было всего лишь «подвесить», приподнять жилище на столбах, отодвинуть от векового подземного холода.

Эти и тому подобные «выходки» сибирской природы вызывали у первопроходцев БАМа, казалось бы, естественное желание ответить, так сказать, ударом на удар, наказать непокорную. Отсюда и масса всяких лозунгов про покорение, про побеждение. «Мы покорим тебя..........!» Вместо точек поставь нужное слово: «тайга», «мерзлота», «Даван», «Кувыкта», «мороз», «Сибирь».

А почему бы, спрашивается, не покорять? Ведь человек — царь природы... Мысль эта, кстати, правильная.

Только часто мы неправильно понимаем здесь слово «царь». Нам нельзя быть с природой глупыми «царями».

Бамовцы постепенно к этому и пришли — поняли, что с природой не надо воевать. С ней надо **мириться** — это, например, относится к марям и мошкаре. Существуют эти не очень-то приятные вещи, и пока ничего тут не поделать.

А иной раз от природы приходится **спасаться**, как

от мороза: запастись хорошей одеждой, дровами, надежными жилищами. Это скоро поняли те, кто были первопроходцами, а потом стали опытными жителями Сибири.

В некоторых случаях со здешней природой стоит просто **ладить** — вот с мерзлотой, скажем... Например, известно ли вам, что рельсы на мерзлоте выгодней всего прокладывать вот каким способом. На грунт стелют толстый слой пенопласта, на пенопласт — особо прочный синтетический материал, а уж затем делают насыпь, кладут шпалы и рельсы.

И так десятки, сотни километров дороги... Дорого? Конечно!

Но все же дешевле, чем «воевать» с мерзлотой,— проверено!

За «невежливое» обращение мерзлота мстит, и сурово: сколько раз твердокаменный тот грунт протаивал и готовая насыпь уходила в открывшиеся словно бы бездонные провалы. Как спички, ломались крепчайшие шпалы, рельсы вставали на дыбы.

Девятиэтажки строит бригада Анатолия Гусева. А шестнадцатиэтажные дома — другая знаменитая бригада, Мусаиба Аюбова. Кстати, они тоже москвичи!

Итак, «мириться», «ладить»... Но всего лучше сибирскую природу **беречь.**

Один начальник с большим удовольствием рассказывал мне. что для бригады лесорубов каждая лишняя спиленная сосна стоит сорок рублей штрафа...

Нет, не понравился мне бодрый голос того человека и не понравилась эта система штрафов — на них надежда плохая: кто там уследит средь миллионной толпы деревьев за судьбою одной сосны.

Природа, если уж говорить начистоту, беззащитна перед человеком. И беречь ее надо не штрафом, а только добрым, хозяйским отношением...

«Доброе, хозяйское отношение». Вроде все ясно: береги, не разрешай деревья рубить, стволы переводить на щепу, перегораживать таежные речки...

Однако не все так просто и однозначно. Если ты действительно настоящий хозяин, тебе надо все время считать, прикидывать: это выгодно, это нет.

Вот один пример. Будущим могучим предприятиям Центрального участка БАМа нужно огромное количество энергии. Многие проблемы поможет решить каскад электростанций на реке Зее... Но в волнах разлившегося у плотины искусственного моря утонут богатейшие залежи полезных ископаемых.

Я это говорю сейчас не для того, чтобы поразить ваше воображение. И не для того, чтобы вы безоговорочно верили фильмам про сельскую учительницу, которая успешно отстаивает родную природу от нашествия «злого» директора завода. И не для того, чтобы оправдать того директора. Я просто хочу, чтобы вы знали, перед каким выбором постоянно оказываются бамовцы — в данном случае руководители этой великой стройки. Я, естественно, не говорю вам, что, мол, присоединяйте свой голос к тому или иному решению. Но я хочу сказать: знайте, дела обстоят неоднозначно. Готовьтесь. Завтра это все решать вам!

В предыдущей главке я упомянул имя А. Н. Фролова, сказал, что он заместитель начальника Главбамстроя. А когда-то Анатолий Николаевич был «простым» начальником комсомольско-молодежного отряда иркутских ребят. Они должны

были пробивать просеку и строить поселок на речке Улькан. Поселок, кстати, так и назвали.

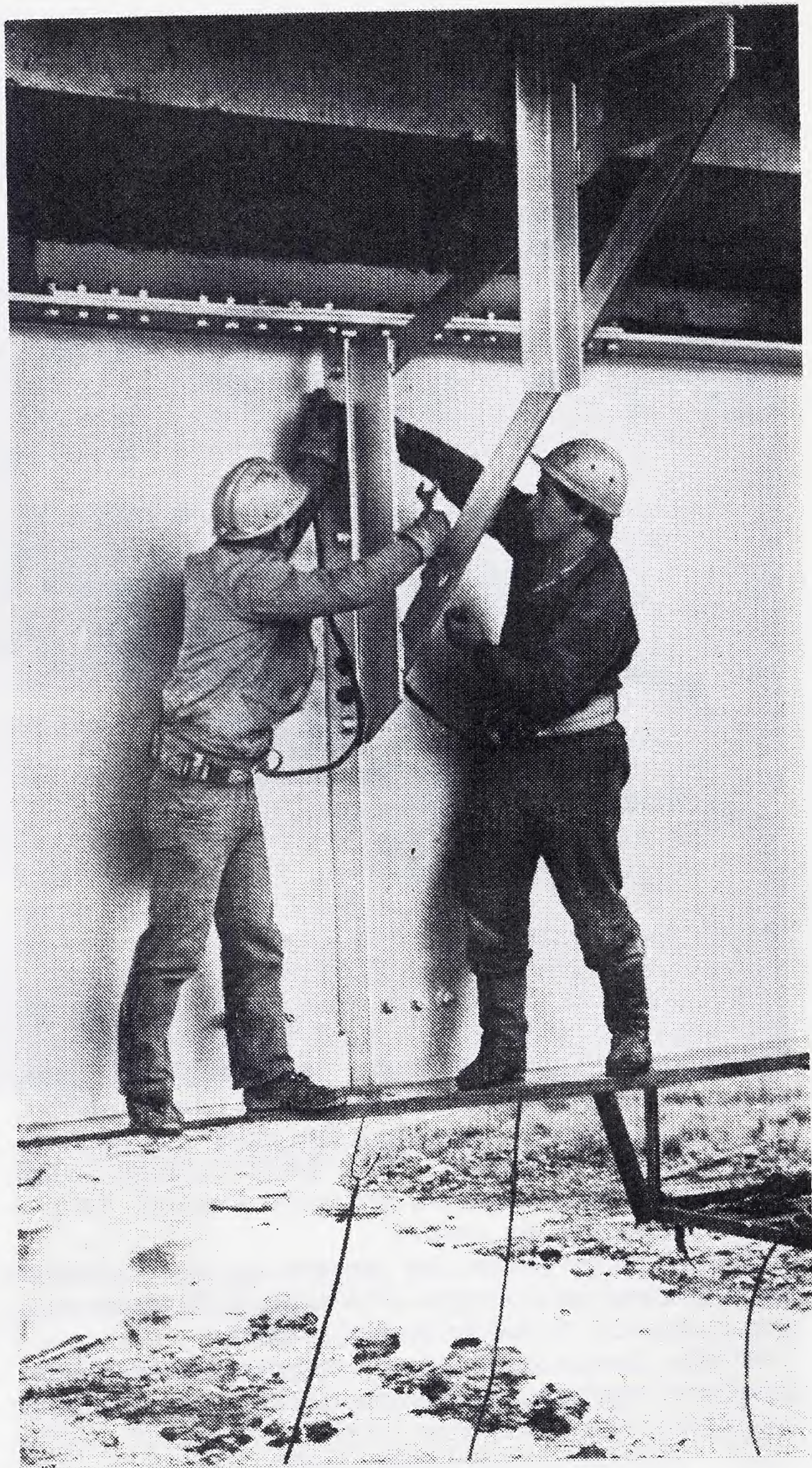
И почти сразу об Улькане пошла добрая слава. Там строили, чтобы максимально сохранять кусты и деревья, понимая, что озеленять в Сибири — дело слишком многолетнее. Когда оно еще вырастет, «озеленение», а тут уже «готовая тайга». Иркутяне вообще берегли природу: не брали лишнего из карьеров — оставляли скальную прочную и такую непрочную перед взрывчаткой красу и просеку рубили ровно столько, сколько нужно!

Улькан — это значит «Сиговая», там действительно и сиги водились, и таймени знаменитые. Но по проекту надо было «отжать» речку, выгнать из старого русла. Что ж, дело знакомое — направленный взрыв, ударная работа самосвалов и бульдозеров — готово... Потом постепенно начинают заботиться о новом русле — так бывало часто у тех, кто «покорял». Фролов и его товарищи сперва вырыли для реки новую дорогу, потом уж взялись «отжимать». И рыба в реке осталась, не погибла! Не погибла и сама красивая река...

Я разговаривал с Анатолием Николаевичем почти два часа,— много историй, много «информации к размышлению». Но самое важное — вот что мне удалось понять: в Улькан приехали свои, хозяева, иркутяне. Им и в голову не приходили «завоевательские планы». Они хотели тут строить, а не покорять. и потом тут жить.

С Улькана беседа наша переходит на другие речки и реки БАМа. Судьба их была непроста. Но если все делалось по-человечески, то реки остались живы, или, говоря технологично, восстановились.

Я не совру вам, если скажу, что сейчас на БАМе многое делается для того, чтобы рекультивировать (восстановить) то, что нарушила грозно прошедшая техника. На Западном участке вы, пожалуй, и не заметите, где прошла стройка. Это уже хорошо, это уже много. Про Восточный и про Центральный участки такого пока не скажешь. Однако радует тенденция: беречь, хотя это далеко не так просто, и восстанавливать, где не уберегли.

Мостостроитель — одна из главнейших, почетнейших на БАМе профессий!

В Москве, хоть я и живу в старом, еще довоенном доме, слышимость у нас... идеальная. Одна из стен моей квартиры является границей между нашим подъездом и соседним... За стеною этой живут люди, которых я никогда не видел, но про которых довольно-таки много знаю. И они мне симпатичны. Во-первых, я ни разу не слышал, чтобы они ссорились. Во-вторых, кто-то там у них очень красиво играет на гитаре. В-третьих, они на той пограничной стене повесили старинные часы. И я легко просыпаюсь под их спокойный и дружелюбный бой в свои обычные семь утра...

А еще там живет замечательнейший котище — эдакий тигр слегка уменьшенных размеров. Иногда он приходит к нам на балкон по узенькой карнизной тропке. А еще у них цветы на балконе растут — чудеса ботаники: я как иду домой, обязательно гляну.

Однако мне и в голову не приходит позвонить им однажды в дверь и сказать:

— Здравствуйте, вы мне симпатичны и любопытны, я ваш сосед вон из-за той стены, давайте познакомимся...

Да, в Москве это невозможно. На БАМе — самое обычное дело! Там поздно вечером можно постучать в дверь вагончика:

— Товарищи, пустите переночевать.

Некоторые считают, это из-за того, что здесь привыкли жить в общежитиях, в тесноте и тому подобное... Но я-то думаю, здесь все-таки народ

отборный, не простой все-таки народ в смысле душевных качеств!

Однажды мне захотелось познакомиться с двумя мальчишками. Но по московской своей «воспитанности» я сделать это стеснялся... А было, между прочим, холодно, а был, между прочим, вечер. Я откровенно мерз, стоя у бортика хоккейной коробки. Мальчишки же, эти двое, неистово тренировались — вратарь и нападающий. Нападающий лупил по воротам, бросал шайбу то издали, то сблизи, а вратарь все брал! Он был в полной хоккейной амуниции и даже во вратарской маске, разрисованной под эдакого весельчака Билли Бонса, любителя спеть пиратскую песню: «Семнадцать человек на сундук мертвеца...»

Из-под зимней шапки и из-под шлема на жутковатую эту маску вылезал рыжий чуб. Я как только его рассмотрел в свете фонаря, так сразу и сообразил: вот он, предлог! Есть такая примета, что, мол, с рыжими надо здороваться — будет везение. И я крикнул вратарю замерзшим голосом:

— Здорово!

Но ответил не вратарь, а нападающий:

— Вы замерзли, дядь? Хотите клюшечку взять?

Признаюсь, я несколько растерялся.

— Да нате,— сказал нападающий.— Вас как зовут?.. Понятно. А меня Петя. И его тоже Петя. Только, видите, он Рыжий, а я Простой. Мы почти что всегда вместе, а различать как-то надо. Вот нас так и зовут: Простой да Рыжий.

Я перебрался через борт, взял клюшку. Крикнул, что, мол, давненько не брал в руки шашек...

Начал бросать помаленьку. А Рыжий стал отбивать... Пока я не смог забить ему ни одной шайбы.

— Ну, видишь! — крикнул Простой.— А ты говоришь, я притворяюсь... Вон дядя Сережа какой взрослый... Вам сколько лет, дядя Сереж?.. Ого! А тоже забросить не может!

Тут я вдруг услышал из-под маски странный звук: Рыжий всхлипнул... Он плакал, оказывается, спрятавшись за пиратской маской!

Я еще побросал немного, теперь уже незаметно стараясь пустить шайбу не очень сильно и не в самые коварные места. Рыжий так и остался «сухим»... Наконец, я отдал клюшку Простому:

— Все, сдаюсь!

Рыжий выехал из ворот, снял маску, быстро утер слезы. Физиономия у него оказалась конопатая, симпатичная, со светло-карими, тоже, можно сказать, рыжими глазами.

— Понимаете,— сказал он,— я сам не люблю таких людей! Настает трудный момент, а он, например, заболевает. Причем, понимаете, по-настоящему, с температурой... У него так организм устроен!

— Чего-то я не понял пока, ребят...

— Я говорю,— стал объяснять Рыжий,— бывают случаи, когда ты даже ногу сломать не имеешь права! А тем более уехать...

— Еще больше не понял! — Я развел руками.

— Ну, дело в том,— стал тогда растолковывать Простой,— что у нас есть в отряде такая Оксана Чистозвонова...

— Ей бы в балерины пойти,— сказал Рыжий,— да ее родители в детстве слишком хорошо кормили!

— И она считает и всем говорит, что Петька... ну, Рыжий в смысле, нарочно не хочет встречу играть... У нас тут принципиальный матч со старшим классом, с шестым «Г».

— Так ты болен, что ль, Петь? — спросил я у Рыжего.— О чем мы все же толкуем?

Тут Рыжий махнул рукой и заплакал, уже не стесняясь. Простой посмотрел на меня, как на недоумка:

— Да уезжает он... В Ленинград!

Вот так дела! Теперь мне все стало понятно, наконец. Ни при чем тут была злополучная Оксана Чистозвонова, ни при чем и сам матч... Ситуация очень простая: отработали люди на БАМе лет, скажем, восемь — десять, пора, что называется, и честь знать. Хочется наконец выйти на Невский да на Кировский. Это так родители Петьки Рыжего понимают.

А сам он понимает по-другому. Вернее, просто ревет в три ручья, потому что здесь все его друзья, любимая школа № 5 и окрестные грибные-ягодные сопки, где на деревьях сидят доверчивые белки и при желании можно услышать медвежий рык, где таежный ветер гуляет прямо по центральной тындинской улице, прямо по Красной Пресне, где небо... Где все то, чего не перечислить словами, а только перечислить душой и, что называется, родиной, родным краем...

Я что-то там стал говорить про ленинградские красоты...

— Да не нужен мне ваш Ленинград! — тихо сказал Рыжий. Он, видно, говорил это не впервые... Говорил и в то же время знал: никуда ему не деться — родители есть родители...

— Главное, ты не уезжай! — сказал Рыжий.

— Я-то не уеду! — ответил Простой.

— Ну и все, ну и тогда нормаль! — У него был вполне реальный план: вернуться сюда через два с половиной года, после восьмого класса, и поступить в ПТУ... Но я-то знал, что этот план не больно реален: на три года взрослую жизнь и то загадывать трудно, а уж ребячью...

Они переобулись в валенки, попрощались, пошли, тихо разговаривая... коренные сибиряки. А мне до ужаса жаль было, что Петька Рыжий уезжает с БАМа. Нет, я не сильно верил, что он вернется. Ленинград слишком прекрасен. И вообще страна наша слишком огромна... Огромна! И навсегда останется БАМ без Рыжего...

При составлении поездов на станции Тында используется самая современная аппаратура.

Фотографии В. САЯПИНА.

Это Кувыкта — один из красивейших поселков Центрального участка БАМа.

Жаль Петьку. Жаль и БАМ, что лишается такого человека... Так я думал, ничуть не шутя...

Но потом, знаете, я стал думать повеселей!

Я не очень-то верю в разные предзнаменования. Однако так или иначе, а Петька Рыжий участвовал в том историческом матче с шестым «Г»: погода была для его родителей нелетная — аэродром завалило снегом. А это для здешних «безосадковых» мест событие такое же редкостное, как ливень в пустыне Сахара!

Эх, зарекался я писать про самолетные впечатления. Помните, еще в прошлом номере, в самом начале говорил, что они удел молоденьких журналистиков, которые свою неопытность выдают за романтику... Зарекался, да вот не могу удержаться. И немного напишу — уж простите!

Маленький местный самолетик ревел грозно, однако бежал по взлетной полосе не очень-то шибко. И вдруг, словно подхваченный порывом ветра, взлетел, пошел карабкаться наверх... Сделал круг.

Я смотрел вниз, на Тынду, с которой расставался навсегда. Простите мне это «красиво-трагическое» слово, однако, вернее всего, написал чистую правду.

По работе своей я попадал в самые разные уголки Советского Союза. На юг очень южной Туркмении — под город Мары и на север северной Якутии — в поселок Тикси. Ловил салаку в Балтийском море и трепангов — в Японском...

Но редко-редко, почти никогда я дважды не оказывался в одном и том же месте! Поэтому всегда говорю себе: слушай, запоминай, фотографируй памятью. Больше этого никогда не увидишь и не услышишь!

Вот и сейчас я тер притуманенное, примороженное круглое окошко — смотрел, прощался с Тындой. И снова видел, как удачно и красиво вписался город в окрестные сопки... Вообще с высоты этого так называемого птичьего полета все казалось таким спокойным и милым.

Было утро. В небо дружно тянулись дымки из многочисленных тындинских печек. И даже черный рукав полукопоти из раскритикованной мною трубы центральной котельной казался сверху каким-то даже почти родным, а совсем не зловредным.

Чуть в сторону от этой трубы и нового железнодорожного вокзала мелькнуло хозяйство ДРСУ-1, то есть дорожно-строительного управления. Я жил там в гостинице — отличная была гостиница! И жилые дома в том хозяйстве отличные. Они хоть и одноэтажные, хоть и деревянные, да теплые. И газ есть, и центральное отопление, и горячая вода. А почему это все, знаете? А потому, что хозяин там хороший!

Разворачиваясь, самолет качнул крыльями. Солнечный свет длинной волной побежал по рельсам — стальным, морозным, почти бесконечно убегающим с запада на восток...

И я подумал: может быть, увижу?.. Может быть, я увижу ту скалу?.. Не увидел, конечно. Но я и так знал, что не забуду ее никогда.

Сперва о ней рассказал мне Владимир Григорьевич Хромов, молодой, голубоглазый бурильщик-мостостроитель, Герой Социалистического Труда.

А потом я и сам ее увидел — когда возвращался в Тынду из, так сказать, местной командировки.

Мне в тот раз хорошо было возвращаться. Я повидал, услышал много интересного и надеялся про это интересно написать — значит, не зря проедаю командировочные деньги. И еще я знал, что уже через несколько часов, когда у нас будет вечер, а в Москве наступит нормальное, не слишком раннее субботнее утро, я пойду на тындинский почтамт и позвоню домой...

Ну и так далее... А сам сидел у окна, за которым мелькал все лес, лес, лес — по правде сказать, весьма мелкорослый: не подумаешь, что и тайга. Но тайга, однако.

Иногда к самому полотну из деревьев этих выскакивали скалы. Мелькнет и пропала — не успеешь рассмотреть: то ли похожа на что, то ли ни на что не похожа...

Скала, которую я надеялся и не надеялся увидеть, о которой говорил мне Хромов, вышла к рельсам как бы заранее... То есть это я так пишу «художественно», а на самом деле просто там ровный участок пути, и она была видна издалека. Я думаю, ее выбрали специально. Поезд бежал к ней, а я уже знал, что это она!

На серовато-стальном ее камне темной красной краской, похожей на закопченный огонь, крупно было выведено:

РЕБЯТА! БЕРЕГИТЕ БАМ!

В далеком 1974 году на одной из первых бамовских палаток я прочитал: «Вот мы и дома». Теперь, через двенадцать лет, быть может, тою же рукой написаны были эти слова.

Думаю, они не о железнодорожном полотне и не о тех уютных, новеньких, часто очень красивых поселках, что встают вдоль него, и даже не о сибирской, «бамовской» природе. Мне кажется, те слова о чем-то еще более важном — о законах чести, мужества, доброты, благородства, о законах, по которым жили строители Магнитки, Днепрогэса, Кузнецка, и защитники Москвы, защитники Ленинграда, и освоители целины, и покорители космоса. По которым должна жить и живет наша страна. По которым она будет жить дальше, всегда. Поэтому те слова обращены и к вам. Даже больше всего к вам. Именно к вам:

Ребята! Берегите БАМ!

ТОЛЬКО ТАК

О всесоюзных ударных комсомольских стройках XII пятилетки рассказывает заведующий Отделом рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ Валерий Борисович СТЕПОВОЙ.

Вы слышали песню «Комсомольцы-добровольцы»? Она о тридцатых годах. Гигантский размах приняло тогда движение ударников, стахановское движение. За несколько лет отсталую страну надо было превратить в сильную индустриальную державу. Многое зависело от стахановцев. Это были в основном молодые люди, комсомольцы, которые добровольно, по комсомольским путевкам ехали на важнейшие стройки страны трудиться, отдавать свою молодую энергию, силы.

В те годы было много комсомольских строек. Начиналась их история в 1919 году на реке Волхове. По призыву комсомола съехались туда из Петрограда, из Новгорода, из Пскова юноши и девушки, чтобы возвести на воспетой в былинах реке гидроэлектростанцию. Правда, по-настоящему за строительство взялись лишь в 1921 году: гражданская война и интервенция мешали стройке. Город, который вырос возле ГЭС, назвали Волховстрой. В память о тех днях.

Теперь эта электростанция выглядит более чем скромно, а в то время ее появление стало великой победой, о которой заговорил весь мир.

Потом были Магнитка, Турксиб, московское метро, Комсомольск-на-Амуре...

Потом, после войны, комсомольцы восстанавливали разрушенные фашистами города, взорванные заводы и шахты, искореженные железнодорожные линии и мосты.

Потом была целина... Сколько всего было потом! Комсомольцы-добровольцы пробивались сквозь сибирские холода, сквозь жару Каракумов, сквозь неустроенность палаточных городков, чтобы своим ударным трудом приумножить богатства любимой Родины. А Родина прикрепляла к знамени комсомола ордена — за самоотверженный труд.

Сегодня ударных комсомольских строек 72. А в прошлой пятилетке их было 135. Почему так? Почему их стало меньше? Выбрали из важных строек самые главные, самые значительные. И на них сконцентрировали усилия. Силу молодых рабочих рук. А сила эта великая. Более 100 000 комсомольцев-добровольцев, как и в прошлые годы.

И вновь комсомольцы-добровольцы едут в отдаленные уголки страны, чтобы строить, удар-

МОЖНО СЧАСТЬЕ НАЙТИ!

но строить наше Завтра. Точно так же, как Вчера служило фундаментом для Сегодня, Сегодня мы подготавливаем Завтра. И еще, чтобы понять Завтра, надо хорошенько знать Вчера. Поэтому давайте сначала ненадолго оглянемся назад...

XI пятилетка. Соединена лента БАМа. Лег через полстраны гигантский газопровод Уренгой — Помары — Ужгород. На Череповецком металлургическом комбинате выстроена крупнейшая в мире доменная печь. В Западной Сибири начал работу многотысячный всесоюзный комсомольский отряд «Стахановец». Ямбург, Новый Уренгой, Надым — эти адреса всесоюзных комсомольских строек появились как будто недавно, но о них знает уже весь мир. И нет ничего удивительного. Несметные запасы газа таятся в недрах западносибирской земли. «Стахановец» поможет ускорить освоение этих подземных кладовых.

Все знают, как сельскому хозяйству нужен хороший комбайн. Строительство завода по изготовлению уникального комбайна поручено молодым. И вот уже новый комбайн — «Дон-1500» — выпускают в Ростове. Первые сто «Донов» — их производительность почти в два раза выше, чем у прежних моделей,— сошли с конвейера в начале года. Таков подарок ростовчан XXVII съезду партии.

А вот еще один пример. Разразилось в Ленинабадской области Таджикистана землетрясение. И выехал туда комсомольский строительный отряд «Дружба». Многонациональный отряд. Сегодня он продолжает трудиться на таджикской земле. Многое уже восстановлено.

Как видите, всесоюзные ударные комсомольские стройки — это не только романтика дальних дорог, ночных костров, таежных чащ, не только новые, незнакомые края. Это еще и школа. Школа самостоятельности. Проверка на прочность. Закалка характера. Поиск счастья. Потому, наверное, тысячи юношей и девушек и отправляются на комсомольские стройки.

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии отмечено, что «наши планы на ближайшую и отдаленную перспективу в значительной степени связаны с освоением природных богатств Сибири и Дальнего Востока». Вглядитесь внимательно в карту всесоюзных ударных комсомольских строек XII пятилетки. Более половины из них — за Уралом. Некоторые нам хорошо знакомы: строительство идет дальше, как, например, на Байкало-Амурской магистрали.

БАМ вновь объявлен ударной комсомольской стройкой. Только теперь вдоль готовой уже магистрали предстоит строить города и поселки, комбинаты и заводы, разрабатывать месторождения полезных ископаемых. И вот на БАМ едут по комсомольским путевкам не только строители, но геологи и инженеры, врачи и учителя, архитекторы и железнодорожники. Пятый всесоюзный отряд молодых железнодорожников имени XXVII съезда КПСС уже отправился на БАМ.

Готовятся к отправке новые отряды. Ребятам предстоит водить поезда по легендарной магистрали.

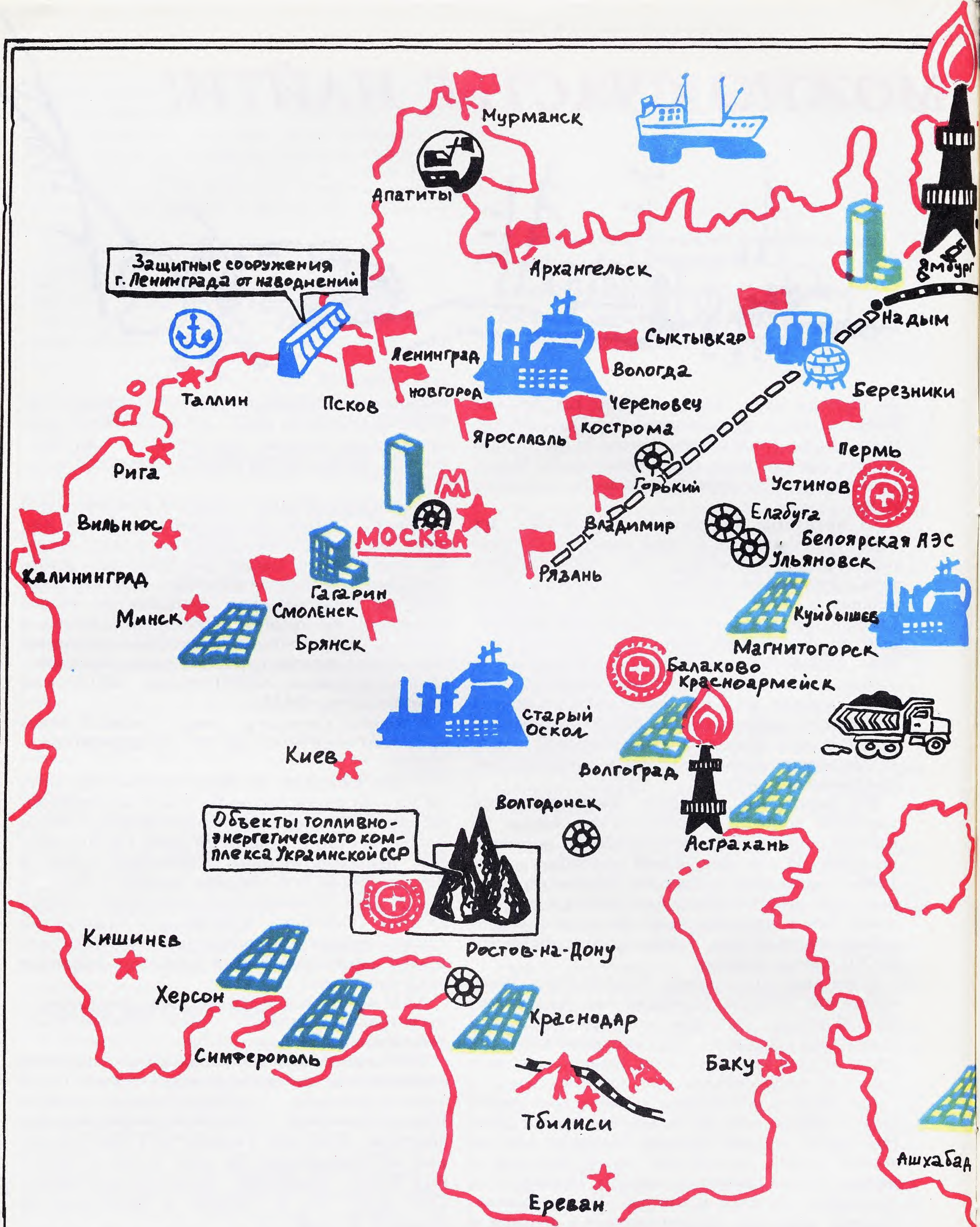
А вот, смотрите, по карте протянулась нить АЯМа — будущей Амуро-Якутской железной магистрали. Видите, линия ответвляется от БАМа (от Нерюнгри) и тянется на север (до Якутска). Как непросто сегодня доставлять грузы в Якутск! Летом есть «водная дорога» — Лена. А зимой лишь по специально укатанному снежному пути — зимнику — да по воздуху. Самолетами и вертолетами грузы можно перемещать быстро, только дорого это. А если непогода? Закроется воздушный мост.

АЯМ необходим, и трудится над сооружением магистрали тысячный отряд комсомольцев-добровольцев.

Все чаще теперь комсомольскими ударными становятся целые серии, каскады строек. Такой «многостроечной» стройкой можно назвать Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс (КАТЭК). Основа КАТЭКа — угольные месторождения. На угле, который прямо под боком, заработают теплоэлектростанции. Они дадут ток в Сибирь, в Казахстан, на Дальний Восток.

Дешевую электроэнергию дают гидроэлектростанции. Поэтому их и строят. Целым каскадом такие станции перекроют стремительные реки Восточной Сибири.

Без мощных горнодобывающих машин в горном деле не обойтись. Так же без сильных механизмов не обойтись и в мелиорации, и в

строительстве. Это каждому понятно. И машины нужны не просто мощные, а очень мощные. Каких мы еще никогда не строили. А теперь будем строить! Под Красноярском возводится завод тяжелых экскаваторов. Таких больших и мощных машин, какими будут красноярские экскаваторы-гераклы, еще в мире и не было.

Снова внимательно посмотрите на карту. Сколько в стране важнейших строек! Мы упомянули лишь некоторые. Рассказ о многих дру-

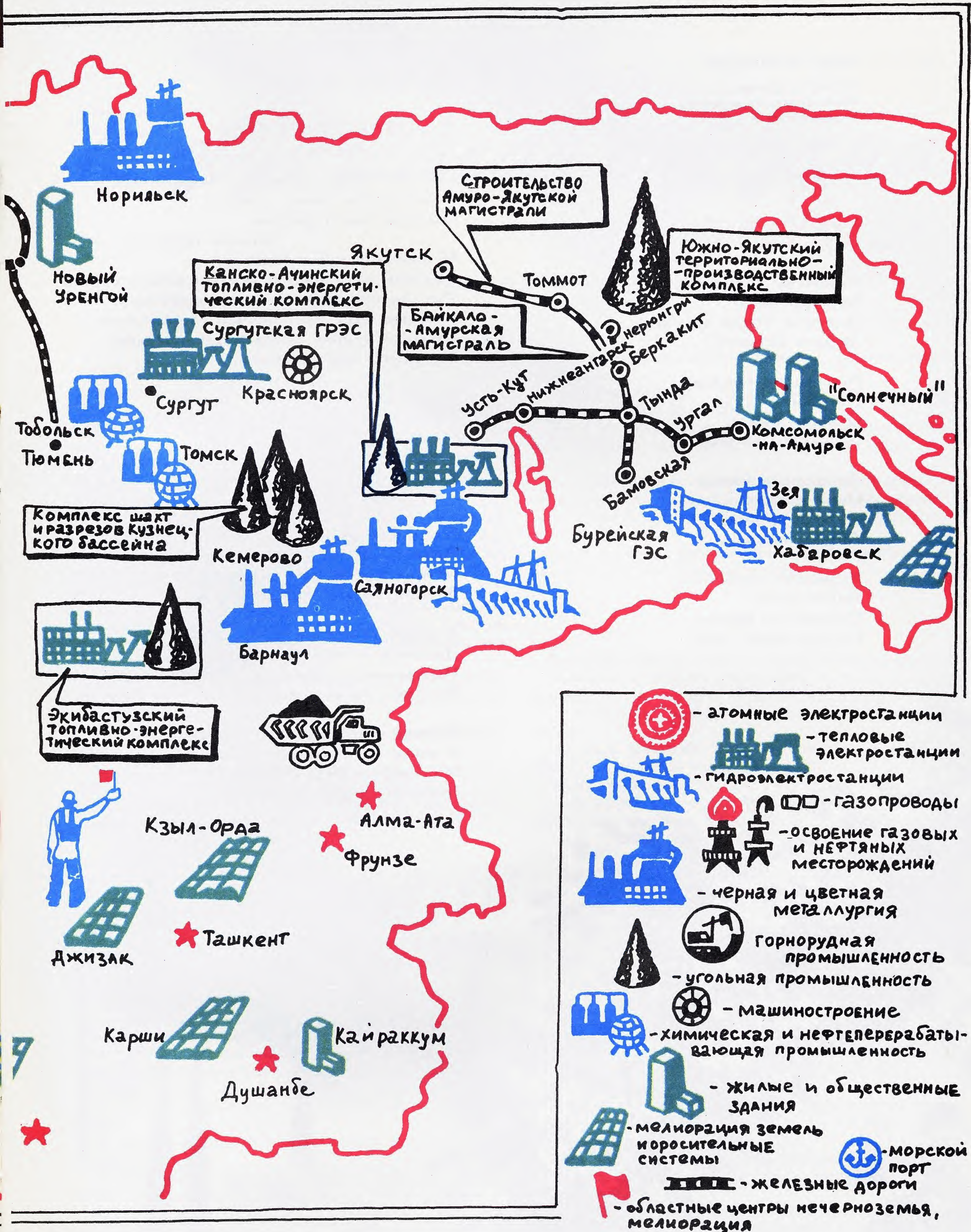

Рисунок А. БУДАНОВА.

гих — впереди. Старайтесь, узнавая о комсомольских ударных стройках, думать о них как о возможном месте своей будущей работы. Разве это так невероятно, что через три-четыре года кто-то из вас отправится по комсомольской путевке на великую стройку Сибири или Дальнего Востока. И Москва с исторической Комсомольской площади будет провожать уже вас, как провожала прежде многих своих сынов и дочерей, комсомольцев-добровольцев.

Раим ФАРХАДИ,
лауреат премии
Ленинского комсомола
Узбекистана

Утренний садовник

Утренний садовник,
Разбуди меня
Плеском струй арычных,
Звоном кетменя.

Поведи по грядкам,
По своим садам.
Отвори ворота
Ласковым ветрам.

Доброму восходу
Окна распахни.
Яблоко земное
Людям сохрани...

Утренний садовник,
Научи меня
Радоваться жизни,
Наступленью дня!

Юным хлопкоробам

Сколько будет пушистых коробочек,
Хлопкоробы легко узнают:
Сколько было рядков,
сколько тропочек
И арычков проложено тут.
Каждый куст был осмотрен внимательно:
Нет ли вредных жучков, червячков?
Каждый куст был окучен старательно —
Сколько в поле волшебных цветков!
Сосчитать постарайтесь,
сумейте-ка!
Хлопкоробы совет вам дадут:
Здесь проста и сложна арифметика,
Называется коротко: труд.

* * *

Кленовые шпаги держа,
Ползли мы под крышу сарая
И прыгали из блиндажа,
В войну вдохновенно играя.

А возле облезлой стены
Девчонки с испугом внимали
Игрушечным взрывам войны
И кукол своих пеленали.

Поныне картину одну
Я вижу от дома в сторонке:
Мальчишки играют в войну,
Баюкают кукол девчонки.

Рисунок И. ПАНКОВА.

Моей Музе
и вдохновительнице
воспоминаний
Софье Богатыревой

Эдуард БАБАЕВ

В двух шагах от дома

РАССКАЗ

Рисунки В. ДУДКИНА.

с давней
и неизменной
любовью

Э. Бабаев

I

Как я болел, этого не помню.

А выздоравливать начал, кажется, в тот самый день, когда старший брат подарил мне три испанские марки. Целую серию!

Эти три марки было первое, что я увидел. И вдруг понял, что болезнь прошла, что я выздоравливаю.

Так бывает, когда долго сидишь под водой, а потом вдруг почувствуешь, что сумрак тебя выталкивает к свету... Вынырнешь и сначала плохо различаешь, где волна, где берег, где корма: все в какой-то радужной сверкающей мгле.

Так и я сначала видел просто разноцветные марки — зеленую, красную и фиолетовую. А потом стал различать изображенные на них корабли. Это были каравеллы Колумба.

Я уже отчетливо видел мачты, паруса, палубы, кипящие волны за кормой. И корабли казались мне огромными в огромном океане.

И я стал думать о путешествиях и путешественниках.

В соседней комнате моя сестра играла на рояле польку Рахманинова. А в окно с постели мне были видны лишь крыша нашей террасы и яблоня во дворе.

II

Я знал одного настоящего путешественника. Даже двух!

Первый — это, конечно, профессор Курихин из университета, а второй — его сын Ленька, мой школьный приятель.

Ленька первый из всей нашей школы увидел пустыню Каракумы, купался в Амударье... Он всюду ездил со своим отцом. И снимал новеньким фотоаппаратом «Лейка» пустынные пейзажи. Колючий саксауловый лес в песках, полузатонувшая лодка на необитаемом острове, стальная стела, оставленная альпинистами в горах на скалах...

А дома в столовой у Курихиных висел портрет Пржевальского.

И отец, и сын мечтали побывать там, где остановился великий путешественник Пржевальский.

Они говорили:

— Там, где остановился Пржевальский...

И мне казалось, что это где-то очень далеко, куда нельзя ни доехать, ни доплыть, ни дойти пешком. Там, где остановился Пржевальский!

Меня только удивляло, что профессор Курихин, человек в гольфах, крагах и черепаховых очках, вечно занятый разбором своих минералогических и прочих коллекций, называл Пржевальского пионером.

— Пржевальский был пионером Средней Азии,— говорил Курихин.

Этим он хотел сказать, что Пржевальский первым побывал там, где до него никто и никогда не бывал...

Я с удивлением смотрел на портрет бородатого генерала. Что, казалось бы, у нас с ним общего?

А общее было то, что, и он, и мы с Ленькой были пионерами.

Хотя, конечно, далеко еще было мне до тех мест, где остановился Пржевальский.

III

Вечером пришел отец в летней военной форме.

Положил фуражку в прихожей на полку и, войдя в комнату, где мы все собирались к обеду, сказал:

— Готовься, завтра поедешь в пионерский лагерь!

Он был веселый, какой-то легкий, как будто что-то решил про себя, но держит в секрете.

Мама сразу поняла, что тут что-то новое.

— В какой пионерский лагерь?— спросила она, расставляя тарелки на столе.

— Как в какой?— ответил отец, как будто это само собою всем было понятно.— В Каракол...

— Я так и знал,— сказал старший брат и хлопнул меня по спине,— идешь по моим следам, держись!

У этого слова «держись» было много значений: и не падай, и не плачь, и терпи... Однажды он усадил меня на багажник своего велосипеда «Оппель», сказал: «Держись» — и помчался с такой скоростью, что дух захватило, и я не успел ему сказать, что у меня шапку ветром унесло... Шапку потеряли.

— А с кем он поедет?— осторожно спросила мама, разливая в тарелки картофельный суп. Отец нарезал хлеб на тонкой столовой доске. Он взглянул на маму и как-то очень просто сказал:

— Поедет один, что за вопрос!

Тут моя сестра, которая была чуть младше моего старшего брата, но значительно старше меня, сказала:

— А я дам ему на дорогу почтовых конвертов! У меня как раз есть целая пачка, и все с марками...

Мама ничего не говорила. Она просто не могла поверить, что я уже выздоровел, и вырос, и могу один поехать в пионерский лагерь.

— Это же всего в двух шагах от дома,— сказал отец про Каракол.

Отец считал, что самостоятельность полезна для здоровья. И я потом всю жизнь был ему благодарен за то, что он тогда придумал это путешествие.

IV

Утром отец уехал в свою часть, мать ушла на работу, брат умчался на соревнования, сестра отправилась на какой-то экзамен в музыкальном училище.

Провожал меня до остановки трамвая сосед Евгеша.

Был он не молодой, не старый, но все звали его Евгеша. Он тут всю жизнь прожил со своей маман. В детстве у него была бонна, и он учился французскому языку. Любил вспоминать, как ему купили серого ослика с медным колокольчиком на шее. Ослик возил его по саду, а маман, оставаясь на высокой застекленной террасе, всегда слышала, где ее Евгеша. «Или, лучше сказать, где ослик»,— думал я, слушая его рассказ.

Евгеша служил секретарем общества филателистов и сам собирал марки с детских лет. У него были большие альбомы, каталоги, справочники; все мальчишки знали его, гордились, если он соглашался с кем-нибудь из них поменяться марками.

Евгеша никогда никуда не уезжал из своего крошечного домика, в котором он жил вместе со своей маман, но много знал обо всем на свете.

— Правда ли,— спросил он меня,— что ты едешь в Каракол?

— Правда,— ответил я, вскидывая рюкзак за спину.

— Ты пойдешь дальше Пржевальского!— воскликнул Евгеша, поправляя на моем плече ремни.

Он был взволнован. И как будто забыл о марках.

— Счастливый путь!— сказал Евгеша и пожал мне руку.

Подошел трамвай. И я уехал. И долго еще видел, стоя на площадке трамвая, одинокого Евгешу, бредущего по жаркой и пустынной улице.

V

На вокзале я обегал все пути и все платформы, но нигде не мог найти своего поезда. Оказалось, что я приехал рано и состав еще не подавали. Бородатый носильщик в сером фартуке, с металлическим номером у плеча сказал:

— Ничего. Обожди немного, пока все свои соберутся.

Я хотел ему сказать, что еду один. И с двумя пересадками!

Но бородатый носильщик ушел, а к перрону тихо подкатил состав из зеленых вагонов с закрытыми окнами. Потянуло дымом от паровоза, послышался скрип тормозов, открылись двери, появились в дверях кондукторы со свернутыми разноцветными флажками.

Началась посадка.

У меня был билет в седьмой вагон. Пассажиров было довольно много, и, главное, было много детей. Когда я подошел к двери, кондуктор спросил меня:

— Ты с кем едешь?

— Я один еду,— сказал я, протягивая ему билет.

— Отойди в сторонку,— сказал он мне,— и не мешай обществу!

Билет мой он положил отдельно в нагрудный карман своего железнодорожного кителя.

В это время я услышал, как кто-то сказал:

— Этот парнишка едет с нами!— И на мое плечо легла рука моего неожиданного защитника.

Это был Константин Адамов, гример из окружного драматического театра. Его жена Антонина была подругой моей мамы.

— Да,— сказала тетя Тоня,— мы берем его с собой.

— А, это ты? Очень рада,— сказала взрослая дочь тети Тони по имени Тина.

«Вот и собрались все свои»,— подумал я, поднимаясь в вагон.

VI

Не знаю, какое у нее было полное имя — Валентина или Тинотина. Но ее звали просто Тина. Ей было, наверное, двадцать лет, не меньше. Еще ее называли Верой Менчик. Была в те годы такая знаменитая шахматистка, которая играла в мировых первенствах в Москве и в Амстердаме наравне с Капабланкой, Алехиным и Ботвинником.

Тина замечательно понимала шахматы.

— Присоединяйся к нам!— сказал Адамов, помахивая поджаристым сухариком.

На столике в купе уже разложена дорожная снедь.

За окном тянулись дувалы, поросшие выгоревшей травой, телеграфные провода, сады предместья.

У меня была боковая полка, верхняя. Я забросил рюкзак на место и пошел в гости к Адамовым. Четвертое место в купе занимал морской капитан, который читал не отрываясь новенькую книгу «Танкер «Дербент». Мы тихо переговаривались, чтобы не мешать ему, а он поглядывал на нас из-за обложки своей книги.

Про всех людей, которые ему нравились, Адамов говорил:

— У него настоящее лицо!

Он и про капитана-попутчика успел шепнуть нам:

— У него настоящее лицо!

Морской капитан был молод, и звали его Валерий Шубин. Потом, когда придет 1941 год, он станет одним из героев обороны Севастополя.

Но мы были все еще в двух шагах от дома.

Паровоз гудел и дымил в широкой туркестанской степи.

VII

Адамов смотрел в окно. Тетя Тоня развернула свежую газету, где была напечатана статья о новой постановке пьесы «Гибель эскадры». А Тина сказала мне:

— Сыграем в шахматы!

У нее всегда под рукой был призовой лакированный ящик с черно-белыми клетками и выточенными из дерева шахматными фигурами.

Морской капитан с удивлением посмотрел на шахматы и сказал:

— Играю с победителем!

Мы с Тиной засмеялись. Я у нее не выигрывал никогда...

Морской капитан отложил книгу и спрыгнул с верхней полки. Он следил за нашей игрой внимательно и даже иногда давал мне советы ввиду явного преимущества противной стороны. Наконец я уступил ему место за шахматной доской.

Поезд весело бежал по рельсам. В окно заглядывало открытое пространство, пахнущее дымом и волей.

Валерий Шубин расставил фигуры по местам и спрятал, как положено, две пешки, предложив Тине

выбирать. Она выбрала правую, вышла черная пешка.

— Белые выигрывают,— неуверенно сказал Валерий.

Вера Менчик усмехнулась. Во время игры она не проронила ни слова, только взглядывала на морского капитана удивленно. А он повторял с восхищением:

— Рокировка на правый борт!

Тетя Тоня была в молодости замечательная красавица.

— Жаль, что я в шахматы играть не умела,— сказала она, взглянув на морского капитана.

VIII

Фрунзе был одноэтажный город.

Редко когда пройдет по улице грузовик или легковая машина. Гораздо чаще встречались повозки, запряженные лошадками, осликами или даже верблюдами.

Было очень жарко. В тени деревьев воздух был неподвижен. После поезда это чувствовалось особенно сильно. Все как-то сразу остановилось.

Мне было даже немного обидно, что Адамовы и Шубин уехали, а я остался. Однако мне тоже нужно было уезжать.

А для того, чтобы продолжать свой путь, я должен был найти автомобильный батальон, как мне объяснил отец.

У меня был записан адрес и даже было письмо к майору Шалаеву. Но когда идешь один по городу, а повсюду на улицах продают мороженое, забываешь про время...

Найти автобат было нетрудно. Трудно было удержаться и не заглянуть на стадион, где шел футбольный матч между двумя неизвестными командами.

Игра была горячая. Футболисты в красных и синих полосатых майках толпились в центре поля. А в воротах синих голкипер ел мороженое. Он расхаживал от штанги к штанге, поправлял сетку и крутил на языке круглые вафельки.

Неподалеку от ворот стоял мороженщик с кадушкой на голове.

Такого матча я никогда не видал. Судья бегал по полю с мокрым полотенцем на голове. Очень уж было жарко.

Машин на улицах города почти не было. Чаще встречались повозки, запряженные лошадьми, осликами.

Машины шли на малой скорости, соблюдая дистанцию.

А когда к вечеру я добрался до автобата, майор Шалаев мне сказал:

— На перевале снег!

IX

Машины вышли поздно вечером.

Больших огней не зажигали, фары не слепили глаза, только мелькали красные сигналы на впереди идущих грузовиках.

Я ехал с двумя бойцами в кузове второй машины.

Машина была тяжело нагружена, и только для сопровождающих оставалось место возле кабины. Здесь было хорошо, не так ветрено и не так шумно.

Мне выдали валенки, шинель и теплую шапку. Впереди был перевал.

Один из бойцов, Чугунов, был новобранец, и он рассказывал все про Москву, где он жил и учился, когда его призвали в армию. Он рассказывал, как он поступал в художественное училище.

На экзамене всем было предложено нарисовать лошадь по памяти. И он нарисовал не вообще лошадь, а ту самую вихрастую лошадку, которую видел в детстве на метеостанции, где служил его отец. В приемной комиссии был в тот день знаменитый художник Самокиш.

— А как зовут эту славную лошадку?— спросил он.

Угадал сразу, что лошадка на рисунке настоящая, а не выдуманная, хотя и нарисована по памяти.

— Ну, и как же ее звали?— спросил второй солдат сверхсрочной службы по имени Андрей Анисимович.

— А лошадку мою звали просто Зойка!— сказал Чугунов и загрустил.

На экзамене в художественное училище надо было еще нарисовать гипсовую голову старика в локонах с натуры. С этим вторым заданием Чугунов не справился и в художественное училище не попал.

X

Сколь ни труден был подъем, спуск оказался еще труднее. Машины шли на малой скорости, соблюдая дистанцию, балансируя над крутизной. Часто приходилось останавливаться, чтобы остыли моторы.

Вода в радиаторах кипела ключом, а вокруг были снега и льды.

Мы спрыгивали с машин и подкладывали под колеса плоские камни, чтобы облегчить тормоза.

Шалаев прошел мимо и спросил:

— Не замерз?

Шоферы разводили костер на дороге. Вскипятили чай, вскрыли консервы, нарезали хлеба. Это называлось «ночная кухня». И до чего же она была вкусна на морозе, пахнущая дымом, в тесном кругу на последнем перевале.

Уже светало, когда мы двинулись в путь. Горы уходили от нас все дальше, впереди теперь было Рыбачье.

И все же я не заметил, как и когда мы подошли к большой воде.

Открылся вдруг не то провал, не то выход в долину, еще закрытую утренним туманом.

Сразу вдруг стало тепло. Солнце чувствовалось в воздухе, хотя его еще не было видно. Послышались резкие голоса чаек.

И потянулся откуда-то протяжный гудок парохода.

Мы выехали на улицу. Да, это была не просто дорога, а именно улица, с приземистыми каменными и деревянными домами по обеим сторонам. Там, где угадывалась пристань, стояли магазины с высокими каменными крылечками. А чуть поодаль был базар под открытым небом.

Рыбачье!

И наша машина остановилась у здания военной комендатуры.

XI

К машине подошел грузный человек в начищенных до блеска сапогах и в накинутой на плечи шинели. Он окликнул меня по фамилии. Это был военный комендант Назаров, который обещал отправить меня в Каракол с первым же рейсовым пароходом.

Я спрыгнул на землю.

На мне тоже была шинель, накинутая на плечи и доставашая до самых пят. Шапку я держал в руках. Назаров несколько секунд смотрел на меня в упор, потом сказал:

— Ну, шинель ты можешь сдать Шалаеву.

Чугунов и Андрей Анисимович передали мне из рук в руки мой рюкзак.

Пока я сдавал шинель, а на это ушло всего, наверное, две минуты, машины ушли, и я не успел проститься с Чугуновым и сверхсрочным бойцом.

Они уехали дальше, а я остался с Назаровым. И мне было грустно.

— Пойдем,— сказал Назаров.

Он привел меня в огромный чистый зал, в котором рядами стояли деревянные раскладушки — раздвижные рамы, перехваченные парусиной. Дежурная сестра Агнесса выдала мне белье, казенное одеяло и подушку.

— Отдыхай до вечера,— сказал мне Назаров.

И ушел, кивнув сестре Агнессе, как мне показалось, с укором.

Я застелил постель у окна, но спать не хотелось.

В окно был виден книжный магазин. Я вышел на улицу, разыскал магазин, который был виден из окна, и купил там две книжки. Одна называлась «Воздушный шар», а другая — «Гимназия». На синей обложке «Гимназии» была наклеена картинка: инспектор и гимназисты в узком коридоре...

А в клубе шел фильм «Красные дьяволята».

И тут между домами я увидел море и сразу забыл про книги.

XII

На берегу моря стоял черный як.

Верхом на яке сидела девочка в красном венке с биноклем в руках. Ждали прибытия «Кирова».

У причала дымила новая «Киргизия», огромный, черно-белый корабль. Мачты ее тонули в тумане, такие были высокие.

— А где же «Киров»?— спросил я у девочки на яке.

Она повернулась и посмотрела на меня с удивлением.

— Разве ты не видишь?— сказала она и указала рукой вдаль.

Это была дочка сестры Агнессы. Она была похожа на свою мать, и звали ее Жанной. Было ей лет семь, наверное...

Она протянула мне бинокль. Но в бинокль я ничего не увидел, кроме неба, побережья и бесконечных волн в тумане. И какого-то облака, похожего на парус.

В это время откуда-то издалека донесся до нас гудок парохода.

— Дядя Кузя идет,— сказала Жанна.

Черный як вытянул морду и промычал что-то по-своему.

Як был комендантский. Назаров разрешал Жанне брать его под седло. И она ездила на нем встречать дядю Кузю.

Она сказала мне, что дядя Кузя скоро сойдет на берег и увезет маму Агнессу и Жанну туда, где нет моря...

Потому что здесь недаром говорят: «Кто на Иссык-Куле не бывал, тот и горя не видал...»

Отец Жанны погиб во время шторма. И мама Агнесса боится прибоя. Но комендант Назаров не хочет, чтобы Жанна и ее мама уезжали из Рыбачьего.

И еще она сказала, что у дяди Кузи есть верный пес Фукс, которого все знают и любят на побережье за верную службу.

Пока мы так разговаривали, «Киров» вышел из тумана и заслонил собою все побережье и полнеба в придачу.

XIII

Раньше я думал, что путешествие — это тысяча пейзажей.

Как на пустынных фотографиях у Леньки Курихина.

Но оказалось, что путешествие — это тысяча лиц.

Назаров, сестра Агнесса, Жанна и еще неведомый мне дядя Кузя занимали теперь мое воображение.

К тому же на пароходе «Киров» из Каракола прибыл знаменитый охотник и ловец снежных барсов Челпан.

Я ожидал увидеть витязя в тигровой шкуре. И увидел витязя.

Только одет он был не в шкуру, а в хороший коверкотовый костюм. И на груди у него красовался эмалевый значок «Ворошиловский стрелок». Два сына подвели ему оседланную лошадь под чепраком, и он уехал, как говорили, на слет Охотсоюза.

Женщины поднимали маленьких детей, чтобы они увидели и запомнили ловца барсов, старого Челпана, на маленькой косматой лошадке под истертым чепраком.

Два сына ехали на таких же косматых лошадках. Один из них был городской учитель, а другой служил в Автодоре. Все трое прекрасно знали, что Рыбачье смотрит на них. Отец ехал впереди, а сыновья — следом... И стремена у лошадок сверкали, как серебро.

А когда растаял туман, стали видны снежные вершины Тянь-Шаня.

Стоянка «Кирова» в Рыбачьем до его обратного рейса в Каракол продолжалась целые сутки. И целые сутки я провел вместе с Назаровым, дядей Кузей, сестрой Агнессой и ее дочкой Жанной.

Особенно мне запомнилась вечерняя прогулка по берегу Иссык-Куля.

Впереди на своем черном яке ехала Жанна.

Хотя я был на целых пять лет старше Жанны, мне так и не удалось покататься на горном быке. Як подставлял мне под ноги рога. И слушался Жанну. Она сидела на его широкой спине и плела венки.

За нею следом шла сестра Агнесса с сеточкой для купального полотенца.

Дядя Кузя собирал цветы.

А Назаров ловко закидывал плоские камешки поперек волн, чуть ли не на середину озера! Этот фокус мне тоже тогда не удавался.

А позади бежал Фукс и распугивал чаек на отмели.

XIV

Посадка происходила еще затемно, при свете прожекторов. Люди несли в руках чемоданы, узлы,

коробки, сундуки. Некоторые держали билеты в зубах, так как руки были заняты.

Дядя Кузя стоял у трапа и поторапливал пассажиров.

— Живей, живей!— говорил он, наклоняясь над бортом.

Какой-то худой человек с тонкой шеей, в мешковатом полувоенном френче с чужого плеча хотел пройти без билета, но Фукс поднял отчаянный лай, и дядя Кузя сказал:

— Вольдемар, возвратись!

Безбилетный Вольдемар, не говоря ни слова, возвратился.

— Тьффу!— сказал большой рыбак с мешком, пахнущим кожей.— Каждый раз с этим Вольдемаром та же история.

Вольдемар был с тонким крокодиловым портфелем. Лицо надменное, а улыбка жалкая.

— Картежник,— сказал дядя Кузя.— У одного рыбака весь улов выиграл. Да тут же и проиграл тому же рыбаку. От жадности... Карты у него свои,—добавил дядя Кузя и захохотал, а потом сплюнул за борт.— А больше ничего своего нет. И все от жадности...

Лицо у Вольдемара было ненастоящее.

В трюме я не сразу нашел свою полку. Она была в третьем верхнем ряду нар.

Соседями моими были две тихие женщины с детьми и большой рыбак с мешком.

На каждой полке лежал спасательный пояс наподобие фартука. Он надевался тесемкой на шею и завязывался за спиной. На груди и на поясе были вшиты в крепкую парусину пробковые плитки.

Мне этот фартук очень понравился, потому что я не так хорошо плаваю, как мне хотелось бы.

Вернее сказать, я плавать не умею, потому что вырос на краю пустыни, где песка много, а воды нет.

— Ты чего?— спросил меня большой рыбак.

Он поднял голову и увидел, что я примеряю спасательный пояс.

— Пробковый!— сказал я ему, с восхищением показывая парусиновый фартук.

— Даст бог, не понадобится,— ответил большой рыбак и лег на нары в самом низу нашего ряда.

XV

Я лежал на узкой полке и думал про дядю Кузю. И про Жанну. Про яка.

Фукс был маленький черный терьер. Он кубарем подкатился к Жанне, так что комендантский як наклонил рога и угрожающе покачал головой. Жанна подняла Фукса на руки, и он дружелюбно ткнул меня лапой в грудь. Так мы с ним познакомились еще на берегу.

А когда, наконец, вышли в море, дядя Кузя, огромный и неторопливый человек в кожаной куртке, надетой прямо на тельняшку, отвел Фукса на корму и посадил его там на цепь.

Мне было жалко Фукса, но я не решился заговорить с дядей Кузей, потому что он мне сказал, когда только я познакомился с ним:

— Фукса не балуй!..

Сестра Агнесса приготовила мне на дорогу сверток с едой. Я подарил Жанне «Воздушный шар» на прощание.

«Киров» уходил в обратный рейс на рассвете. Туман рассеялся, с гор подул свежий ветер.

Сначала в трюме проснулась машина, и корабль вздрогнул.

«Киров» отошел от пристани, и пристань сразу стала маленькой, слилась с берегом.

А берег повернулся, ушел в сторону, и почти неразличимы стали дома и палисадники Рыбачьего.

И вдруг раздалась команда:

— Поднять парус!

«Киров» был моторно-парусный корабль. Этого я не заметил с берега.

Скрипели канаты, плескалась вода, умолк мотор — и развернулся парус.

Это было удивительное зрелище! Как будто воскресла вдруг «Эспаньола» из старого романа Стивенсона... Парус, казавшийся таким тяжелым, вдруг ожил, выгнулся, наполнился ветром, стал воздушным и поплыл по небу.

Было тихо, так тихо, как бывает, наверное, только на парусном корабле.

Фукс весело лаял на корме.

XVI

Я тоже лег на свою полку, достал синюю «Гимназию» и немного почитал про инспектора Прохора и его учеников. Как они друг друга изводили. Как будто вся жизнь у них была в одном тесном коридоре, где они никак не могли разойтись. В общем, вся их жизнь мне мало понравилась.

И тут вдруг снова заработала машина. Читать было трудно, потому что корабль сильно раскачивался.

Тихие женщины тихо говорили между собой, прижимая к губам концы своих головных платков.

— Буря! Буря...

И укладывали детей спать.

Дети капризничали, их тошнило от качки.

На скамье напротив наших нар спал, вытянув ноги, человек в матерчатых туфлях.

Чей-то сундучок выехал из-под нар и ударил его по ногам.

Человек в матерчатых туфлях проснулся и стал выяснять, чей сундучок. Ему показалось, что это сундучок большого рыбака. Но большой рыбак сказал, что у него мешок, который никому не помешает...

Тут началась ссора.

А я подумал: «Как же там Фукс?»

Качка становилась все сильнее и сильнее. Трюм ожил и загудел. С верхних нар сорвался и упал на пол чемодан...

Я спустился со своей полки и тихо выбрался из трюма на палубу.

На палубе было столько света, свежести и чистоты, что я остановился от неожиданности.

Корма была в двух шагах!

Фукс встал на задние лапы, увидев меня, и заскулил. Он был весь мокрый, на цепи, под канатами.

Держась за поручни, ныряя под канатами, я добрался до него как раз в тот миг, когда волна перекинулась через борт и разбилась на корме.

Сама корма в этот миг присела, а потом полезла на стену.

XVII

Мы с Фуксом были рядом, сидели, прижавшись друг к другу, под канатами, которые защищали нас от волны. Но не могли защитить от качки.

Трюм с его сундучками, чемоданами, мешками,

со всеми его тихими и громогласными обитателями казался мне недосягаемым.

Чем хорош трюм? В нем моря не видно. Не видно, как поднимается корма и весь корабль на высоту трехэтажного дома, а потом вдруг падает с этой высоты!

Меня мутило, и я боялся выпустить из рук канат.

Два шага, отделявшие меня от двери в трюм, были теперь непреодолимым пространством.

Фукс лизнул меня в лицо и ткнул лапой в грудь.

Я слышал теперь только шум волны, рев ветра и лай Фукса.

И казалось, что ничего никогда больше не будет...

И вдруг я увидел перед собой дядю Кузю. Он стоял, широко расставив ноги на качающейся палубе, и смотрел мне прямо в глаза.

— Я что сказал: Фукса не балуй!— прозвучал его спокойный голос.

Он наклонился, отстегнул цепь, сунул Фукса за пазуху и взял меня за руку.

Даже ветер притих как будто и качка стала меньше, пока мы шли от кормы к трюму.

Дядя Кузя швырнул меня по лестнице вниз и крикнул вслед:

— Чтоб я тебя больше не видел!

И дверь захлопнулась.

Рыбак перегнулся через край своей полки, поглядел на меня и спросил:

— Ты чего?

— Шторм,— ответил я, кивнув на лестницу.

— А,— сказал большой рыбак,— это пройдет. Ты лучше ляг на полку и дыши ровней, вместе с кораблем. Вдох, выдох — вот так. Как корабль...

В трюме мне показалось так тихо и хорошо, что я чуть не заплакал.

XVIII

Я долго болел тифом.

Даже доктора не верили, что я выживу.

Когда я в первый раз вышел за ворота, то от слабости тут же свалился прямо в траву.

Верхом на яке сидела девочка в красном венке, в руках у нее был бинокль.

А потом, когда я окреп немного, меня отправили одного в пионерский лагерь на Тянь-Шане.

Оказали доверие.

И я не мог обмануть этого доверия.

Конечно, Фукс так громко лаял, что дядя Кузя услышал.

Если бы даже не пришел дядя Кузя, я все равно бы сумел вернуться в трюм так же, как я выбрался из него в начале шторма.

Мне просто жалко было Фукса...

И я не хотел оставлять его одного на корме.

Да еще на цепи...

В это время я почувствовал, что кто-то трогает меня мокрым носом.

Фукс!

То ли он сам проник в трюм неизвестными путями, то ли дядя Кузя пустил его ко мне, не знаю.

Но это был Фукс, с которым мы вместе спасались на корме под канатами.

Шторм утихал, качка становилась слабее.

Зашевелились пассажиры в трюме.

И я забрался на свою полку, раскрыл рюкзак, чтобы угостить Фукса пирожком.

Но во время посадки, наверное, все в моем рюкзаке перемешалось. К тому же еще разломалась коробка с зубным порошком. И соль просыпалась в конверты с марками...

Но это не беда.

Я отламывал кусочки кислого пирожка и угощал Фукса и сам ел вместе с ним, отряхивая куриную ножку от зубного порошка.

Большой рыбак поднялся с нар, поглядел на нас и засмеялся.

— А мокрые...— сказал он.— Хоть выжми!

XIX

«Киров» подошел к пристани Каракола на рассвете следующего дня.

И пришлось мне проститься и с дядей Кузей, и с Фуксом, и с большим рыбаком...

Я поднимался в гору и с первого холма оглянулся и увидел наш корабль в гавани.

И со второго холма я оглянулся и увидел гавань, освещенную солнцем.

А с третьего холма я уже не видел ни корабля, ни гавани.

«Гимназию» я забыл в трюме — пусть кто-нибудь почитает на обратном пути.

Внизу было озеро, огромное, как море,— Иссык-Куль, открытый простор, освещенный солнцем, а впереди Тянь-Шань, хвойные перелески, альпийские луга, вечные льды.

И вдруг я увидел памятник.

Это был памятник Пржевальскому. Я вышел к тому камню, где великий путешественник остановился навсегда.

Передо мной была великая карта Азии, начертанная на камне в честь ее пионера.

Я вспомнил Курихиных, отца и сына, и Евгешу, который провожал меня в это путешествие.

Евгеша оказался прав.

Когда я вернусь, я подарю ему три испанские марки с каравеллами. Всю серию...

Прощай, Пржевальский! Я ухожу, я должен идти дальше...

И я вошел в открытые ворота пионерского лагеря, как входят в другую эпоху.

Барабаны играли утреннюю зорю, отрядные трубы трубили сбор, армейские палатки ожили, как паруса...

Это был гарнизонный пионерский лагерь.

И первый, кого я увидел, был генерал Иван Ефимович Петров. Его знаменитое пенсне сверкнуло на солнце. Он проехал в открытом автомобиле в кожаной куртке, по дороге на пристань. Это было в начале лета 1940 года.

И памятник Пржевальскому остался для меня навсегда таинственным знаком истории.

Экспедиция
Переходит реку вброд.
Путешественник Пржевальский
Идет вперед.
За его широким плечом ружье,
Впереди неизвестность,
Дымок, жилье...
Когда у подножья Тянь-Шаньских гор
На последней стоянке горел костер,
А на высях сиял золотой ледник,
В последний раз он раскрыл дневник.

Вот здесь он сидел пред своим огнем.
В двух шагах от дома,
Где мы живем.

Валентина Осеева

(1902—1969)

До сих пор приходят в издательства письма читателей, в которых спрашивают: как же сложилась жизнь у человека, которого во время войны звали Вася Трубачев... А в 1947 году, когда появилась книга писательницы Валентины Осеевой «Васек Трубачев и его товарищи», сотни, тысячи писем приходили от ребят Васе Трубачеву. И вопросы, вопросы... Где сейчас живет Васек Трубачев? Что делают он и его друзья?

Эта книга стала одной из самых любимых. Ее герой был обычный мальчишка, который мог и поозорничать, и подраться, но был честен, смел, правдив, всегда готов защитить товарища. И проявил эти качества в самых трудных, жестоких условиях войны.

Почему читатели Валентины Осеевой принимали героев ее книг как живых, реальных ребят? Да потому, что такими они были в памяти самой писательницы. Валентина Осеева писала: «В каждом из них есть живые герои, взятые мною прямо из жизни... Вижу их так ясно, будто расстались мы только вчера». Жизнь детей Валентина Осеева знала не понаслышке, не из чужих рассказов.

Валентина Александровна Осеева родилась в Киеве в 1902 году. Отец ее принимал участие в революционном движении. Спасаясь от полиции, он часто переезжал из города в город, и еще ребенком будущая писательница повидала множество людей, о которых потом писала в своих книгах. В 1923 году семья Осеевых переезжает в Москву, и там по окончании школы Валентина Осеева начала работать в Трудовой коммуне для безнадзорных ребят. И работала с детьми целых 16 лет.

Валентина Осеева была удивительным воспитателем! Для детей она сочиняла стихи; по вечерам рассказывала ребятам сочиненные ею сказки; устраивала спектакли, на которых ставились ее собственные пьесы. Один из рассказов, которые она сочиняла для своих ребят, в 1937 году напечатали в газете. Так появилась новая детская писательница.

Ее первые книги — стихи, сказки, небольшие рассказы — все это было рождено годами работы с детьми, стремлением сделать как можно богаче и разнообразнее духовную жизнь своих воспитанников. Написанные простым, безыскусным, всем понятным языком, книжки Валентины Осеевой учили детей самым простым, но и самым необходимым истинам — вежливости, правдивости, доброте... Маленький рассказ Осеевой «Волшебное слово» известен всем поколениям советских детей. Когда она завершила все три части повести «Васек Трубачев и его товарищи», то за эту книгу в 1952 году была удостоена Государственной премии.

Последние полтора десятка лет жизни у Валентины Осеевой ушли на то, чтобы написать большое автобиографическое произведение — повесть «Динка». История жизни девочки в годы, предшествовавшие революции, вобрала в себя впечатления умного и внимательного ребенка, жившего в сложное и трудное время. В этой повести были радости детства; впечатления от Волги, Жигулевских гор, оживленной жизни пристаней; тревоги революционной семьи, столкновения с полицией, встречи с бездомными детьми... Первая часть повести «Динка» вышла в 1959 году, а еще через десять лет, в 1969 году, вышла вторая ее часть «Динка прощается с детством». Это была последняя книга писательницы.

Когда думаешь о книгах Валентины Осеевой, очевидным становится, как тесно связаны книги с жизнью автора, с его судьбой. До сих пор издаются небольшие, простые стихи, которые читала своим воспитанникам молодая девушка, работавшая в детском доме... До сих пор издаются и читаются ее небольшие рассказы, смысл которых прекрасно выражен в названии одного из них — «Все вместе...»

Оказывается, что и теперешним ребятам нужны и интересны книги и впечатления девочки, жившей еще до революции, подвиги мальчишек в годы Отечественной войны, в трудные послевоенные годы, жизнь и переживания подростков в первые годы Советской власти...

В 1984 году издательство «Детская литература» начало выпускать собрание сочинений Валентины Осеевой в четырех томах. Уже вышло два тома. Когда держишь в руках эти толстые, красивые, любовно сделанные книги, то радуешься за читателей этих книг. С благодарностью вспоминаешь их автора.

Лев РАЗГОН

ОТРЯД ГОВОРИТ

1 ИЮНЯ — ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

МЫ — ЗА МИР!

Наша рубрика «Отряд говорит с отрядом» получает много писем, в которых ребята рассказывают о своем стремлении к миру на Земле, о своей готовности бороться за мир, за лучшее будущее для всех детей мира.

Белла ОГАНЕЗОВА, Грузинская ССР, г. Кутаиси. Я ученица 4-го класса 13-й средней школы, учусь хорошо. Если у меня спросят: «Что ты хочешь больше всего?» Я отвечу: «Чтоб не было войны!», «Мира хочу для всех детей мира!» и «Чтоб дети не голодали нигде, не жили в бедности и угнетении!» Я верю, так думают все пионеры нашей страны. Я организую своих товарищей, чтобы деньги от сбора металлолома и макулатуры мы перевели в Фонд мира, как написала в первом номере «Пионера», в рубрике «Отряд говорит с отрядом», Елена Бойкова.

Люба ФИЛАТОВА, Московская область, г. Железнодорожный, п. Купавна. Недавно у нас в школе состоялась ярмарка, где продавались поделки и сувениры, которые смастерили мы сами. Все ребята с первого по десятый класс. Наши папы, мамы, учителя с удовольствием покупали самодельные сумки, салфетки, фартуки, косынки и другие вещи, которые мы старались сделать красивыми. В Фонд мира мы перечислили 125 рублей. Мы не хотим войны! Пусть всегда на Земле будет Мир! Пусть 'хорошо живется всем детям во всех странах мира!

2 ИЮНЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 40 ЛЕТ СОЮЗУ ПИОНЕРОВ ВНР

НАШ ДРУГ — ВЕНГРИЯ, НАШИ ДРУЗЬЯ — ВЕНГЕРСКИЕ ПИОНЕРЫ

Венгерский пионерский лагерь «Занков» расположен на берегу озера Балатон и очень напоминает наш Всесоюзный пионерский лагерь «Артек». Зимой здесь отдыхают и учатся мастерству пионерского дела 960 венгерских пионеров, а летом в лагере — 3 тысячи человек. Летом в гости приезжают пионеры из других стран мира.

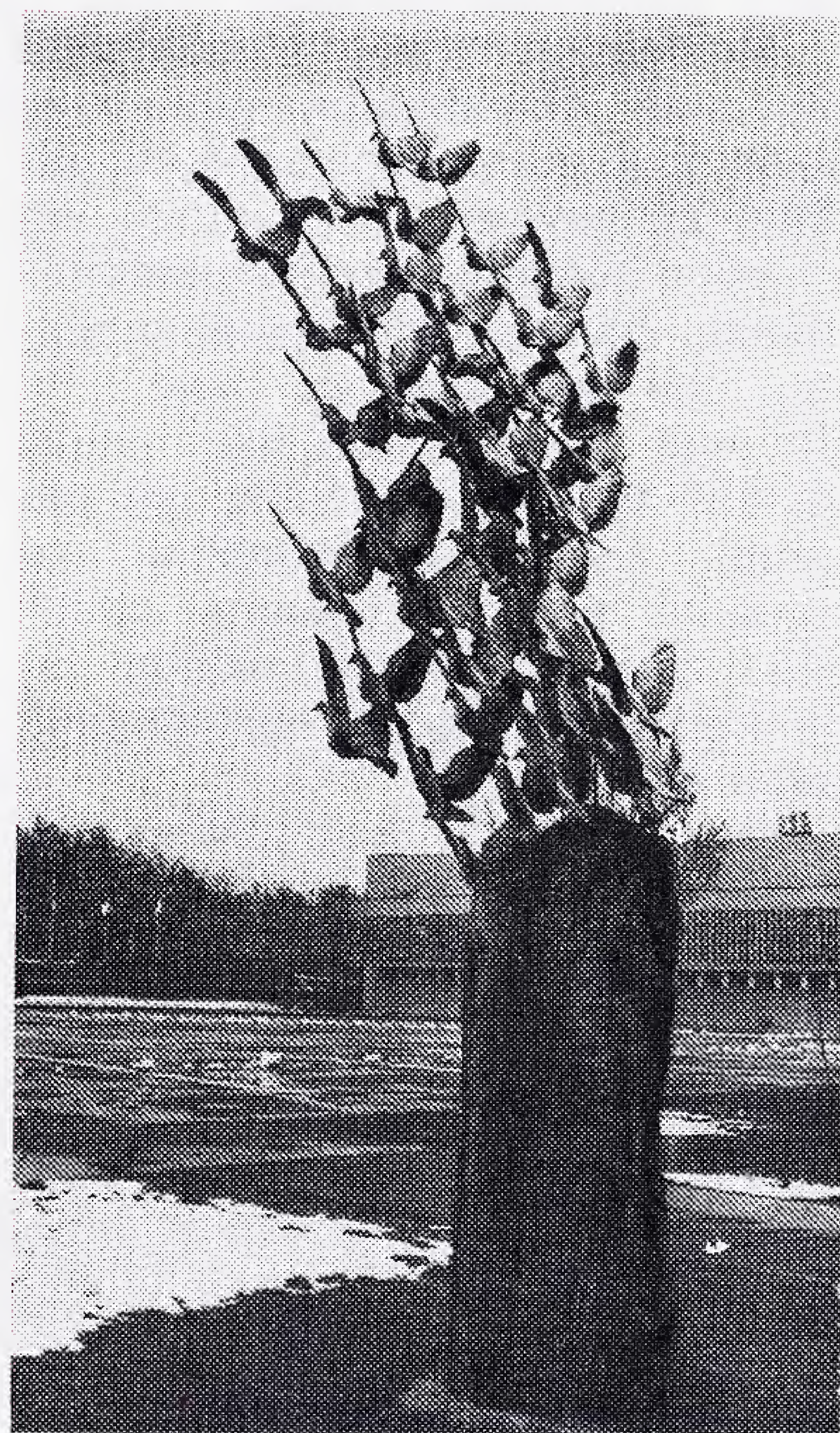
Осенью прошлого года наш корреспондент Л. Симонова встретилась в лагере «Занков» с ребятами из Северной области. Вопрос был им задан такой: как они готовятся к 40-летию Союза венгерских пионеров? Вот что рассказали ребята.

Рита ВИГМАРТА, 11 лет, село Тибодаруц. Мы, как и все, принимаем участие в эстафете «К дню рождения». У ребят нашего села большая радость: мы получили новую школу. И решили сами пристроить к ней теннисный зал. Нам будут помогать и наши родители. Деньги заработаем сами. Станем собирать металлолом, макулатуру. Я вожатая у октябрят. Они у нас называются «кишдобоши» — «барабанщики». Хочется, чтобы они становились настоящими барабанщиками — запевалами всех дел. Мне нравится такая работа.

Хелга ЦИКЛАР, 11 лет, город Озд. Мы тоже стараемся к 40-летию сделать какое-нибудь значительное дело. Рядом с нами два городка пострадали от землетрясения. Мы все деньги, которые заработаем своим трудом, решили отдать на восстановление этих городков, особенно школы. Участвуя в эстафете «К дню рождения», школы обмениваются заданиями друг с другом и стараются как можно лучше выполнить эти задания: лучше учиться, выигрывать в спортивных соревнованиях, осваивать компьютеры.

Дьердь БЕНКЕ, 12 лет, город Шарошпатак. Мы к 40-летию Союза пионеров ВНР создаем историю пионерской организации своей школы. Наш отряд занимается историей десяти лет, с 2 июня 1946 года по 1955 год. Мы работаем и в библиотеке, и с ветеранами встречаемся,

Вот такой необычный памятник: стая голубей, устремившихся в небо, — встречает каждого, кто приезжает в пионерский лагерь «Занков».

Фотографии Я. ПОТЦМАННА.

С ОТРЯДОМ

И я! И я тоже хочу сказать!

записываем их воспоминания, собираем реликвии, значки, галстуки. Еще мы все любим спорт, часто устраиваем спортивные соревнования, игры на местности. Используем гору рядом с тем местом, где мы живем.

Хайнелка КОВАЧ, 11 лет, село Арло. У нас тоже уже почти готов музей «По пути наших родителей». Интересно узнавать о том времени, когда наши родители были пионерами. Как они жили, что делали?! Свой пионерский опыт они ведь могут передать нам, и мы стараемся воспользоваться этим опытом в своем сегодняшнем пионерском деле.

Эннке ВАРГА, 11 лет, город Озд. Нам тоже нравится участвовать в соревнованиях, когда школы обмениваются заданиями. Это помогает нам научиться общаться друг с другом, помогает подружиться. Любим мы и игры на местности. У нас вблизи есть холм, он очень нужен нашей игре. Еще нам нравится акция «Играй вместе с нами»: учись обращаться с компьютером, фотоаппаратом, мастерить разные поделки и т. д. Узнаешь много интересного, полезного, твои руки умнеют и голова тоже, и у тебя заводится много новых друзей. К 40-летию Союза пионеров мы еще заработали 250 форинтов и перевели их в Фонд мира.

ПИОНЕРЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПОЗДРАВЛЯЮТ ПИОНЕРОВ ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ с 40-летним юбилеем их организации!

К 40-летию Союза пионеров Венгерской Народной Республики ПРОВОДИМ ВИКТОРИНУ: «ЧТО ЗНАЕШЬ ТЫ О ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ? О ПИОНЕРАХ ВЕНГРИИ?..

Из книг?

Из газет и журналов?

Из телепередач?

Из рассказов взрослых, побывавших в ВНР?

Из писем твоих друзей — венгерских пионеров?

Из окружающей тебя жизни?

Из фотографий, значков, марок, эмблем?»

Такие же вопросы задаст венгерским пионерам о Советском Союзе и советских пионерах венгерский детский журнал «Пайташ».

Победители викторины в Венгрии смогут летом поехать в «Артек», а победители викторины из Советского Союза отправятся в лагерь «Занков».

ЖЕЛАЕМ ВСЕМ УСПЕХА!

ЛЕТО ПИОНЕРСКОЕ, ЛЕТО ТРУДОВОЕ

Отдыхать — не значит бездельничать. Летом в нашей деревне действуют два сводных пионерских отряда — «Альтаир» и «Салют». Мы помогаем участникам Великой Отечественной войны, пожилым людям. Носим воду, пилим дрова, моем полы, работаем на огороде. Ветераны очень радуются нашей помощи.

Находится для нас дело и в родном колхозе. Мы поливаем капусту, полем свеклу, морковь, окучиваем картофель. Потом ходим собирать сено. А в августе работаем на току. Осенью мы помогаем собирать урожай, ради которого сами же летом трудились.

Колхоз благодарит нас за работу. Тех, кто трудился особенно хорошо, награждают интересными книжками.

Люба КРАСНОВА,
ЧАССР, Канашский район,
деревня Ямановo.

Летом наш отряд занимается кроликами. Три человека работают три дня, за ними — другие, тоже три дня. С 9 до 12 дня ухаживаем за своими подопечными, кормим их, записываем наблюдения в дневник. В 5 часов вечера приходим еще раз, снова кормим, наблюдаем. Когда приходим и уходим, кролики волнуются, выскакивают из клеток. Один кролик как-то ухитрился и перегрыз даже проволоку. Работать нам с кроликами интересно. И отряд летом не расстается.

Наташа Ш.
(жаль не написала фамилию полностью),
Пермская область,
деревня Тулумбаиха.

Мы с моей подругой Наташей Афониной летом вместе отдыхаем на даче. Ходим в лес за ягодами и грибами, купаться бегаем. Но было бы нам скучно все-таки, если бы не помогали мы по хозяйству, не пололи огород, не собирали полезные травы. Именно в деле мы особенно подружились. И стали почти как сестры.

Оксана КОРОВИНА,
г. Москва.

РАССКАЖИ НАМ И ТЫ, ЧЕМ ЗАНЯТ ЛЕТОМ? КАКОЕ ДЕЛО НЕ ПОЗВОЛЯЕТ ТЕБЕ СКУЧАТЬ?

На конверте поставь пометку: «Отряд говорит с отрядом», «Лето пионерское, лето трудовое». Договорились? ЖДЕМ ТВОЕГО ПИСЬМА!

101459 ГСП, Москва
Бумажный проезд,
14, 11 этаж.
«Отряд говорит с отрядом»

*Бегство в прошлое — не ответ
на вызовы грядущего,
а, скорее, акт отчаяния,
но от этого подобная позиция
не становится менее опасной.
Когда и в какой мере
осознают это в Вашингтоне,
покажут дела.
Мы со своей стороны
готовы сделать все
от нас зависящее,
чтобы радикальным образом
изменить к лучшему
международную ситуацию.
Для этого социализму
нет нужды отказываться
ни от своих принципов,
ни от своих идеалов.
Он неизменно выступал
и выступает за мирное
сосуществование государств,
принадлежащих к разным
общественным системам.*

Из Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду партии.

ПЛАНЕТА ДЕТЕЙ

Е. ВЕЛТИСТОВ,
лауреат Государственной премии СССР

Сколько на планете детей?

Был такой замечательный человек — летчик и писатель Антуан де Сент-Экзюпери. Он воевал с фашистами и погиб в воздушном бою незадолго до освобождения своей родины — Франции.

Экзюпери написал в 1942 году единственную книгу для детей «Маленький принц». Она входит в золотой фонд мировой литературы.

В этой сказке говорится о том, как маленький пытливый, немного волшебный мальчик путешествует с планеты на планету в поисках друзей, разгадки смысла жизни да и просто из-за присущего всем людям любопытства. Во всяком случае, я эту сказку прочитываю так.

Так вот, на одной из планет мальчик встретил Лиса и подружился с ним. Лис, конечно, догадался, что звездный принц вскоре расстанется с ним, но все же после долгих колебаний попросил человека: «Пожалуйста... приручи меня». И на прощание сказал принцу: «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил».

Юрий Алексеевич Гагарин писал о «Маленьком принце»: «В книге много поэзии и летной романтики, любви к людям». Юрий Алексеевич, сам пилот наивысшего класса, первый космонавт Земли, отец двух дочерей, автор книг, не мог, по-моему, сказать о произведении Сент-Экзюпери иначе.

Да, это очень важно, когда на двух маленьких планетах или в разных концах Вселенной существуют два друга. И думают друг о друге. Пусть это будут Лис и принц. Или девочка и мальчик. Или девочка и глава государства.

Я прочитал много писем маленьких читателей и пришел к выводу: самый важный вопрос, который волнует всех со дня рождения — это будущее Человечества, это мир. Как показала история, надо учиться бороться за мир.

Экзюпери написал книгу и для взрослых — «Планета людей». Это откровенный рассказ о дружбе, добре, свете, красоте нашей планеты, о том, как быть в этом мире Человеком.

Но разовьем мысль Сент-Экзюпери: Земля это еще и Планета детей. Жителей этой планеты не один и не два. Их 1 500 000 000. Полтора миллиарда.

Маленький принц был одинок и на своей планете, и на других, которые он посетил,— среди большого числа странных взрослых, занятых очень странными делами, в том числе и приготовлениями к войнам

с соседями. Его понимал только Лис. Да еще летчик, сделавший вынужденную посадку в пустыне.

Но ведь это сказка.

А на нашей планете Земля — полтора миллиарда ребят, таких, как герой Экзюпери. Трудно представить себе город, даже государство, населенное миллионами и миллионами ребят. Пожалуй, Земля особая, единственная во Вселенной планета — Планета детей. Дети, как и персонаж знаменитой книги, играют, стараются узнать новое, ищут верных друзей, думают: а что же дальше? И убеждаются, что мораль всякой сказки: добро должно победить зло — сделалась сегодня самым важным правилом жизни.

С принцем вы на этих страницах больше не встретитесь. Вы познакомитесь с другими жителями Планеты детей. Но, пожалуйста, помните, что друг всегда в ответе за судьбу своего друга.

Девочка с журавлями

В один из августовских дней я был на демонстрации в городе Хиросиме.

Ранее я присутствовал на разных митингах в Японии — и праздничных, и рабочих — забастовочных. Эта демонстрация была особая — в память о погибших.

По улицам города, в парк Мира, шли и шли в полном молчании люди. Они несли плакаты, на которых красный крест перечеркивал бомбу; несли портреты мужчин и женщин, фотографии мальчиков и девочек, убитых в августе сорок пятого года первой американской атомной бомбой. В руках у маленьких демонстрантов — целая стая самодельных бумажных журавлей. В тишине белые птицы взлетели над головами идущих.

После траурного митинга на площади я долго разглядывал бронзовую девочку с вытянутыми руками — памятник ребенку, погибшему от атомного взрыва. И еще тысячи бумажных птиц на самом памятнике и у его пьедестала. Это, по народным поверьям, души умерших вернулись домой.

...Вспомнился в те минуты зал Московской радиостудии, где шла запись известного певца. Новую песню о летящих журавлях пел артист, любимый с мальчишеских лет по фильму «Два бойца».

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Песня тронула сердца людей, стала символом особой грусти.

С кровавых полей не вернулись двадцать миллионов советских солдат и мирных жителей. Столько жизней мы потеряли в Великой Отечественной войне. Не было семьи, которая не лишилась бы близкого человека...

На фотографиях и в кинокадрах, на экранах телевизоров то и дело мелькают хищные профили образцов американского боевого вооружения. Ракеты с ядерными зарядами направлены на Советский Союз, на страны социализма. Они нацелены на мирных людей, на самое дорогое в жизни — на детей Земли!

Мы можем дать отпор любому поджигателю войны.

Но в мире скопилось ядерного оружия в тысячи раз больше, чем тогда, когда атомная бомба обратила в пепел Хиросиму. Это оружие угрожает жизни всего человечества. И люди протягивают руку дружбы через разделяющий их океан. Они выступают против войны, говорят о мире, о будущем своих детей. Советский Союз призывает Соединенные Штаты Америки подняться над разногласиями, смело взглянуть в лицо грозящей опасности, договориться о путях мирной жизни.

Я вижу задумчивые лица, внимательные глаза детей рабочих, ученых, писателей, земледельцев, шоферов, врачей, космонавтов. Дети прислушиваются к взрослым, вглядываются в свое будущее: какое оно? Белая птица Мира, ты нам нужна!

В газетах многих стран был напечатан снимок. Он сделан в одном из западногерманских городов. Малыш несет плакат с надписью: «От моего дома до американской ракетной базы 80 километров». Этот малыш, быть может, не умеет еще читать. Но он знает, что «дом» — это мир, а «база» — это война, и идет вместе с родителями в колонне демонстрантов.

Лучше размышлять о светлых, возвышенных и близких каждому человеку понятиях — семье, Родине, смысле жизни, чем о войне. Родина — это дом, мама, отец, школа, друзья, улица, пионерский костер, вся страна, где ты родился и живешь. Иногда открываешь для себя Родину в мудром или ласковом слове, безоблачном небе или маленьком чистом роднике, с какого начинается великая русская река Волга. Родник, Родина, народ — слова очень близкие. Родина всегда добра, сильна и справедлива. Прекрасно жить под могущественной защитой своей Отчизны! И Родину надо не только любить, но и уметь защитить в любой момент от врага.

Ярче тысячи солнц

Незадолго до начала второй мировой войны было сделано чрезвычайно важное открытие: при цепной ядерной реакции урана выделяется мощная энергия. Ее сразу назвали атомной или ядерной. У истоков открытия, которое взволновало научный мир, был выдающийся французский физик Фредерик Жолио-Кюри.

Его работы как физика-атомщика были прерваны войной. Во время оккупации фашистами Франции ученый стал участником движения Сопротивления, возглавил организацию «Национальный фронт». С именем Жолио-Кюри связана и организация всемирного движения сторонников мира, он первый председатель Всемирного Совета Мира, созданного в 1950 году.

Если бы человечество использовало ядерную энергию для мирных целей: например, начало бы строить атомные электростанции,— сразу бы замедлились рост добычи и истощение запасов угля, нефти и других ресурсов Земли. Ученый-атомщик стал бы новым Прометеем, похитившим, как рассказывается в греческих мифах, огонь у богов. Но мир в те годы готовился к глобальной войне, шла гонка вооружений, новое открытие было применено для военных целей. Ученые, работавшие в Америке, опасались, что фашистская Германия первой изготовит атомную бомбу и поработит всех. Опасения эти оказались не напрасными. Немецкие ученые продумывали проекты нового оружия.

В 1939 году началась вторая мировая война.

В США приступили к созданию ядерного оружия. На плато Лос-Аламос, в пустыне, вырос «город атомной бомбы». В нем работали тысячи людей. Многие известные ученые, узнав об этом, были против применения ядерной бомбы. Но американские политики и военные думали иначе.

Во второй мировой войне Советский Союз, США и Великобритания выступили совместно против фашизма. С 1941 года основную тяжесть войны СССР взял на себя. Наши союзники медлили с открытием второго фронта в Европе. И только в 1944 году, когда Советская Армия нанесла решающие удары фашистской Германии, англо-американские войска высадились на юге Франции. Немцы держали главные свои силы на советско-германском фронте. Но Советская Армия неуклонно продвигалась к Берлину. Близился крах фашизма.

Американские политики, напуганные успехами Советской Армии и освободительным движением народов Европы, стали готовиться к новой войне — с СССР. Они не могли допустить, чтобы социализм стал решающей силой в мире, чтобы новые государства на востоке Европы пошли по пути СССР. Американский президент Трумэн рассчитывал, что атомная бомба устрашит Советский Союз, позволит США диктовать свою волю другим государствам.

В июле 1945 года американцы испытали атомную бомбу. В пять тридцать утра ослепительный белый свет высветлил пустыню, хмурое дождливое небо, горы. Зловещее облако поднялось ввысь. На месте металлической башни, на которой была укреплена бомба, образовалась гигантская воронка. Песок спекся в стекловидную массу.

Руководил созданием и испытанием первой в мире атомной бомбы известный американский ученый-физик Роберт Оппенгеймер. В момент взрыва, пораженный увиденной картиной, ученый, вцепившись в одну из стоек контрольного поста, вспомнил строки древнего индийского эпоса:

Мощью безмерной и грозной
Небо б над миром блистало,
Если бы тысяча солнц
Разом на нем заблистала.

Да, этот взрыв был ярче тысячи солнц. Так о нем напишут потом журналисты. Атомную бомбу люди будут представлять вспышкой тысячи солнц.

Через три недели первые американские бомбы уничтожили два мирных японских города — Хиросиму и Нагасаки. Никакой военной нужды в этом не было. Основные вооруженные силы Японии в то время разгромила Советская Армия. А США таким варварским способом демонстрировали миру свою силу.

Вслед за атомной Соединенные Штаты приступили к созданию водородной бомбы. Ее называли супербомбой. Атомная в тысячу раз мощнее простой авиационной бомбы, а водородная — в тысячу раз мощнее атомной. Нам стали заранее угрожать новой бомбой.

Советский Союз никогда и никому не грозил войной. Исторический спор между социализмом и капитализмом не должен, по нашему мнению, решаться силой оружия.

Американские политики мыслили иначе. В пятидесятые годы Соединенные Штаты Америки не втайне, а во всеуслышание объявили «крестовый поход» против своего вчерашнего союзника — СССР. Эту психологическую войну окрестили войной нервов, или «холодной войной». Война велась на географических картах, в речах заокеанских генералов, в западной прессе. Но бомбы для нее изготовляли настоящие.

Тревожное настроение того времени передает один научный американский журнал. На обложке каждого номера он печатал часы, стрелки которых показывали без восьми минут полночь. Позже, когда политическая обстановка в мире более накалилась, стрелка была передвинута на без трех минут полночь. Под полночью подразумевалась война.

Атомный меч, атомная печь

В нашей стране атомные исследования возглавлял академик Игорь Васильевич Курчатов. В тяжелые годы войны Курчатов по поручению правительства создал атомный институт и, вызвав с фронта помощников-физиков, сплотил научные

силы. Когда западные политики стали угрожать нам атомной бомбой, Курчатов и его помощники давно уже вели работу в области атомной энергии.

Игорь Васильевич побывал в те годы в разных уголках страны — на заводах, в институтах, в новых городах,— и сотни людей разных профессий — от солдата до генерала, от кочегара до ученого — под его влиянием занялись новой работой: стали увлеченными атомщиками. Трудом тысяч и тысяч людей создавалась атомная промышленность Советской державы.

СССР испытал атомную бомбу через четыре года после варварского акта США в Японии. Мы не могли поступить иначе: в ответ на силу противника требуется противодействие. Позже советские ученые создали первую в мире водородную бомбу. Руководил испытаниями Курчатов.

Весь мир услышал спокойные слова, произнесенные И. В. Курчатовым: «Советский народ вооружил свою армию всеми необходимыми видами ядерного и термоядерного зарядов. Всякий, кто осмелится поднять атомный меч против него, от атомного меча и погибнет».

Вместе с военным рождался и мирный атом. Первая в мире атомная электростанция пущена в маленьком подмосковном городе Обнинске 27 июня 1954 года. Генератор дал первый ток, рожденный мирным атомом.

Обнинская электростанция стала добрым примером. В нашей стране построены атомные электростанции-гиганты: Ленинградская, Нововоронежская, Калининская, Кольская, Белоярская и многие другие.

Богатая география у мирного атома!

Клятва на Эльбе

25 апреля 1945 года на Эльбе встретились советские и американские армии. Воины поклялись сделать все, чтобы война не повторилась. Это событие мир воспринял как добрую весть о скорой победе над фашизмом.

На берегу Эльбы встал четырехгранный обелиск с каменными знаменами наверху и надписью по-русски: «Слава победоносной Красной Армии и доблестным войскам наших союзников...»

Сорок лет спустя — 25 апреля 1985 года — в маленький немецкий городок Торгау прибыли автобусы с ветеранами войны. Они встретились на том же месте, что и четыре десятилетия назад. Немолодые уже люди внимательно всматривались в лица друг друга, стремясь найти знакомые черты, бросались в объятия.

— Я узнал тебя! — кричал американец, обнимая советского ветерана.

— И я узнал тебя! — отвечал с улыбкой бывший солдат с орденами на груди.

— Но я не помню твоего имени, назови себя...

И солдат называл свое имя.

На митинге ветераны подтвердили свою воинскую клятву отстаивать мир, и их слушали жители Торгау, собравшиеся на берегу и на длинном мосту через реку. Люди понимали силу этой клятвы: как ни стараются сторонники войны перекроить по-своему историю, народы хотят жить в мире.

Мирный Торгау салютовал победителям, запустив в небо пятьсот белых голубей.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ВНИМАНИЕ, ЧИТАТЕЛЬ!

ПРИГЛАШАЕМ ТЕБЯ УЧАСТВОВАТЬ В СОЗДАНИИ НОВОЙ РУБРИКИ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР».

ПОДУМАЙ:

— Хочешь ли ты узнать, как живут другие пионерские отряды, какие у них заботы?

— Хочешь ли ты рассказать о буднях своего отряда?

— Какие вопросы пионерской жизни ты хотел бы обсудить на страницах «Пионера»?

— Как ты предлагаешь назвать новую рубрику?

Новая рубрика открывается в октябре 1986 года, но выполнить наше первое задание надо до КОНЦА АВГУСТА.

Задание первое

Как вы выбираете темы пионерских сборов?

Кто готовит сборы?

Помогают ли вам взрослые?

Где проходят сборы, всегда ли в классе?

Расскажите о самом интересном пионерском сборе? Как он проходил?

И о самом скучном сборе.

КАЖДЫЙ, КТО ВЫПОЛНИТ НАШЕ ЗАДАНИЕ, ПОЛУЧИТ УДОСТОВЕРЕНИЕ ЮНКОРА ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» в обмен на карточку юнкора, которую надо заполнить и прислать вместе с заметкой.

Карточка юнкора

1. Фамилия, имя ____________________
2. Домашний адрес ____________________
3. Сколько тебе лет ____________________
4. В каком классе ты учишься ____________________
5. Номер школы ____________________
6. Чье имя носит ваша дружина ____________________
7. Что ты больше всего любишь ____________________
8. Что ты не любишь ____________________

Ждем писем. На конверте напиши: «НОВАЯ РУБРИКА».

С. БОГАТЫРЕВА

СИНИЙ ЧАС В ТАЛЛИНЕ

День рождения

С уроками он управился быстро. За окном только начинало темнеть. Это был любимый час Арно: последний перед сумерками — синий, тихий. Арно всегда откладывал самые важные мысли, а иногда и самую интересную страницу в книге на «синий час», словно для того и созданный, чтобы человек размышлял, не отвлекаясь. Еще немного — и все изменится: зажгут на улицах фонари, из учреждений выйдут люди, больше станет машин, чаще загремят по рельсам трамваи. В прихожей повернется ключ в замке, хлопнет входная дверь, и веселое «Тервист!» огласит их дом.

Сегодня ключ в замке не повернется и никто не скажет ему привычное «Тервист!» — «Привет!». Отец перестал по вечерам возвращаться домой. Бабушка ходила с заплаканными глазами, а мама смотрела словно сквозь сына и разговаривала с ним ровным, безжизненным голосом.

От всего этого разлада «синий час» потерял для Арно свою привлекательность. Не хотелось читать, не хотелось думать. Самое время пойти к Юри или к Матти. Но там тоже мамы и бабушки, они будут жалостливо смотреть на Арно, потчевать его домашним печеньем и старательно НЕ ГОВОРИТЬ о его отце. Арно снял с вешалки куртку, натянул вязаную шапочку и выбежал на улицу.

Арно жил в той прекрасной части древнего города Таллина, где на улицах никогда не бывает скучно, потому что каждый дом можно рассматривать до бесконечности: непременно заметишь что-нибудь новое. Вот и этот фасад Арно чуть не наизусть выучил. Замедлил шаг, чтобы еще раз полюбоваться резьбой, и вдруг услышал музыку. Там, за тяжелой дубовой дверью, пела скрипка, ей вторила бархатным голосом виолончель, а рояль спорил с ними обеими, торопливо, заливисто рассказывал что-то свое. Арно вдруг так захотелось оказаться внутри, что даже представилось: вот он открывает дверь, вот входит в красивый зал, наполненный музыкой и нарядными людьми... Словно сама по себе, его рука смело толкнула дверь, а нога смело переступила порог.

Арно очутился в зале, освещенном неярким огнем свечей. Когда он вошел, язычки пламени качнулись, словно его приветствуя, и тут же выпрямились, как заячьи ушки. Дверь, пропустив его, затворилась. Арно ничего не оставалось, как пристроиться на свободной табуретке у входа.

Несколько рядов простых табуреток стояло перед ним, а дальше, в глубокой нише, играли музыканты. Вверх поднималась лестница с широкими ступенями, на них тоже устроились слушатели. Арно были видны только затылки. Затылки были почти все светлые, все коротко остриженные и, без сомнения, мальчишеские. Вот уж что в его планы сегодня никак не входило — оказаться в компании незнакомых мальчишек!

«Надо бежать»,— решил он. И остался.

Музыка кончилась. Слушатели зааплодировали. Музыканты собрали инструменты и цветы, которые им подарили. Но крошечный пятачок сцены не опустел — ее занял высокий плотный парень. Арно поразило, что он был одет, как взрослый, даже галстук у него был, «бабочка».

— Новых стихов у меня немного,— сообщил он.— Придется читать из старого. Прошу прощения у тех, кому они знакомы.

— Ладно, простим, читай, Мартин! — загалдели в ответ из зала.

Стихи у Мартина оказались серьезные, размышляющие. Арно особенно понравилось «Обращение к

огню». Мартин дочитал последнюю строчку, и картинно поклонившись, задул одну из свечек — словно точку поставил. Хлопали ему долго.

Мартина сменил симпатичный мальчишка с лукавой физиономией. Звали его Майтом. Этот читал отрывки из длинного рассказа, полного забавных наблюдений и смешных сценок. Читал невозмутимо, зато слушатели покатывались со смеху. Арно тоже не выдержал: фыркнул, хихикнул, захохотал... И вдруг с удивлением обнаружил, что горести его словно бы отступили в тень: смех спугнул их, загнал в потаенный уголок души.

— Ты бы расстался с курткой, отопление у нас нормальное,— услышал Арно веселый голос. Рядом стояла невысокая немолодая женщина. Она была похожа... нет, не на маму и не на учительницу, скорее на тренера спортивной команды.

— Кстати, мужчины, когда с ними женщина разговаривает, встают,— весело продолжала «тренер»,— и руки из карманов вынимают.

Лоб и щеки у Арно стали горячими, но обиды он, странное дело, не почувствовал. Поднялся, вынул руки из карманов и нечаянно вытащил свою шапочку. Шапка упала на пол, пришлось за ней нагибаться, что оказалось кстати: можно было скрыть смущение. А «тренер» командовала:

— Повесь куртку — и марш вниз, лимонад пить! Кто-нибудь займется наконец гостем?

Она говорила, как человек, имеющий право приказывать, но глаза ее смеялись, и мальчишки слушались ее охотно, весело.

Арно оглянуться не успел, как оказался в зале со сводами, где на столах расставлены были подносы с бутербродами и пирожными, а мальчики разносили стаканы с лимонадом. В каждом стакане торчала соломинка, край стакана был украшен аккуратным пояском из сахара.

Потом были игры — новые, Арно о таких никогда не слыхал, потом затеяли диспут...

Когда надевали куртки и шапочки, собираясь расходиться по домам, Мартин, поэт, подошел к Арно и спросил:

— Придешь к нам еще? Только учти: музыки, свечей и пирожных не будет. День рождения случается раз в году.

— А чей был день рождения? Твой?— спросил Арно.

Мартин посмотрел на него с высоты своего роста и ответил назидательно:

— Общий был день рождения. День рождения Клуба Мальчиков.

Только тут Арно понял, куда его занесло. «Как же я, дурак, не догадался»,— подумал он. Вслух говорить про дурака он, понятное дело, не стал.

Недлинную дорогу домой Арно промчался одним духом. С порога, не закрыв дверь, зачастил:

— Мама! Бабушка! Я был в Клубе Мальчиков! Как дядя Яак!

И осекся. Их тихий дом отвык от радостного шума. Но мама шагнула навстречу сыну, и забытая улыбка осветила милое ее лицо.

— Как я тебе завидую...— тихо проговорила она.— В школьные годы я так завидовала Яаку...

Потом они сидели, тесно прижавшись плечами, на диване и рассматривали старые фотографии в семейном альбоме. Арно не раз видел их и всегда отыскивал маминого младшего брата Яака, летчика гражданской авиации. Самые интересные фотографии в альбоме были его. Самые увлекательные семейные предания были о нем. И таинственные слова «Клуб Мальчиков» тоже были связаны с его именем: Яак в детстве был в таком Клубе и любил повторять, что благодаря ему «стал человеком».

Но Арно и не подозревал, что мама так много знала о клубах! Она помнила самое их начало. Ведь это она надоумила десятилетнего братишку Яака, фантазера и неслуха, откликнуться на приглашение, прозвучавшее по радио.

— Какое еще приглашение?— спросил Арно.

Тогда мама рассказала ему вот что.

Трое в масках

— В январе 1967 года один день в Таллине выдался таким холодным, что в школах отменили занятия. Яак «балдел» без дела, звонил кому-то по телефону, хватался то за книгу, то за недостроенную модель...

Дело ему подсказало радио. В очередной детской передаче оно обратилось к мальчикам (к большой обиде девочек, заметила мама) и предложило им вступить в новый клуб. Принимали всех. Требовался сущий пустяк: в полдень на улице Харью найти в толпе двоих мужчин (у одного будет шарф горчичного цвета, у другого — очки в золотой оправе) и вежливо спросить: «Не вы ли кормите синиц?»

Тут я поняла: это и впрямь не для девочек. Позвала к приемнику Яака и увидела, как он загорелся. Думаю, что загорелись чуть ли не все таллинские мальчишки, но кого-то мороз отпугнул, кого-то отвлекли другие дела, а у кого-то не хватило наблюдательности, чтобы «выследить» в толпе таинственных незнакомцев: мужчин в очках и теплых шарфах было немало. А уж подойти с таким, мягко говоря, странным вопросом... Зато те, кто решился, получили в ответ приказ: отправиться в городской музей, найти по приметам связного, сказать пароль. Услышав пароль, мальчишки с трудом сохраняли серьезный вид и с еще большим трудом пароль повторяли. У незнакомого взрослого надо было спросить: «Не вы ли продаете черную кошку?»,— на что незнакомый взрослый, не моргнув глазом, отвечал: «Нет, я ношу кеды сорок четвертого размера». Затем следовал приказ: пройти по улицам старого города, найти заброшенный дом, отыскать ход в подвал. Яак рассказывал: когда по темной лестнице он туда пробрался, после холода и темноты необычайно ярким показался ему свет свечей и удивительно теплым — нагретый их пламенем воздух. Он наконец перевел дух и огляделся. Их было десятка три, незнакомых между собою таллинских мальчишек. Впрочем, разглядывать друг друга времени не было: дверь в подвал распахнулась. На пороге возникли трое в черных масках...

— Постой,— сказал Арно.— А кто все это придумал? Ну, пароли, поиски, маски?

— Не знаю,— пожала плечами мама.— Мы както не думали об этом... А вообще-то тебе спать пора, почемучка!

Впервые за долгое время она говорила с ним весело и насмешливо, как раньше.

«Воспитанию не поддаются»

Арно и его мама не знали, что первые в республике Клубы Мальчиков решили создать два

эстонских писателя — Хейно Вяли и Юхан Саар — и молодой журналист Лэхо Мянниксоо.

Им часто приходилось бывать в пионерских дружинах. Там их встречали энергичные командиры в форменных платьях и с косами. Члены советов дружин — девочки, председатели советов отрядов — девочки, звеньевые — девочки. Девочки-редакторы показывали им веселые стенгазеты, а на торжественной линейке девочка — председатель совета дружины звонко и четко рапортовала старшей пионервожатой, девушке.

— А где же мальчики?— осторожно спрашивали писатели и журналист.

— Мальчики у нас только хулиганить умеют. Воспитанию не поддаются. Ну и пусть! Мы и без них обходимся.

Лэхо Мянниксоо, Хейно Вяли и Юхан Саар знали многих мальчишек — сообразительных; ловких, отважных. В конце концов они сами не так давно были мальчишками! Поэтому они верили: с мальчишками можно ладить, только надо им дать

Мальчики из Клуба Тартуского колхозстроя занимаются картингом. Ты видишь их у сверлильного станка, за рулем, за ремонтом машины.

больше самостоятельности, больше романтики и побольше трудностей, которые придется преодолеть, и... Лэхо Мянниксоо, Хейно Вяли и Юхан Саар не очень ясно представляли себе, что нужно современным мальчишкам, но они знали, что у тех от школьных и домашних дел остается немало времени и масса неиспользованной энергии. Время надо было занять разумными делами, а энергию направить по правильному пути, дабы ценности эти не растрачивались впустую или того хуже, не употреблялись во зло.

Исполнение желаний

Наутро Арно проснулся с мыслью: «Что-то вчера случилось хорошее...» И вспомнил: Клуб Мальчиков! Пойти в Клуб сегодня или сначала съездить в Нымме к дяде Яаку, послушать, что он расскажет? Не хотелось Арно выглядеть в Клубе незнайкой, он и вчера-то опростоволосился, когда стал выяснять, чей день рождения.

Поговорить с дядей Яаком хорошо бы, да не так просто. Телефона у него нет, ехать к нему — конец не близкий, доберешься туда, а дядя — в полете.

У каждого человека бывает так: сильное желание мгновенно исполняется, как по волшебству. Правда, почти всегда оказывается, что кто-то помог ему осуществиться. Особенно хорошо угадывать желания умеют мамы — они по этой части большие мастерицы. Мама Арно не была исключением.

Когда ее сын вернулся из школы, его встретила нарядная, сияющая бабушка.

— Не копайся с уроками, скоро придет Яак,— сообщила она.

Арно не дал ей словом перемолвиться с сыном — затащил его в свою комнату, плотно закрыл дверь и выдохнул:

— Ну?

— Что ну?— отозвался Яак.

— Рассказывай,— потребовал Арно.— Все.

— О чем?

— Как ты стал человеком. В Клубе Мальчиков.

— Человеком я, положим, и раньше был. Только разболтанным, избалованным. Сестра и мама считали меня дитем малым. Все за меня делали, каждый шаг контролировали. Отец с ними пытался спорить, но много ли времени геолог проводит дома? А мне охота было чувствовать себя большим, я норовил удрать и что-нибудь необыкновенное выкинуть. Что получалось — лучше не вспоминать. Зато в Клубе я ощутил себя личностью. Со мной, с нами всеми обращались как с людьми самостоятельными. Сам, мол, принимай решение, сам его выполняй, сам отвечай за ошибки.

— Постой,— остановил дядю Арно.— Ты говоришь: принимали решения, выполняли, отвечали... А что вы там делали?

Пока горит огонь

— Хватало дел. Столько их вдруг оказалось, что на «фокусы» просто времени не осталось. Особенно военная игра по радио мне запомнилась. Каждого из нас объявили командиром группы: води войска, размещай артиллерию, распоряжайся техникой — вою́й, одним словом. Правда, на бумаге вою́й: черти карты, решай тактические задачи, учись науке побеждать. Потом, в зимние каникулы,— военно-спортивная игра: покажи, чего ты стоишь, «на местности». Был начальником штаба? Походи-ка теперь в солдатах. Пришло лето — поехали в лагерь Клуба: человек сорок мальчишек и пятеро взрослых. Всего на неделю ездили, а вспоминали потом весь год. Прежде всего лагерь найти надо было — по карте, по знакам в лесу. Потом разбить палатки, наломать сушняка на костер — да без топора, чтобы не повредить лесу, да набрать душистых трав для чая... А дальше успевай, поворачивайся: военный день, день работы в колхозе, поход километров на пятьдесят по пересеченной местности да спортивные состязания (проигравшая команда готовит на костре ужин). Еще надо было «пламя жизни» день и ночь поддерживать. Про «пламя жизни» слыхал?

Арно помотал головой.

— Мы так называли костер. Пока горит костер, существует лагерь. Погас костер — это значит, что лагерь закрыт, мальчишки свободны от дисциплины. Был такой случай: в день помощи колхозу бригадир поставил нас на прополку да еще сказал: «Вон девочки работают, присмотритесь и делайте, как они». Мы, натурально, оскорбились: Клубу Мальчиков учиться у девочек? Никогда. И ушли с поля. В лагере ждал нас разнос: «Для мужчины унизительно бросать порученное ему дело, а не перенимать опыт, пусть даже у девчонок». Начальник лагеря пригрозил самой суровой карой: погасить костер. Этого мы вынести не могли, пришлось идти к бригадиру с повинной. Только кто-то из взрослых, похоже, успел переговорить с ним, он дал нам другую работу, более «мужественную».

Летом, кроме лагеря, еще и вторая военно-спортивная игра — их и сейчас устраивают. Один из Клубов объявляет себя хозяином, остальные приезжают в гости: познакомиться, помериться силами. Каждый Клуб выставляет одну команду, входят туда и стар, и мал — такое правило. Малышей обузой не считают — они честно зарабатывают очки для команды: разведчики из них получаются отличные, помню, я очень гордился этим. А когда мы сами стали старшими, тут другая забота появилась: все время помнить, что на тебя смотрят придирчивые глаза малышей, и не ударить в грязь лицом.

— А твоя профессия? Ты говорил, что Клуб надоумил тебя стать летчиком! Вас, что ли, учили летать?

— Нет, летать не учили. Это сейчас во многих клубах осваивают технику: в Тарту — карт, в Пярну — мопед, в Кайю — сельскохозяйственные машины. Ты знаешь: в Клубах спорт и военная подготовка общие, а так у каждого своя специальность. Когда мы переехали в Кохтла-Ярве, я был в шестом классе и стал ходить в Клуб при шахте — он и сейчас существует, большой, многолюдный. Там, как и в мое время, увлекаются историей Великой Отечественной войны. Мы ходили по следам партизанских походов: искали самолет, пропавший без вести в конце войны. Про этот самолет известно было, что летал он бомбить Берлин и сделал вынужденную посадку где-то на эстонской земле, между двумя линиями фронта. Летчик пробрался болотами к своим, а машину тогда так и не нашли.

За стихи, прочитанные на празднике, Мартин Синиярв получил первую премию Клуба по литературе.

Говорили, что летчику помог мальчишка-подпасок: словно начальник разведки, он знал все — где наши, где фашисты, где можно пройти, а где топь непролазная. Мы повторили этот путь и нашли среди болот сухую ровную полосу, на которой мог приземлиться самолет. Прошли по ней — и увидели боевую машину. До сих пор верю, что это я первым ее обнаружил! Сейчас мне кажется: вот тогда я и решил стать летчиком.

— А про наш, про Таллинский клуб ты знаешь?

— Нет,— развел руками дядя Яак.— Откуда? В Таллин я вернулся взрослым человеком. Это, брат, придется тебе узнавать самому.

«Будь, как дома»

На следующий день Арно не стал дожидаться, когда за окнами затеплится его любимый «синий час». Было еще светло, когда он потянул на себя тяжелую дверь старинного особняка.

Давешняя знакомая, которую он про себя окрестил «тренером», сразу вышла к нему.

— Заходи, раздевайся, будь в нашем доме, как дома,— сказала она.— Кстати, я его заведующая, зовут меня Айно Йохансон. Рассмотри его получше, здание того стоит: памятник архитектуры, построен в четырнадцатом веке. Кто у нас дежурный? Ты, Индрек? Проведи-ка экскурсию!

Арно с сомнением поглядел на экскурсовода: на вид тому было не больше десяти. А экскурсовод с неудовольствием покосился на Арно: что это за экскурсия — один человек? Но Айно Йохансон знала, что она делает: пять минут спустя мальчики дружно поднимались по великолепной лестнице (Индрек объяснил, что она построена в готическом стиле), разглядывали росписи на потолке, осматривали древнюю хлебную печь, любовались внутренним двориком. Когда поднялись на чердак, у Арно дух захватило от красоты, открывшейся им: его любимый старый Таллин был виден сверху — змеились узкие улицы, наползали одна на другую разноцветные крыши.

— Вот бы пройти по ним,— подумал вслух Арно.

— Была такая идея,— отозвался Индрек,— водить экскурсии по крышам. Маршрут продумали, только взрослые не разрешили.

Когда спускались вниз по узкой крутой лестнице, еле разминулись с большой группой экскурсантов. Сопровождал их мальчик постарше Индрека. Арно прислушался и понял, что экскурсию тот ведет по-английски.

— Привет, Давид!— кивнул ему Индрек и не упустил случая похвалиться:— У нас на каком хочешь языке есть экскурсии: на русском, эстонском, финском, английском. В Таллин туристы едут со всего мира, а наш дом — экспонат, памятник архитектуры.

В шесть часов вечера закрылась дверь за последним гостем и тотчас снова распахнулась, впуская хозяев. Тут Арно с ними всеми и познакомился.

Мальчики — человек двадцать — устроились кто на табуретках, кто на ступенях знаменитой лестницы. Взрослым: Айно Йохансон и психологу Ингрид Эрме раздобыли стулья.

— Наш Клуб,— начала Айно Йохансон,— единственный гуманитарный. В Таллине у ребят есть богатый выбор: можно идти в кружки технического творчества, заниматься в спортивных секциях, учиться музыке, живописи. А что делать тем мальчикам, которых к технике не влечет, спортивные достижения не манят, а талант к музыке или рисованию не проявляется так ярко, чтобы идти учиться в специальную школу? Что делать книжникам, мечтателям, сочинителям, тем, кому легко даются иностранные языки, кто любит рассматривать репродукции в альбомах по искусству и любоваться старинными домами? Обычно такие ребята с трудом сходятся с ровесниками. Не сразу угадывают они свое призвание, сомневаются в выборе профессии. Выходят из них журналисты, преподаватели, юристы, организаторы производства, иногда писатели, ученые, искусствоведы. Кем бы они в будущем ни стали, всем им понадобится такт в отношениях с людьми, умение общаться, четко и ясно излагать свои мысли. Им потребуется общая культура, привычка уверенно и скромно держаться на публике, выступать. Такую тренировку проходят мальчики в Клубе Мальчиков. У них немало обязанностей: они водят экскурсии по дому и по старому городу — вот случай научиться выступать перед аудиторией, вот и практика в иностранном языке! Они помогают устраивать выставки — вот возможность проявить и развить свой вкус, а заодно научиться смотреть живопись и скульптуру, выражать словами свои ощущения. Но главное все-таки... Что, по-твоему, главное, Неэмэ?— обращается Айно Йохансон к высокому, видному парню — это Неэмэ Рауд, десятиклассник.

— Главное,— говорит Неэмэ,— что есть место, куда ты можешь прийти в свободный вечер, и тебе все рады. Где ты гость и хозяин.

— Главное, игры у нас бывают замечательные, с секретом,— говорит невысокий крепкий мальчуган и смотрит выжидательно на Ингрид Эрме.

— С секретом, не спорю,— отзывается та.— Эти

игры ученые-психологи придумали для таких, как вы, чтобы помочь ладить с окружающими. Секрет я вам пока не стану раскрывать, а результат вы и сами видите. Поначалу драки у нас были? Были. А сейчас прекратились. В диспутах была неразбериха? Была! А теперь легко разбиваетесь на команды, у каждой свой лидер. Кто помог? Игры с секретом! Вы их, когда вырастете, не раз добром вспомните, они вас многому научили.

Синий час засветился над Таллином. В старинном доме сегодня обычный вечер Клуба Мальчиков — программы никакой нет, каждый занят своим делом.

Пэетер разложил кисти, приготовил палитру — он, как всегда, рисует. Майт в окружении ребят помладше рассказывает жуткую историю, которая будто бы произошла с ним самим. Малыши слушают, раскрыв рты и зажмурив от ужаса глаза, а те, кто постарше, знают по опыту, что фантазер Майт, подобно Мюнхгаузену, на ходу сочиняет свои приключения.

Неэмэ пишет что-то в большом блокноте. Он тоже сочиняет, только в другом жанре. Самый старший здесь, он уже выбрал профессию: будет журналистом. Его интервью и корреспонденции часто передают по местному радио, печатают в молодежных газетах Эстонии.

Кто-то теребит Мартина: нет ли, мол, новых стихов,— а тот отмалчивается, по своему обыкновению насмешливо улыбаясь. Это хороший знак: раз молчит, значит, стихи есть, может быть, почитает сегодня.

Остальные решили затеять диспут, но не могут пока выбрать тему. О смысле жизни спорили. О том, кого можно считать другом, спорили. О том, кому следует и кому не следует помогать, спорили. О том, как тратить карманные деньги? Что ж, чем не тема?

Двое помогают Ингрид Эрме раскладывать слайды: она недавно побывала в Самарканде и Бухаре, собирается показать ребятам снимки. Знатокам красот своего города интересно будет познакомиться с архитектурой Востока.

Все заняты. Всем интересно. Как говорит Лэхо Мянниксоо: «Мальчикам из Клубов Мальчиков интересно все. Кроме хулиганства».

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

Первая премия по искусству досталась Пэетеру Эллеру.

Диспут затеяли в конце вечера.

На этот раз «Кораблик» приплыл, нагруженный стихами школьников Молдавии.

Вера ЗМУНЧИЛЕ, 14 лет.

Родины моей краса

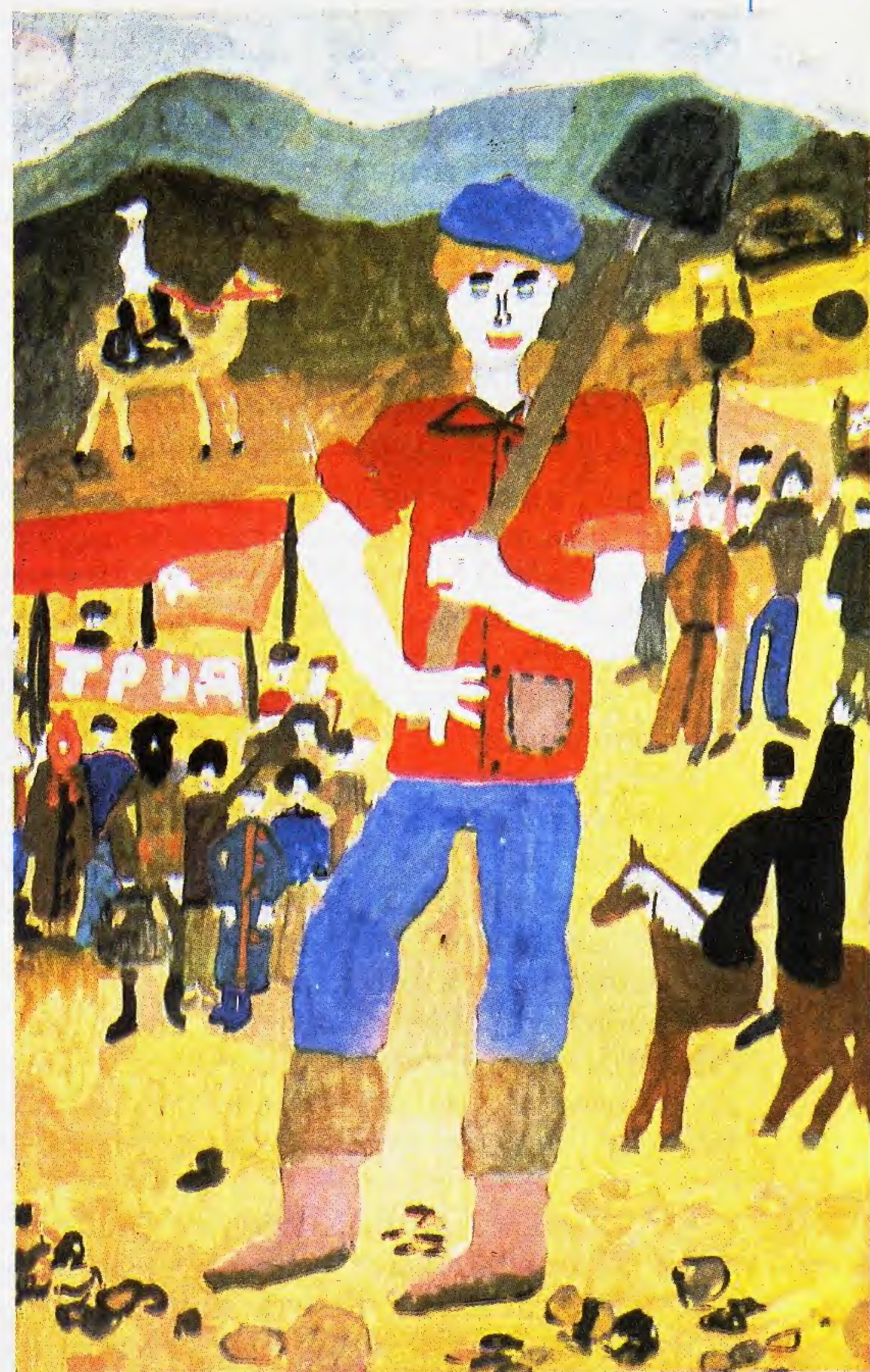
Стать бы мне художницей!
Я нарисовала бы
Разные картины:
Виноградники, поля,
Села и долины.
Стать бы мне художницей!
Я нарисовала бы
Реки, рощи и леса,
И другие чудеса.
Родины моей краса
В красках засияла бы!

Жеоржета ВРАНЧА, 14 лет.

Поклоняюсь я земле

Осенью леса и рощи
Отдают листву
земле.
А зимою тучи неба
Посылают снег
земле.
Летом спелая пшеница
Наклоняется
к земле.
Из крестьянского я рода,
И в любое время года
Поклоняюсь я
земле.

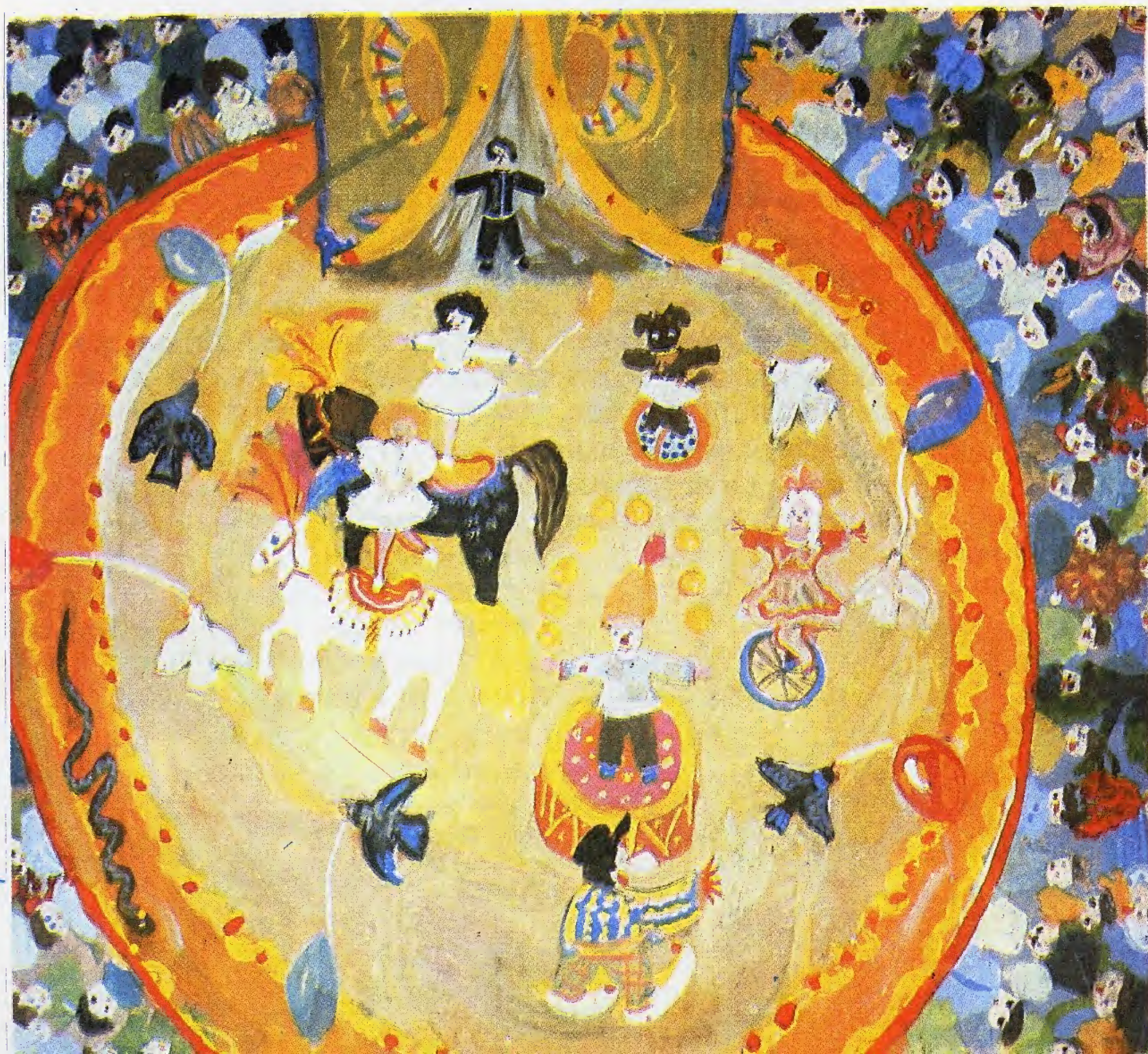

«КОМСОМОЛЕЦ» — *так назвала свою работу Наташа БАЙДАК, 12 лет.*

Оля КОПЫТКИНА, 10 лет, нарисовала «ЦИРКОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ».

Тамара МОРТЯН, 13 лет.

Послужите человеку!

Вот ромашки
На полянке,
Как пятнашки,
Как панамки.

Дождь их утром
Сбрызнул душем.
Солнце в полдень
Их просушит.

А на зорьке
На закате,
Стали дети
Собирать их.

И сказали: «Ну, ромашки,
Полезайте к нам в кармашки.
Отнесем мы вас в аптеку —
Послужите человеку!»

ЛЕТО. ЛАГЕРЬ. ДЕЛО

Сборы в пионерский лагерь — это радость ожидания. Ожидания новых знакомств и встреч со старыми друзьями. Возможности проявить себя: трудолюбием, справедливостью, выдумкой и добротой, ловкостью в спорте завоевать авторитет в новом коллективе, где тебя никто не знает как троечника или отличника...

И когда эти ожидания сбываются?

ЕСЛИ КАЖДОМУ ПИОНЕРУ ДАЮТ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРОЯВИТЬ ИНИЦИАТИВУ И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ.

Об этом говорят сегодня с вами люди, знающие и опытные — члены пионерского штаба «Синегория» Тимирязевского района города Москвы, ваши ровесники; методисты Дома пионеров этого же района, и бывшие «синегорцы», а сейчас студенты — люди взрослые.

Татьяна РЕБРОВА, руководитель районного пионерского штаба, методист Дома пионеров. Каждое лето наши штабисты-«синегорцы» едут в Тимирязевский инструктивный лагерь пионерского актива, сокращенно ТИЛ. Основная задача такого лагеря — обучить пионерский актив. А все остальное, как в обычном пионерском лагере: подъем, зарядка, уборка территории, завтрак...

Ира ПАРФЕНОВА, член РПШ. Ездила я раз в один пионерский лагерь, так там цель нашей жизни была: пообедать-погулять. Территорию ребята убирали из-под палки, газету стенную выпускали, когда вожатые заставят... Галстук пионерский надеть, и то не каждого можно было уговорить. Время девать некуда. Все целый день слонялись. Не знаю, наверное, не во всех лагерях так. А в ТИЛе... В нашем гимне есть слова: «Забыть о том, что где-то есть покой». О покое, и правда, забываешь. Время будто растягивается, потому что за день мы десятки дел успеваем сделать, и все равно дня не хватает.

Корреспондент. В пионерские годы я тоже ездила в лагерь актива. Помню, приехали мы и узнали: через два часа в отряде начнется игра «Будь готов!». Инструкторы нам предложили вопросы по истории пионерской организации, символам и ритуалам... И сразу стало ясно, что умеем и что знаем мы. Пионерские песни хором поем сносно, а октябрята с нами долго не выдержат, заскучают — всем отрядом вспомнили только одну игру, в кошки-мышки... После отбоя мы долго не могли уснуть. Не верилось, что ребята, приехавшие в лагерь утром, успели так быстро познакомиться, узнать, кто эрудит, кто заводила, а кто весельчак и выдумщик... А всего лишь одна отрядная игра.

Дмитрий ГРАФОВ, член совета друзей РПШ, студент Московского авиационного института. Игры-знакомства проходят почти во всех лагерях актива. Каждый член отряда участвует в подготовке игры. Нет ни заранее написанного плана, ни «знатока» — вожатого... И что еще очень важно, во время игры у ребят появляется чувство, что УСПЕХ ВСЕГО ОТРЯДА ЗАВИСИТ ОТ УЧАСТИЯ КАЖДОГО. Каждый вносит свои знания в общую копилку. В игре делается первый шаг к созданию отряда. А ПРЕВРАТИТСЯ ГРУППА РЕБЯТ В ОТРЯД, КОГДА ИХ ОБЪЕДИНИТ ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНОЕ ДЕЛО. Лучше одно, интересное всем.

Я думаю, в каждом летнем пионерском лагере, в каждом отряде в первый день смены надо проводить игры-знакомства. А заводилами могут быть активисты районных штабов, опыт у них уже есть.

Костя СЛЕПНЕВ, член совета РПШ. ЕСЛИ ЕСТЬ ДЕЛО, МОЖЕТ БЫТЬ ИНТЕРЕСНО НЕ ТОЛЬКО В ЛАГЕРЕ ПИОНЕРСКОГО АКТИВА. Вот я был в пионерском лагере «Звездочка» — самом обычном. Готовили мы линейку Памяти 22 июня. И узнали, что туристы в одной из запруд обнаружили танк. Что за танк? Откуда? Расспросили жителей деревни Анашкино — самой близкой к лагерю. То, что узнали мы, настолько потрясло нас всех, что неожиданно, сама собой, образовалась поисковая группа.

Оказалось, в этих местах шли ожесточенные бои. По речушке Капенке, около которой расположен лагерь, проходил рубеж обороны. Деревня Хомяки много раз переходила из рук в руки. К концу боев в деревне не осталось ни одного целого дома. Зато была братская могила — более 500 наших воинов. А известны только 52. Остальные пока безымянные. Зимой 1941 года в деревню Анашкино вошел наш танк. Гитлеровцы пошли в наступление. Экипаж танка стал прорываться к Капенке, но в неравном бою погиб.

Мы решили узнать имена танкистов, откуда они.

Прошлым летом успели опросить многих местных жителей, списались с областным архивом, договорились с Рузским военкоматом, что этим летом они помогут нам вытащить танк. Будем продолжать поиск.

Ира ПАРФЕНОВА. Сравнил! То танк! Конечно, такое интересное дело объединит всю дружину, не только отряд. А в большинстве лагерей дела самые обычные: с подшефными октябрятами играй, морковку на колхозном поле раз в смену пропалывай, в палате убирайся. Убрался, а куда себя деть, не знаешь. Вот и слоняешься...

Андрей КОЗЛОВ, член районного юнармейского штаба «Гвардеец». ОЧЕНЬ МНОГОЕ ЗАВИСИТ ОТ САМИХ РЕБЯТ. Где бы это ни было: в лагере актива, в обычном летнем лагере или в школе. Важно захотеть. И проявить хоть чуть-чуть выдумки. Тогда скучная уборка территории превратится в стратегическую войсковую операцию «Чистота» со своим штабом, разведкой, группой захвата, группой уничтожения, с торжественной линейкой в честь победы над

опасным врагом. Главное, чтобы не было скуки. ЛЮБОЕ ДЕЛО ОТ ДУШИ, И ТОГДА ВСЕ ПОЛУЧИТСЯ.

Одно из главных правил лагеря актива: «Все дела творческие, иначе зачем?» Если этому правилу будет следовать дружина каждого пионерского лагеря, за смену она успеет провести много полезных и интересных дел.

Татьяна РЕБРОВА. МЫ ЗА СМЕНУ В ТИЛе НЕ ОДНО ДЕЛО—ДЕСЯТКИ УСПЕВАЕМ ПРОВЕСТИ. Трудовые десанты, отрядные конкурсы, игры для октябрят, «Зарницу»... За проведение каждого дела отвечает совет. Совет дела — временный орган. Провели «Зарницу» — совет «Зарницы» свободен, создается новый совет, для другого дела. Правил, как проводить дело, нет. Фантазируй.

Например, конкурс «Москва театральная». Это давняя традиция ТИЛа. Можно предложить отрядам выбрать по одному московскому театру и поставить спектакль из его репертуара на лагерной сцене. Постановка может быть «классической», как в театре. А может отражать лагерную жизнь. Может быть написана, наконец, новая пьеса под тем же названием. Все это решает совет дела. А также кто будет играть, кто готовить костюмы, кто войдет в жюри...

Кто входит в совет дела? Например, в совет дела по подготовке Дня октябрят обязательно войдут, кроме их вожатых, физорг — для проведения соревнований, массовик-затейник, который знает сотни игр и загадок, пионер-инструктор по строю и ритуалам — пусть малыши привыкают к дисциплине... Редактор стенной газеты выпустит к этому дню специальный номер... Одним вожатым октябрят такой день подготовить было бы трудно.

Готовя одно общее дело, пионеры-инструкторы всех специальностей учатся проводить и День октябрят, и «Зарницу», и спартакиаду... Каждый пионер уезжает из ТИЛа с новыми знаниями и новым опытом.

Оля ОДИНОКОВА, зам. председателя РПШ по связи и информации. Обычно тиловцы отдыхают в одном из пионерских лагерей района. Но выделены в самостоятельные отряды. В 1984 году мы предложили всему лагерю «Огонек», где мы жили, участвовать в наших делах. Сначала предложение вызвало смущенные смешки у остальных ребят: «Мы, мол, не активисты, куда нам...» Но конкурс бального танца понравился всей дружине. К тиловцам стали присматриваться. А к концу смены остальные отряды лагеря включились во все наши дела.

Корреспондент. Получается, жизнью лагеря актива хотят жить все пионеры. Все — актив? А как же школьные активистки-девочки и мальчики, срывающие мероприятия? Не разные же это люди?

Надежда Владимировна ШУШПАНОВА, зав. методическим отделом Дома пионеров. В лагере актива каждый сразу начинает что-нибудь делать. И у него... получается! Научившись за смену проводить праздники и конкурсы, сборы и соревнования, активист едет в обычный пионерский лагерь (в лагере актива он проводит только месяц), где, как правило, не больше двух-трех таких же, как он, на отряд. Теперь ЗАДАЧА ПИОНЕРСКОГО АКТИВИСТА — НАУЧИТЬ ВСЕМУ ТОМУ, ЧТО ОН ЗНАЕТ И УМЕЕТ, ОСТАЛЬНЫХ РЕБЯТ В ОТРЯДЕ. Но часто ребята встречают его с недоверием: «Что ему, больше всех надо?» Хотя в обычном пионерском лагере отдыхают ребята ничуть не хуже, чем любые активисты, ничем не хуже, чем наши тиловцы. Просто им не представилась возможность действовать. Им надо предложить попробовать, а может, даже настоять на этом. (С уговором: если не понравится, больше делать не будем. Но попробовать-то можно!) Ну, например, провести импровизированный концерт «Ромашка». На каждом лепестке — задание звену. В течение нескольких минут подготовить коллективное выступление с песней, танцем, веселыми

частушками про свой отряд, а может, сюрприз. Какой, придумать самим. А потом определить лучший номер. Уверена, всем понравится.

ВАЖНО ТОЛЬКО СДЕЛАТЬ ПЕРВЫЙ ШАГ... И ОКАЖЕТСЯ, ЧТО КАЖДЫЙ ИЗ ВАС НАДЕЛЕН ТАЛАНТАМИ, ЧТО ДЕЙСТВОВАТЬ ГОРАЗДО ИНТЕРЕСНЕЕ, ЧЕМ ОТСИЖИВАТЬСЯ В СТОРОНКЕ.

Саша АНДРЕЕВ, член совета РПШ. Можно и в обычном лагере за смену много полезных дел сделать. Только начинать как-то боязно. В лагере актива тебя все понимают с полуслова, а тут ухмылки со всех сторон. В лагере актива уже на второй день кажется, будто каждого из отряда давно-давно знаешь...

Корреспондент. В обычном лагере ребята проводят вместе столько же времени, а сдружиться не успевают и к концу смены. Почему?

Саша АНДРЕЕВ. Общение в пионерском лагере, как и в школе, часто поверхностное. Вместе обедаем, вместе выслушиваем на утренней линейке стандартный распорядок дня, а всех интересует одно: что вечером, кино или танцы? Сценарии отрядных и дружинных дел написаны давно, из года в год не меняются, потому и интереса к ним не возникает. Так и получается формальное объединение ребят одного возраста, не сплоченных ни общим делом, ни общими интересами.

Другое дело в лагере актива. Тут у нас и единые задачи, и единые интересы. Человека за три дня узнаешь. В поход сходили — и все сразу ясно!

Корреспондент. Значит, все просто: сходили в поход, и через три дня готов коллектив? В любом лагере — как в лагере актива? А может, даже лучше? Так?

Оля ЧИЧЕВА, член РПШ. Нет, не так. Помните наш осенний поход? Четко не продумали программу, решили, что на месте сориентируемся, найдем, что делать. А получилось, целый поход ничего не делали, только в баскетбол играли. Ну и скучно было!

Дмитрий ГРАФОВ. ПОХОД «ВООБЩЕ», БЕЗ ЦЕЛИ, КАК И СБОР «ВООБЩЕ», НИКОГО ЗАИНТЕРЕСОВАТЬ НЕ МОЖЕТ. «Участники» сбора или праздника, не те, кто будет читать стихи со сцены, а сидящие в зале, в лучшем случае под нажимом вожатой наденут парадную форму. Подобное «мероприятие» пройдет одинаково скучно и неинтересно, лишь при участии «активисток-девочек» и в школе, и в лагере. ПРЕВРАТИТЬ ЖЕ «МЕРОПРИЯТИЕ» В ДЕЛО МОЖЕТ ТОЛЬКО ИНТЕРЕС К НЕМУ БОЛЬШИНСТВА РЕБЯТ. А ПИОНЕРСКИЙ СБОР ИЛИ ПРАЗДНИК ПУСТЬ СТАНЕТ ИТОГОМ РАБОТЫ КОЛЛЕКТИВА. Тогда он не оставит никого равнодушным, потому что все будут его участниками, а не зрителями.

Корреспондент. Итак, все сошлись на том, что

— в каждом пионерском лагере должно быть **дело,** значимое, полезное, которое может увлечь всю дружину;

— дело для всей дружины найти нелегко, поэтому дела в отрядах могут быть самыми обычными, но участвовать в их подготовке должны все пионеры, тогда и обычное станет интересным;

— даже обычное дело может всех увлечь, если проявить выдумку, инициативу, придумать игру;

— заводилами в отряде и дружине должны стать активисты, прошедшие школу районных штабов и лагерей актива.

Если все заняты, в отряде умирает скука и рождается дружба. И ожидания от встречи с лагерем сбываются.

Беседу вела Е. АБСАЛЯМОВА

Рисунки А. БОРИСОВА.

МАЛЬЧИШНИК

Мечтательная книга

Михаила КОРШУНОВА и Виктории ТЕРЕХОВОЙ

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ

Было это еще до войны. Были два класса или, как говорят, две параллели — 9 класс «а» и 9 класс «б». Был учитель литературы, который сумел за годы преподавания влюбить своих учеников в русскую литературу, в поэзию Пушкина и Лермонтова.

Но... началась Великая Отечественная война, и классы 9 «а» и 9 «б» и их учитель ушли воевать.

Кончилась война. Для многих из мальчишек бывших девятых классов кончилась и жизнь: они погибли во имя Родины, а значит, и во имя русской литературы.

В память о погибших ребятах Михаил Коршунов (9 класс «а») и Виктория Терехова (9 класс «б») написали мечтательную книгу о Пушкине, о Лермонтове как о своей юности и теперь уже как о своей совсем зрелой взрослости.

Старший и младший

Итак, наступило это число. И этот час. ОНИ должны встретиться.

— Тебе не страшно?— спрашивает Вика.

Стоим у окна на восемнадцатом этаже в современном многоэтажном доме на проспекте Калинина.

Медленно падает длинный безветренный снег, будто медленно, не спеша связывает, соединяет настоящее с прошлым.

Снег чист и светел, он создан для праздника и надежд.

Сверху на Малой Молчановке виден небольшой

Отрывки из книги.

деревянный, с мезонином в три окна дом и низенький забор с калиткой. Виден с нашего восемнадцатого этажа и кусочек старой арбатской улицы.

Я прижался лбом к холодному стеклу, стою и думаю, проверяю себя еще и еще раз, все ли мы с Викой учли по адресам, по датам, по времени: в эту зиму те двое, кто жил на старом Арбате и на Малой Молчановке, должны встретиться по нашей воле. Кто да кто? Немного терпения, и вы сами убедитесь.

У первого из них — старшего — было веселое, легкое имя. И прозвища Сверчок, Егоза, Француз — вследствие особого знания французского языка и увлеченности французскими просветителями. Он любил бегать, прыгать через стулья, играть в кегли. Мог вскочить на стол, улечься на столе, схватить перо и бумагу и со смехом начать писать стихи. Мог писать стихи, сидя на кровати с поджатыми ногами, или «едучи в коляске», или в момент шумных бесед, едва присев где-нибудь, или просто впотьмах. Его еще называли Бесом:

— Здравствуй, Бес!

Он нарисует себя и рядом — беса.

Автор «Истории государства Российского» Николай Михайлович Карамзин сказал ему:

— Пари, как орел!

Жуковский:

— Ты имеешь не дарование, а гений. — И потом еще напишет: «Надежда нашей словесности».

Кто-то назвал его «Шаловливое чадо музы».

Боевой офицер и поэт Константин Батюшков:

— О! Как стал писать этот злодей!..

Князь Петр Андреевич Вяземский шутя предупреждал:

— Задавит, каналья!

Злодей, Каналья, Шаловливое чадо музы и Надежда словесности отвечал, что он всего лишь ударяет о наковальню русского языка, и получаются стихи. В нем была смесь излишней смелости с застенчивостью, и то и другое чаще невпопад.

Второго из них — младшего — называли Любезный маленький гусарик и Маёшка. Это в юнкерской школе. «Monsieur Mayeux» — популярный персонаж французских карикатур, который отличался задором, остроумием и резкостью суждений. Маёшка любил играть в горелки, серсо, «изображать всех в карикатурах», сочинять забавные стихи-шутки, которые неожиданно теряли рифму, «хромали». Мог писать стихи, стоя на коленях перед стулом. Если под рукой не оказывалось бумаги, писал на страницах «Почтового дорожника» или на дне выдвинутого ящика стола. И тоже была в нем смесь излишней смелости с застенчивостью, и тоже часто невпопад. И ударять о наковальню русского языка он тоже умел.

Старший сказал:

— Есть у нас свой язык, смелее!

И вывел русский язык «на широкий простор русской земли для любованья всему народу».

Младший потом добавит:

— Как дикарь, свободе лишь послушный, не гнется гордый наш язык.

А еще старший сказал, что душа его развилась вполне, — он может говорить. Было ему тогда двадцать шесть.

В двадцать шесть развилась вполне и душа младшего. К нему уже пришли его песни.

Кто из нас с детства, с тех самых пор, как узнал их имена и стихи, не желал, чтобы они встретились? Должны. Обязаны. Иначе «быть нельзя»!

Пути одного и другого шли рядом. Поэтические

судьбы одинаковы — обоих уже в детстве посетила богиня песнопений. Все им было дано — талант и «гремящая слава», но личная встреча не дана была.

Их иногда разделяли лишь сотни метров и не дни, а часы, может быть, и минуты. Минутой бы раньше, минутой бы позже...

Младший сказал о старшем:

— Наш лучший поэт.

Старший сказал о младшем:

— Далеко мальчик пойдет!

И мальчик, когда погиб старший, написал шестнадцать беспощадных строк.

Белинский воскликнет:

— Что за огненная душа!

Оба поэта были дружны с декабристами, и для обоих «правда была святыней». Оба умели презирать и ненавидеть, и оба были «доверчивыми и неосторожными», как большие поэты.

Решая что-нибудь, младший в «старогусарском стиле» подкидывал монету. Старший верил в счастливую серебряную копеечку. Из суеверия боялся перебегающих дорогу зайцев и гудящих самоваров. Большие поэты — часто большие дети.

Мы бережем все, что сказано или написано о них, все, что с ними было и чего не было, может быть. Любое предположение, догадку, строку, слово и даже память об акушерке, которая при рождении младшего сказала:

— Своей смертью не умрет...

Они часто бывали у Карамзиных, любили эту русскую семью, проводили в ней лучшие часы. Семья Карамзиных сопутствовала обоим всю их жизнь. В одни и те же альбомы вписывали на память стихи, например, дочери Карамзина — Софье. У Гоголя бывали. Младший был у Николая Васильевича на именинах. Жуковский прошел через судьбу каждого из них. Встречались с Белинским, часто — с историком и литератором Александром Ивановичем Тургеневым, с писателем, музыкантом Владимиром Федоровичем Одоевским, с Трубецкими, с семьей Вяземских. Александра Осиповна Смирнова, урожденная Россет, была хорошо знакома со старшим и много рассказывала

о нем младшему. Встречались с одними и теми же издателями, с Краевским, например, который встал во главе «Отечественных записок», где младший под конец жизни напечатал большую часть стихов.

Когда родился младший, бабушка в его честь в семи верстах от имения поселила новую деревню и назвала ее — Михайловская. Родным и любимым местом старшего было его родовое Михайловское. Так что — Михайловская... и Михайловское...

Оба родились в Москве, совсем недалеко друг от друга. На Немецкой улице началось детство старшего, в доме на Красноворотной площади (Красные ворота) — детство младшего. Пройдите теперь от Бауманской улицы (бывшая Немецкая) до площади Лермонтова (Красные ворота): путь займет не более получаса. Я шел летом. Подсохший липовый цвет покрывал землю, рассыпался под ногами и излучал запах меда. Летних полчаса...

Когда один, будучи офицером лейб-гвардии, жил под Петербургом в Царском Селе, в Царском Селе жил и другой, будучи уже знаменитым поэтом. Нет, не встретились. Хотя бы разъехались в экипажах. Нет. Не было даже этого в их жизни.

И чего бы им не встретиться на забавных московских Подновинских гуляньях, что проходили на месте современной улицы Чайковского — от площади Восстания до площади Смоленской. «...Из тесу и полотна выстроены дворцы готические, итальянские, пагоды индийские, шатры, рестораций, комедии с барабаном и музыкой».

И чего бы Маёшке и Бесу не провести там вместе время? Оба любили народные развлечения, а в свете чувствовали себя «тоскливо», порой и «несносно» и думали: «хотя бы черти для смеха попадались» среди этих «завистливых дураков», похожих на «французский сад», потому что ножницы хозяина «уничтожили всякое различие между деревьями».

Или чего бы им не встретиться в какой-нибудь из книжных лавок? В Москве — в Университетской или Ширяева? В Петербурге — Смирдина? На аукционе, на распродаже коллекций древнего искусства, книг, рукописей?

Нет, не встретились.

В Благородном Собрании? В Английском клубе? На прогулочных дорожках для верховой езды? Или на дорогах в каком-нибудь «поспешном дилижансе»?

Нет, не встретились. Несправедливость судьбы.

В Новочеркасске на одноэтажном бревенчатом доме, который стоит на углу улиц Атаманской и Горбатой (дому более 160 лет) — памятная надпись, оповещающая, что здесь, в бывшей почтово-ямщицкой станции, останавливались и старший, и младший. Оба побывали в таком месте, как Тамань. Старший заметил в письме к брату: «С полуострова Тамань, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма». Младшему тоже открывался с этих мест берег Крыма, тянущийся лиловой полосой и кончавшийся утесом, на вершине коего белелась маячная башня.

Оба они умели рисовать, и оба нарисовали автопортреты. Младший рисовал просто замечательно.

Один был предан «малому числу своих друзей» и другой. Старший создал литературный журнал, младший мечтал создать литературный журнал. Старший задумал написать и не успел — большой исторический роман. И младший задумал исторический роман — и не успел написать.

И оба мечтали печатать свои произведения «в первозданной красоте».

Император одного отправил за стихи в изгнание и — другого.

Художник Меликов отметил, что только Карл Брюллов по-настоящему справился бы с задачей написать портрет младшего, потому что никто лучше Брюллова не писал «взгляды». Взгляд темно-карих, почти черных, калмыцких глаз младшего потрясал силой и необычностью. А кто из художников должен был начать писать портрет старшего, но вот не успел? Карл Брюллов...

Один стрелялся на дуэли на десяти шагах и другой — на десяти шагах. Дуэль одного произошла к вечеру и дуэль другого к вечеру. Один похоронен в родных местах и другой. Старшего похоронили недалеко от реки Великой, младшего — на берегу Большого пруда. Так что — Великий... и Большой...

Стоим у окна на восемнадцатом этаже. Надеемся, что в эту зиму из небольшого деревянного, с

мезонином в три окна, светло-коричневого дома выйдет Миша Лермонтов в студенческой шинели и в темно-зеленой с малиновым околышем студенческой фуражке и направится на Арбат.

В скором будущем этот путь станет называться Пушкинской тропой. Мы видели эскизы, рисунки, плакаты, макеты Пушкинской тропы, будут восстановлены, реставрированы особняки — старые арбатские в ярком былом многовременье, в былой красоте и затейливости, которые еще остались, сохранились среди высотных домов.

На Пушкинской тропе жили Герцен, Гоголь, родился Александр Васильевич Суворов. Жила и семья Нащокиных, ближайшие московские друзья Пушкина, у которых он часто останавливался, приезжая из Петербурга. Попадает на тропу дом, принадлежавший поручику Поливанову, участнику войны 1812 года, и дом, в котором жил Архаров, друживший с родителями Пушкина, и в котором потом скрывался декабрист Нарышкин у своего родственника Мусина-Пушкина.

В домах хотят воссоздать интерьеры тех лет, тех дней; в переулках восстановить замощенные каменные мостовые, уличные торшерные фонари, дорожки, коновязи, афишные тумбы, куртины с цветами, мостики. Во дворах будут стоять кареты, в которые вот-вот впрягут лошадей; флигели, сарайчики. Чтобы было совсем, как у Пушкина: «...еду переулками, смотрю в окна низеньких домиков, здесь сидит семейство за самоваром, там слуга метет комнаты, далее девочка учится за фортепиано...»

И тогда каждый из нас может пройти Пушкинской тропой от Малой Молчановки на старый Арбат.

Мы все рассчитали, все учли по адресам, по датам, по времени. Я подогнал бы ему лошадей с легкими плетеными санками, да ни к чему лошади — идти четверть часа. Всего лишь. Я проверял.

Только бы в этот момент не чинили препятствий перебегающие дорогу зайцы, гудящие самовары. Никто и ничто.

...Лермонтова будет ждать в доме на Арбате человек с легким и веселым именем. Это сказал о Пушкине Александр Блок, который тоже бывал в одном из домов на Пушкинской тропе.

Пушкин и Лермонтов наконец встретятся!

У Пушкина в канун свадьбы 17 февраля 1831 года будет молодой праздник — мальчишник.

Смеркается. Засыпан снегом Арбат. Мягко, заснеженно сверкает купол Николы-на-Песках. Прежде церковь называлась Никола-на-Желтых Песках: Арбат стоит на желтых песках.

Скользят возки, легкие санки. С забеленными снегом колесами едут, покачиваются тяжелые рыдваны. Раздаются окрики кучеров. Идут фонарщики в фартуках, с ведрами, лейками, с лестницами.

В квартире Пушкина поданы свечи.

Квартира на Арбате особая, потому что единственная в Москве, которую Пушкин снял сам, перестав жить по «большим дорогам». В книге маклерских дел Анисима Хлебникова читаем, что Александр Сергеев сын Пушкин нанял дом в Пречистенской части, второго квартала, в приходе Троицы, что на Арбате. Обставил ее сам и все приготовил для встречи будущей жены, для начала семейной жизни.

«Пишите мне на Арбат в дом Хитровой», — будет уведомлять друзей.

Собрались друзья — Павел Воинович Нащокин, Денис Давыдов, Петр Вяземский, поэт Евгений Баратынский, издатель Иван Киреевский, композитор Верстовский, автор многих романсов на слова Пушкина, поэт Николай Языков, брат Левушка. Был и сын Вяземского, одиннадцатилетний Павлуша, которого Пушкин любил и называл «мой распрекрасный».

И на этот мальчишник в доме в Пречистенской части придет Лермонтов, студент, ему шестнадцать лет. Придет «во второй этаж» — ворота и калитка слева,— в уютную гостиную, оклеенную обоями под лиловый бархат, и услышит Пушкина, грустного, читающего стихи — прощание с молодостью.

Застыли в неподвижности глаза свечей. Застыло все, кроме стихов. Пушкин читает Пушкина. Пушкин читает Пушкина Лермонтову. Застыло все, кроме стихов,— и дом, и улица, и снег, и город, и жизнь, и смерть...

Лермонтов видит только стихи, только Пушкина. Глаза Лермонтова темно-карие, почти черные, калмыцкие, широко расставленные — отданы Пушкину, его стихам навсегда, навечно в приходе Троицы, что на Арбате.

Арбат, подари нам сказку, подари нам их встречу, подари нам Пушкинскую тропу — иначе «быть нельзя»!

Был день мальчишника, 17 февраля, спустя 155 лет.

За окном длинный безветренный снег. Связывает, соединяет настоящее с прошлым...

Первосоние

Дача солнечно выплывает из глубины царскосельских парков и садов, загустевших от зелени прудов и озер, некошеных трав и заросших дубовых аллей, проложенных когда-то для конных, для пеших и для экипажей.

Выплывает из знаменитого здания Лицея, просвеченного большой центральной аркой посредине и

двумя по краям, из пышно-бирюзового Екатерининского и грустно-желтого Александровского дворцов, павильонов Эрмитажа, Грота, Большого и Малого капризов, фонтана «Девушка с кувшином», статуй Галатеи и Амфитриты, Чесменской колонны и таинственно-средневековой, специально средневековой полуразрушенной башни Шапель.

Выплывает легкая, деревянная, колеблемая солнечным течением, выплывает, точно яхта, наставив на передний план застекленный балкон на втором этаже — свою верхнюю палубу.

Бывший дом вдовы придворного камердинера Китаева, у которой Пушкин летом 1831 года поселился с женой.

«Я никогда не хлопотал о счастии: я мог обойтиться без него. Теперь мне нужно его на двоих...»

«Музей-дача А. С. Пушкина» на углу улицы Васенко и Пушкинской в городе Пушкине, где на здании железнодорожного вокзала помещены барельефы Карамзина, Жуковского, Державина, Дельвига, Чаадаева, Кюхельбекера.

Вы приехали в Пушкин и сразу же встречаетесь с друзьями Пушкина. Они будут сопровождать вас от самого вокзала и будут с вами все то время, которое вы проведете в городе великих царскоселов, где души их свободно развивались, «с волненьем гордых, юных дум», в городе, про который Пушкин сказал: «мои хранительные сени».

До шестнадцати лет прожила в Царском Селе Анна Ахматова. Училась в гимназии.

— Мои первые воспоминания царскосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром... старый вокзал...

В двадцать два года Анна Ахматова напишет:

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Входим с Викой в музей-дачу. Влажный, из рогожки, коврик. Вытираем ноги. Первое помещение — тамбур. Поднимаемся по деревянным ступенькам, тоже влажным — их только что мыли, на них остались тонкие просыхающие зеркальца воды. Пахнет душицей.

— Вы к нам? — спрашивает уборщица в синем рабочем фартуке. В руках у нее мокрая щетка. Рядом стоит пластмассовое ведро; в нем, в воде, плавает душица: еще один, совсем маленький царскосельский пруд.

— Мы к вам, если можно. Или мы пришли слишком рано? — говорит Вика. — И вы еще не принимаете?

— Ничего. Обождите. Я узнаю.

Уборщица ставит к стене щетку, отодвигает в угол ведро. Уходит, скрывается в конце коридора. В раскрытые окна видно, как прошел рейсовый автобус. Его маршрут: вокзал — Лицей.

Нам с Викой кажется, что все в городе подчинено Лицею, учебному заведению, которое самим своим названием поражало публику в России: происходило оно от названия школы искусств в древних Афинах, где учился Аристотель. Дата открытия Лицея — 19 октября. В первое 19 октября на карнизах здания пылали плошки, а на балконе был установлен иллюминированный щит с вензелем.

Нам скажет хранитель музея-Лицея Светлана Васильевна Павлова, что Лицей ежегодно посещает четверть миллиона человек. А 19 октября ежегодно музей-Лицей как бы вновь превращается в Лицей: приезжает, приходит молодежь, студенты. В бархатных костюмах взволнованно бегают мальчики из хора Ленинградской капеллы. Бегают по классным комнатам, длинной, окрашенной под розовый мрамор лестнице, «шинельной» и вестибюлю, оглашая их юностью и волнением: мальчики готовятся к торжественному выступлению в зале.

— Была пора: наш праздник молодой...

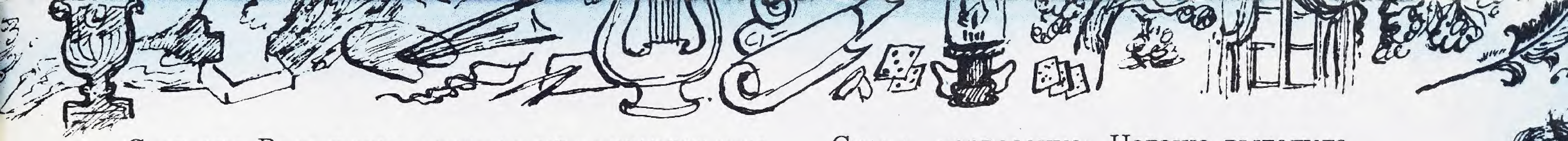
А у памятника юноше Пушкину в лицейском саду уже начинается торжественное выступление школьников из школы-интерната города Пушкина.

— В те дни, когда в садах Лицея я безмятежно расцветал...

И они безмятежно расцветают в тех же садах и парках. И стоит для всех, сюда приходящих, сложенное из путиловского камня, обнесенное перилами с медными шишечками лицейское парадное крыльцо, которое, как и прежде, «в ясные дни... почти всегда освещено солнцем».

Видели мы пригласительные билеты на 19 октября за многие годы. Светлана Васильевна их хранит. Каждый билет — маленькое произведение графики. На одном из билетов — здание Лицея, просвеченное большой центральной аркой посредине и двумя по краям: рисунок Пушкина.

Светлана Васильевна сказала, что пришлет нам пригласительный билет на 19 октября.

Она прислала. На билете — юноша Пушкин в легкой летней рубашке сидит на траве, закусил кончик гусиного пера, задумался:

И слышу наших игр я снова шум игривый
И вижу вновь семью друзей.

Мы же оставили Светлане Васильевне газетную публикацию о старшем и младшем поэтах, на которой написали свой домашний адрес.

Но это все уже потом, на исходе дня, когда мы после дачи побывали в Лицее.

Вернулась уборщица.

— К вам выйдет научный сотрудник.

Отворяется (именно отворяется) дверь сбоку коридора, и на пороге в длинном белом с голубым платье, волосы тоже длинные, лежат на груди свободной, нетугой косой, в руке белый футляр для очков — предстала (именно предстала) молодая хозяйка дома.

Как, вы думаете, ее звали? Натальей...

Ни я, ни Вика не удивились — все вело к чему-то подобному, настолько дача казалась плывущей в том солнечном времени, освещенном теми далями, теми событиями.

— Доброе утро.

— Здравствуйте.

Я хотел извиниться за столь раннее появление, но Наталья движением руки пригласила нас следовать за собой...

Наталья ведет нас внутрь Белой дачи утренней молодой походкой. Длинный подол приоткрывает белые на каблуках туфли. Влажное царскосельское утро в этой девушке, в этой даче, в нас самих. Влажное, сверкающее, зеркальное.

Начинает рассказ о Пушкине и Наталье Пушкиной нынешняя царскосельская Наталья совершенно необычно.

— Как у юной царевны Психеи были две сестры, так и у Натальи Николаевны Пушкиной были две сестры. И как у царевны Психеи был божественный муж, так и у Натальи Николаевны был божественный муж. И как царевна Психея потрясала множество местных граждан и множество иноземцев недосягаемой лазурной красотой, так и Наталья Николаевна потрясала. Под смертными чертами девы люди чтили величие богини. О двух старших сестрах, об их умеренной красоте никакой молвы не распространялось. И как царевне Психее следовало бы жить независимо от сестер, остерегаться их, так и Наталье Николаевне следовало бы не брать в дом своих сестер...

«Действительно, все совпадает»,— подумал я в удивлении.

Мое внимание сразу было полностью приковано.

— И как у Психеи из пылающей лампы неосторожно на плечо Амура упала капля горячего масла, когда Психея ночью смотрела на своего мужа, так и у Натальи Николаевны Пушкиной упала капля горячего масла... Неосторожная, обжигающая... Эх ты, дерзкая лампа... ты обожгла бога... У Натальи Николаевны Пушкиной все это случилось значительно позже. А сейчас, после короткой арбатской жизни, в чем-то провинциальной, ей предстояло появиться во всем блеске на берегах роскошной царственной Невы. И пока, до поры до времени, Пушкин привез жену в лучшее, что он имел,— в свою юность, в свои Хранительные сени, в свое п-е-р-в-о-с-о-н-и-е.

Слово «первосоние» Наташа выделила.

— Это слово покачивает вас, как на тихих волнах,— сказала она.— В Крыму Пушкин часто стоял на берегу моря и высчитывал, ждал девятую волну. Иногда вынужден был после девятой волны бежать и переодеваться. Первосоние не девятая волна жизни. Это «когда существенность, уступая мечтаниям, сливается с ними в неясных видениях...». Так определил сам Пушкин придуманное им слово. «Сладко ль видеть неземные сны?» — спрашивал Александр Блок. Для Пушкина, я думаю, такие сны были сладкими. На Белой даче...

Рябью ходят по стенам и потолку Белой дачи тени от листьев дубов и лип. Где-то тихо отворилась и еще тише затворилась дверь. Тонкой клавишей скрипнула половица. Где-то ветер парусно хлопнул занавеской. Где-то утренне, будто чайными чашечками, звякнули часы.

Существенность сливается с мечтаниями в неясных видениях и звуках. Первосоние.

— Лежат поваренные книги — сколько и в какие кушанья надо класть соли, перца, муки, яиц, томата: Наталье Николаевне хочется показать, что она хорошая и расчетливая хозяйка,— продолжает рассказывать Наталья.

Мы из гостиной перешли в столовую.

— Только что в столовой помянули дядю Пушкина, Василия Львовича. Это дядя, как вы знаете, привез племянника из Москвы в Лицей. Пушкин нежно, с улыбкой любил дядюшку... На Белой даче к обеду ставили кувшин яблочной воды. Ели суп из щавеля и «кружовниковое» варенье. Пушкин жаловался Нащокину: «В Ц. С. оказалась дороговизна. Я здесь... без пирожного...»

После этих слов мы все улыбнулись.

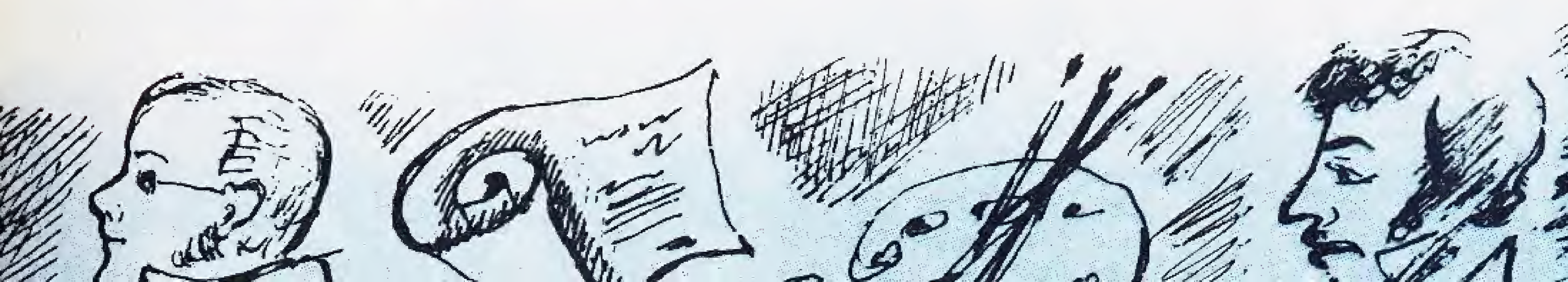
— Возвращаясь с прогулок,— продолжала Наташа,— на даче беседовали вечерами, которые долго оставались белыми, светлыми. Пушкин любил пешие прогулки. Николай Дмитриевич Киселев, приятель Александра Сергеевича по Москве, даже называл Пушкина капитаном пехоты. Однажды, гуляя, Пушкин дошел из Царского Села до Петербурга.

— Сколько было верст до Петербурга? — поинтересовалась Вика.

— Двадцать три.

— Может быть, Пушкина все-таки кто-нибудь

подвез?— улыбнулся я.— Александра Россет во фрейлинской карете?

«Своенравная Россети в прихотливой красоте все сердца пленила эти, те, те, те и те, те, те...» — вспомнил я веселый экспромт о фрейлине императрицы Александре Осиповне Россет, жившей в Царском в то же время, что и Пушкин. О женщине изящной, красивой, литературно образованной, дружбой с которой очень дорожил Пушкин. Экспромт он написал мелком на зеленом сукне.

— Однажды Пушкина действительно подвезли,— улыбнулась в ответ Наташа.— Это были дворцовые ламповщики. Они должны были доставить в Петербург на починку подсвечники и лампы. Пушкин встретился с ними в дворцовом парке, разговорился и так, за беседой, оказался в Петербурге.

Мы прошли гостиную Белой дачи, столовую, комнату Натальи Николаевны, где она или занималась вышиванием, или переписывала некоторые рукописи мужа. На столе стояла маленькая, с ситцевым рисунком фарфоровая чернильница с крышечкой. Крышечка была поднята: чернильница ждала Наталью Николаевну, чтобы она присела к ней в домашнем льняном платье. Такие девичьи льняные платья Наталья Николаевна носила дома в Полотняном заводе и по утрам в Царском Селе.

— Поднимемся в кабинет к Александру Сергеевичу,— сказала нынешняя хозяйка дачи, и мы поднимаемся по узкой деревянной, чуть закругляющейся лестнице на «верхнюю палубу».

«Своенравная Россети» часто приходила к Пушкину именно поутру. И Пушкин ценил ее приходы, а Наталья Николаевна завидовала Россет, ее уму и желанию Пушкина беседовать с ней.

— Наговорившись с ним,— вспоминала позже Александра Осиповна,— я спрашивала его: что же мы теперь будем делать?

— А вот что! Не возьмете ли вы меня прокатиться в придворных дрогах?

— Поедемте.

И ехали. Пушкин впереди на перекладине верхом.

Мне подумалось, что сейчас хозяйка дачи была уже не Натальей Николаевной, а своенравной Александрой Россет.

Вокруг бело-голубой Натальи все это легко придумывалось, потому что она была заряжена этим домом, его жизнью, его людьми, его вечно живыми и как-то обновляющимися для нас событиями.

Кабинет Пушкина. Его описывала Россет в воспоминаниях. Большой круглый стол перед диваном. На столе — бумаги и тетради, простая чернильница и перья.

Все так и было.

Большой круглый стол перед диваном, простая чернильница, перья. Бумаги, тетради. Россет еще добавляла — тетради часто несшитые. Между прочим, Пушкин в то время мог уже писать не гусиным пером, а металлическим, потому что металлические перья начали появляться в Европе с 1830 года. Перья даже «выпускались, как марки, в честь выдающихся лиц и событий».

Но здесь, на Белой даче, Пушкин любил писать карандашом; часто лежал днем на диване, в халате с открытой грудью.

— Ну, уж извините, жара стоит африканская, а у нас там, в Африке, ходят в таких костюмах.— Это он гусару графу Васильеву, будущему товарищу Лермонтова по лейб-гвардии. И лежал, сочинял свои забавные сказки (и одну из них о царе Салтане), а написанные листы опускал тут же на пол.

На полу, на ковре, на диване в кабинете Пушкина — стопки книг и бумаг. Четыре окна, ничем не прикрытых. Дверь на балкон. На отдельном столике — синий графин.

Комната купается, плавает в солнце, отдана солнцу, как жертва. В ней постоянно пылающе светло.

«В этой простой комнате, без гардин,— сообщает Россет,— была невыносимая жара, но он это любил... Тут он писал, ходил по комнате, пил воду, болтал с нами, выходил на балкон, и привирал всякую чепуху насчет своей соседки графини Ламберт».

И соседка побаивалась его: того и гляди опять выскочит на балкон и к прежней чепухе в ее адрес присовокупит новую — что-нибудь невероятное. Конечно, графиня побаивалась такого Пушкина, даже занавешивала окна в своем доме. Но потом Пушкин нанес графине визит, и она перестала его бояться.

Пушкин соревновался с Жуковским: кто, какую и про кого сочинит лучше чепуху, галиматью. Ликовал в Пушкине, куролесил царскосельский африканец. И, как часто бывало, «болталось, смеялось, вралось и говорилось умно».

Окна и дверь на балкон открыты. Жарко. Видна зеленая летняя дорога, по которой ходят рейсовые автобусы к Лицею и по которой и Пушкин ходил к Лицею. Здесь, незадолго перед выпуском, у Пушкина произошла забавная встреча с Александром I, который спросил:

— Кто в Лицее первый?

Пушкин весело ответил:

— У нас нет, ваше императорское величество, первых — все вторые.

А лицейская дуэль... Пресмешная... Когда в пистолеты была насыпана клюква!..

Прекрасная чепуха. Милая галиматья. Здесь он влюбился и, «томясь обманом пылких снов, везде искал ее следов». Это была Катенька Бакунина, старшая сестра лицейского друга. Потом присутствовал на ее счастливой свадьбе...

Милая, милая детская галиматья.

Но особенно Пушкин замирал перед двустворчатой — по краям фонари,— с полукруглой фрамугой стеклянной дверью парадного лицейского крыльца. Касался ладонью шишечек перил, горячих от солнца. По очереди всех четырех, для чего надо было взойти на крыльцо и спуститься с него.

И он всходил, и спускался, и уходил. И казалось, слышал вдогонку удар лицейского колокола. Нет уже в живых Дельвига, умершего в Италии Николая Корсакова, сочинившего надпись для собственного надгробия: «Грустно умереть далеко от друзей». Далеко от друзей, в ссылке Пущин, Кюхля.

Он уходил, а в руке, в ладони, было зажато солнечное лицейское тепло.

Часто Александр Сергеевич бывал у любимца Лебедя: Лебедь — это фонтан в самом начале Екатерининского парка, совсем недалеко от Лицея. В синем графине у Пушкина была вода из лебединого источника: он считал ее живым соединеньем с прошлым, памятной книгой, жалованной в юность грамотой, уединенным волненьем. «Глядь — поверх текучих вод лебедь белая плывет»...

Так же любил он ключевой источник, где на огромном камне была установлена статуя Пьеретты, девушки с разбитым кувшином, из которого только вытекает не молоко, а родниковая вода. Книги Лафонтена, подаренные сестрой Ольгой Сергеевной Пушкину, хранятся сейчас вместе с пушкинской библиотекой в Ленинграде, в Пушкинском доме Академии наук.

О синем графине и о белой лебеди подробно рассказала бело-голубая Наталья.

— Совершая прогулки к Лебедю, Пушкин надевал мягкую фетровую шляпу. Он такой на портрете. Взгляните. И вспомните «Евгения Онегина»: «В те дни в таинственных долинах, весной, при кликах лебединых, близ вод, сиявших в тишине, являться муза стала мне».

Удивительно из наших дней был Пушкин на портрете в фетровой царскосельской шляпе, удивительно был нашим современником.

— На Белой даче Александр Сергеевич сочиняет сказки, когда не занят галиматьей, купанием, гулянием, рисованием виньеток и арабских головок на клочках бумаги, катанием в экипажах. Ну, а главное, над чем работает здесь,— письмо Онегина к Татьяне. В этом романе вся жизнь, вся душа, вся любовь его. Пушкин работает у себя наверху часто поздними ночами. Льется широкий свет из пылающей лампы, Пушкин один — никто и ничто его не отвлекает. В эти ночи он вслушивается в онегинский стих, который уносит его на берега Невы, туда, куда предстояло ехать на жительство и ему с Натальей Николаевной. «Я знаю: век уж мой измерен; но чтоб продлилась жизнь моя, я утром должен быть уверен, что с вами днем увижусь я...» «Дверь отворил он. Что ж его с такою силой поражает? Княгиня перед ним, одна, сидит, не убрана, бледна...»

Наталья замолкла. Она сейчас была в Петербурге «ясным утром» и держала в руках письмо Онегина. Сейчас она была княгиней Татьяной.

Эта девушка в моем сознании странно и стремительно перевоплощалась. И не знаю, чем бы я мог это объяснить. Очевидно, своим настроением в этот, схваченный и унесенный солнцем царскосельский день. Я даже не уверен, что все, что я здесь написал, говорила Наталья. Но мне хотелось бы, чтобы все было так. Мне хотелось летней, солнечной сказки.

— Теперь вы куда пойдете?— спросила нас Наталья.

— К Лебедю,— ответил я.— В синем графине нет воды. Мы принесем.— Я продолжал царскосельское сказочное настроение.

— Сходите в Камеронову галерею. Увидите кареты. На одной из них я проехала. Случайно. До Грота. Ее катили в запасник.

— Кареты?

— Да. Выставка придворных карет. Кстати, в Камероновой галерее и жила Россет.

— А везли карету, конечно, гуси-лебеди?— спросил я.

— Местные мальчишки,— улыбнулась Наталья.

Мы с Викой покинули Белую дачу, чтобы сходить к царевне Лебеди. Может быть, взглянем на «придворные дороги» и в который раз посетим Лицей; взойдем на его крыльцо и спустимся с него, чтобы тоже унести в руке, в ладони, солнечное лицейское тепло.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Как спасти колобка

В воскресенье Сережа даже не вышел во двор. Ведь была его очередь сочинять сказку-программу. Он выбрал простую сказку: «Колобок». Но сделать из нее программу оказалось не так-то просто. Получался цикл, как в сказке про репку: добавляются новые звери, которые колобка хотят съесть. Сережа для них придумал название — «едоки». Вот что у него получилось.

СКАЗКА-ПРОГРАММА «КОЛОБОК»

Список едоков:
едок № 1 — дед,
едок № 2 — бабка,
едок № 3 — заяц,
едок № 4 — волк,
едок № 5 — медведь,
едок № 6 — лиса.

Глава № 1. ПРОСИТ ДЕД БАБКУ: «ИСПЕКИ МНЕ, СТАРАЯ, КОЛОБОК».

— А ГДЕ МУКИ ВЗЯТЬ-ТО?

— А ПО АМБАРАМ ПОСКРЕБИ, ГЛЯДИШЬ, И НАБЕРЕТСЯ.

Глава № 2. ИСПЕКСЯ КОЛОБОК НА СЛАВУ: КРУГЛЫЙ ДА РУМЯНЫЙ. ПОЛОЖИЛА ЕГО БАБКА НА ОКНО СТУДИТЬ.

Глава № 3. Начало цикла. Повторять для всех едоков подряд, начиная с зайца.

Глава № 4. ВЗЯЛ КОЛОБОК И УКАТИЛСЯ.

Глава № 5. КАТИТСЯ, КАТИТСЯ, А НАВСТРЕЧУ ЕМУ ОЧЕРЕДНОЙ ЕДОК: «КОЛОБОК, КОЛОБОК, Я ТЕБЯ СЪЕМ».

Глава № 6. «НЕ ЕШЬ МЕНЯ, ОЧЕРЕДНОЙ ЕДОК, Я ТЕБЕ ПЕСЕНКУ СПОЮ».

Глава № 7. «ПО АМБАРАМ Я СКРЕБЕН, В ПЕЧКЕ ПЕЧЕН, НА ОКОШКЕ СТУЖЕН, Я ОТ ВСЕХ ПРЕДЫДУЩИХ ЕДОКОВ УШЕЛ, А ОТ ТЕБЯ, ОЧЕРЕДНОЙ ЕДОК, И ПОДАВНО УЙДУ!»

Глава № 8. Конец цикла.

Вот тут Сережа и споткнулся. Получалось что-то не так. Ведь в сказке колобок поет очередному едоку не про всех предыдущих вместе, а про каждого из них в отдельности: зайцу поет про деда и бабку, волку — про деда, бабку и зайца, и так далее. Чем дальше катится, тем длиннее песенка, пока лиса не попадается.

Сережа мучился, мучился, а потом не выдержал и позвал на помощь Чипа.

— Ну что ж, я вижу, ты делаешь успехи,— похвалил его Чип,— надо только кое-что исправить. Вот как нужно сделать, чтобы он спел не про всех едоков вместе, а про каждого по отдельности:

Глава № 7. «ПО АМБАРАМ Я СКРЕБЕН, В ПЕЧКЕ ПЕЧЕН, НА ОКОШКЕ СТУЖЕН...»
Глава № 8. Начало второго цикла. Повторять для всех предыдущих едоков, начиная с деда.
Глава № 9. «Я ОТ ПРЕДЫДУЩЕГО ЕДОКА УШЕЛ...»
Глава № 10. Конец второго цикла.
Глава № 11. «...А ОТ ТЕБЯ, ОЧЕРЕДНОЙ ЕДОК, И ПОДАВНО УЙДУ!»
Глава № 12. Конец цикла.

— Чем сказка кончается,— спросил Чип,— лиса его съест, так что ли?

— А это необязательно,— ответил Сережа,— мы сочиним новую сказку, где никто колобка не съедает, а все вместе поют его песенку.

— Ну что ж, тогда напишем так:

Глава № 13. Если вам жалко колобка, то спойте с ним его песенку.
Глава № 14. Если вам его не жалко, то возьмите книжку и прочитайте, как его лиса съела. Нам про это писать не хочется.
Глава № 15. Конец.

— Вот и все,— Чип снял шапочку и раскланялся.— А вообще-то ты сложную сказку выбрал, с двойным циклом. Каждому новому едоку колобок поет про каждого предыдущего. Вот обрати внимание на главу № 9. Она повторяется 2 раза для зайца, 3 раза для волка, 4 раза для медведя и 5 раз для лисы — итого 14 раз. Помнишь, я тебе говорил, что цикл придумали, чтобы много раз одно и то же не писать. А двойной цикл еще больше места экономит. Представь себе, что было бы, если бы колобок сто разных зверей встретил, пока ему лиса не попалась. Наша программа почти не увеличится — надо только список едоков расширить, а обычная сказка про колобка, знаешь, как увеличится! Мало того, что нужно будет описать встречу с каждым из сотни зверей, нужно будет, чтобы колобок каждому зверю пропел про каждого предыдущего. На сказку, небось, и целого журнала не хватит. А мы с тобой на одну страничку уместились.

— Так что же, цикл только для экономии бумаги придуман? — спросил Сережа, которому немножко надоело хвастовство Чипа.

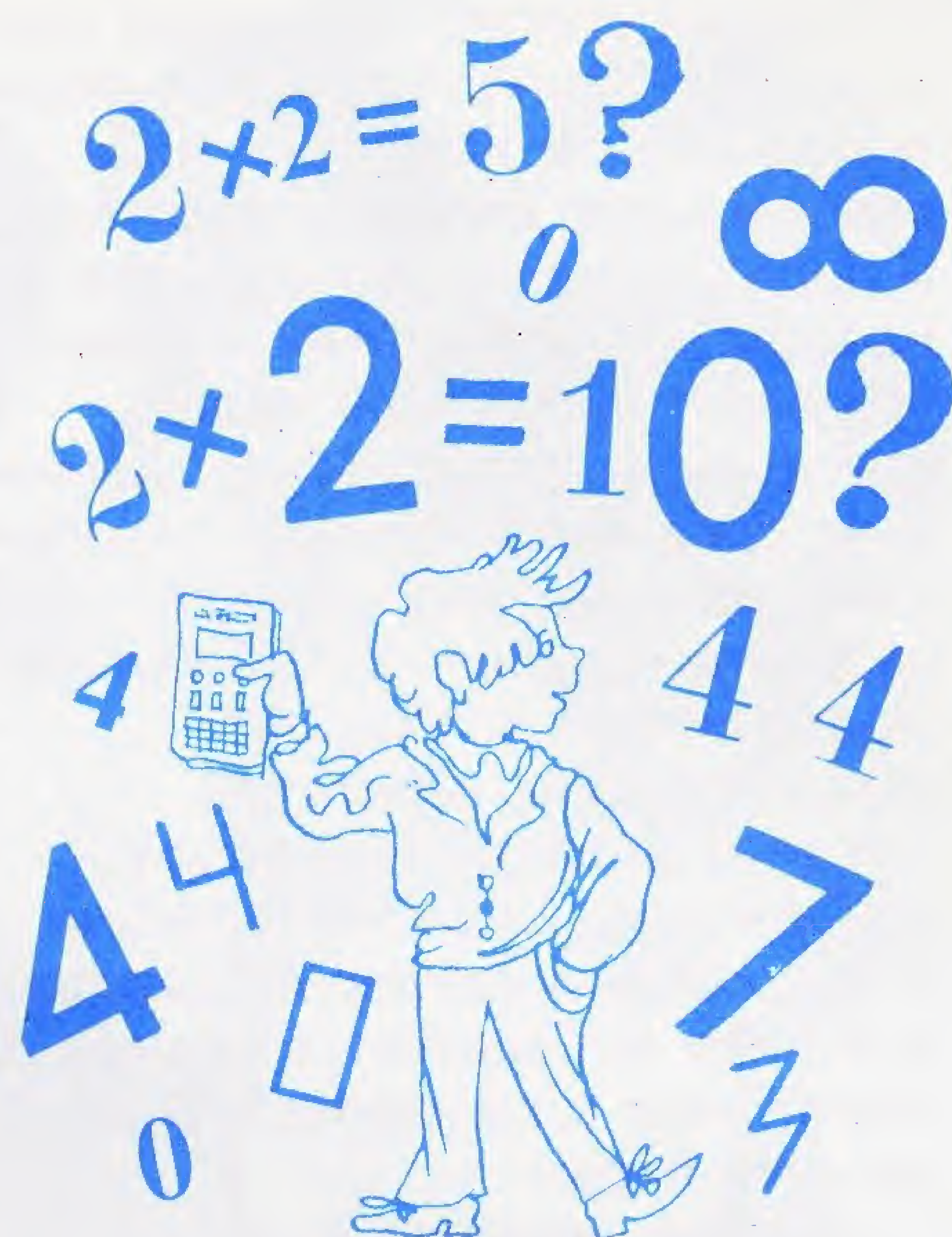
— Да что там бумага,— Чип махнул рукой,— не на бумаге же компьютерам программы пишут. У нас и магнитные ленты, и диски вроде грампластинок, и специальные кристаллики для памяти, и все равно памяти не хватает. Сейчас мы можем делать миллионы и даже миллиарды операций в секунду, и работаем по нескольку дней без остановок. Вот и представь, что было бы, если бы каждую операцию надо было отдельно описывать. А так написал цикл: «Сто миллиардов раз сложи 2 и 2», и пожалуйста! Компьютер работает, а ты отдыхаешь. Не пишешь ему сто миллиардов раз, чтобы он 2 и 2 сложил.

Ну, ладно, хватит на сегодня. В воскресенье и погулять надо.

ОТ РЕДАКЦИИ:

А сегодня вам Чип дает задание, ребята, написать программу для любимой считалочки. Лучшую программу мы напечатаем.

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

В. АЗБУКИН

Дважды два

Коля выучил едва,
сколько будет
дважды два.
«Он мыслитель!»,—
дома говорили
и карманный вычислитель
подарили.

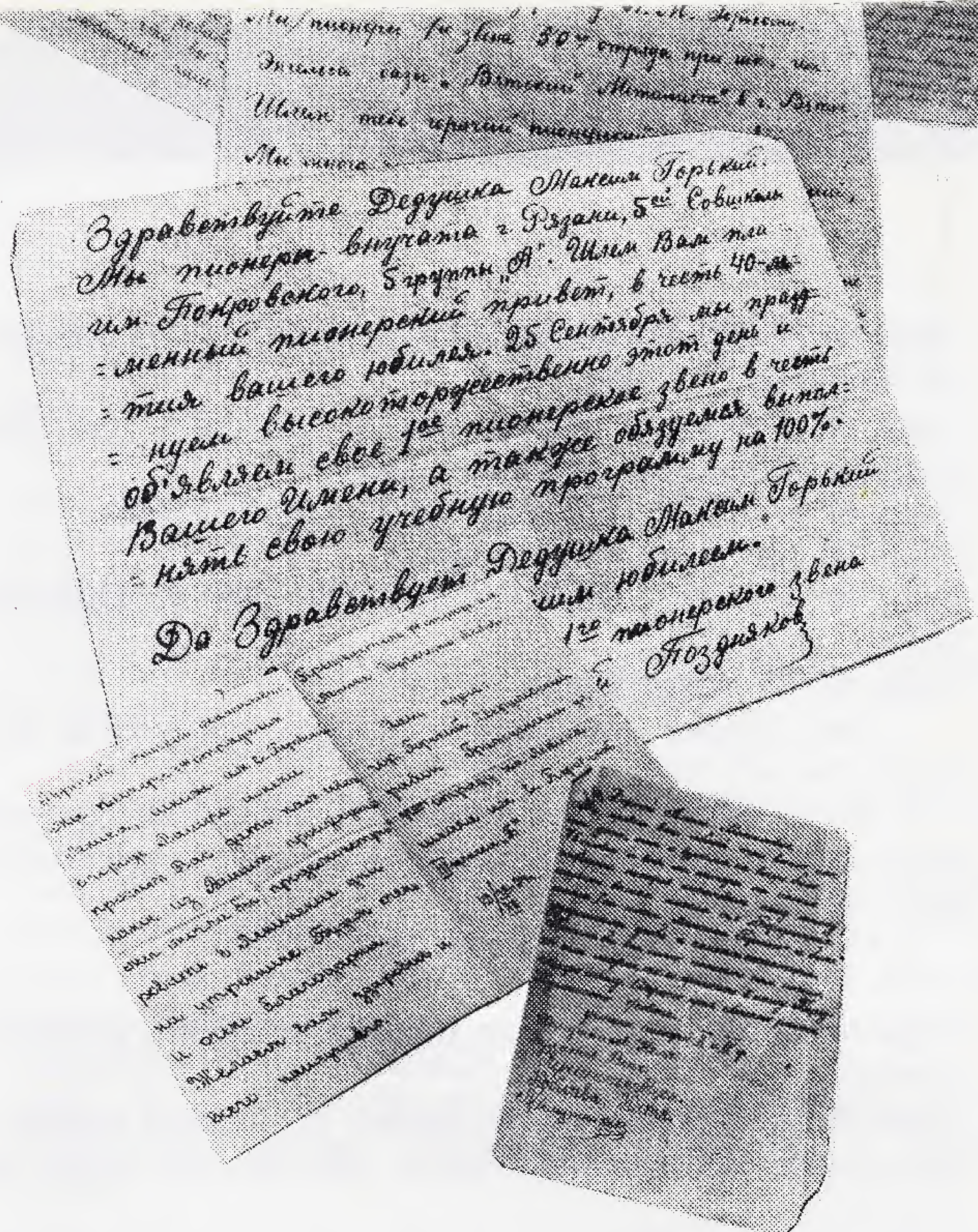
Класс не пишет,
не читает —
умножает, вычитает.
Сколько лет отряду
вместе?
Говорит компьютер:
«Двести!»
Возраст Лили
разделили
на веснушки Саши
плюс отметки наши
минус рост Наталии
и так далее...

Весь урок грамматики
ждали математики.
Наконец вошел учитель.
Он погладил вычислитель,
и вздохнул:
«Ничто, увы,
не заменит головы.
Но компьютер нужен людям,
изучать его мы будем».
Мигом Колька спрятал
микрокалькулятор!

Горький сделал для детей очень много хорошего: принял горячее участие в организации первого в мире специального детского издательства и первого советского журнала для детей; написал немало статей и писем, призывал детей «все видеть, все изучать, вооружаться знаниями и не брезговать никаким трудом». Учил жить дружно, «учиться крепко, работать весело». Устраивал катки, елки. Поддерживал и поощрял многих детских писателей. Писал о детской литературе.

Переписка Горького с детьми и подростками обширна, разнообразна: в Архиве М. Горького в Москве хранится около двух с половиной тысяч детских писем.

Историю нескольких из них рассказывает писатель ***Владимир ПРИХОДЬКО.***

Здравствуйте Дедушка Максим Горький.
Мы пионеры- внучата г. Рязани, 5ой Советской ...
им. Покровского, 5 группы „А". Шлем Вам пла-
менный пионерский привет, в честь 40-ле-
тия вашего юбилея. 25 Сентября мы праз-
нуем высокоторжественно этот день и
объявляем свое 1ое пионерское звено в честь
Вашего Имени, а также обязуемся выпол-
нять свою учебную программу на 100%.
До Здравствует Дедушка Максим Горький
...им юбилеем.
1ое пионерского звена
Поздняков

«Милый Максим Горький,

Это случилось 28 декабря 1908 года: в шестом часу утра, когда все еще крепко спали, раздались подземные толчки — и самый крупный после Палермо город Сицилии Мессина за несколько минут был разрушен. Тысячи людей погибли. А раненых нельзя было сосчитать.

В это время неподалеку находился отряд русских кораблей, они совершали учебное плавание по Средиземному морю. Моряки первыми поспешили на помощь Мессине: рискуя жизнью, стали спасать людей из-под развалин. Делились с ними и хлебом, и рубахой. А свои корабли превратили в плавучие лазареты.

Когда спустя семьдесят лет в Мессину вошел советский эсминец, наших моряков встретили цветами и объятиями. На здании муниципалитета была открыта мемориальная мраморная доска «По случаю желанного визита советских представителей и в знак вечной признательности и братской дружбы между городом Мессиной и русским народом».

Но вернемся в те памятные дни. Наутро в Мессину приехал Горький. Он жил в ту пору в Италии, на острове Капри — работал там и лечился.

Ужасная картина человеческих бедствий не могла оставить равнодушным Алексея Максимовича. Взволновал его и героизм тех, кто помогал пострадавшим.

«Нет слов, чтобы рассказать,— писал Горький,— с каким самоотвержением работали русские матросы. Где только было опаснее всего, куда никто не решался идти, они шли и спокойно делали свое дело... Удивительно трогательно относились они к детям и женщинам».

«А что я могу сделать для пострадавших? — так, наверное, думал писатель.— Они нуждаются в одежде, деньгах, лекарствах. Им надо строить новые дома, чтобы жить дальше». В руках Горького было могучее оружие — слово. Его книги разошлись по свету. Читатели в разных странах прислушивались к горьковскому слову. Слава писателя уже была мировой. «Ее называли сказкой — эту чудо-славу. И она была сказкой, потому что молнии ее доносили удивительный зов писателя — сделать жизнь прекрасной»,— вспоминал впоследствии Константин Федин.

Горький обратился ко всему миру: придите на помощь Италии. Люди откликнулись на его призыв. В Мессину стали присылать деньги и вещи. Многие добровольные пожертвования приходили в адрес Горького, на Капри.

И вот однажды из России пришли деньги и письмо, написанное детским почерком. Неизвестные ребята из Баилова (так называлось предместье города Баку) писали: «Пожалуйста, передайте наши деньги... писателю Максиму Горькому для мессинцев». Письмо было подписано: «Школа шалунов».

Откуда же эти «шалуны» взяли деньги, немалую по тем временам сумму: около пятнадцати рублей? Они заработали их сами! Поставили спектакль, а билеты распродали взрослым. Детьми руководила Алиса Ивановна Радченко, хорошая, умная учительница; после революции она работала с Надеждой Константиновной Крупской и дружила с нею.

В конверте была фотография двенадцати уча-

пришли мне сказку...»

стников представления. Баиловцы просили: «Если можно, пусть он (Горький.— **В. П.**) ответит, что получил деньги».

Горький ответил: «Дорогие дети! Я получил собранные вами деньги для мессинцев и сердечно благодарю вас за всех, кому вы помогли. От души желаю для вас, хорошие маленькие люди,— будьте всю жизнь так же чутки и отзывчивы к чужому горю, как были вы в этом случае. Лучшее наслаждение, самая высокая радость жизни — чувствовать себя нужным и близким людям! Это — правда, не забывайте ее, и она даст вам неизмеримое счастье. Вас 12; — на память об Италии, прекрасной стране, которую я желаю вам увидеть когда-либо,— посылаю вам дюжину открыток. Будьте здоровы, любите друг друга и — побольше делайте шалостей,— когда будете старичками и старушками — станете с веселым смехом вспоминать о шалостях. Крепко жму ваши лапки, да будут они честны и сильны по вся дни жизни вашей!..»

В письме Горького была одна неточность: он написал, что посылает дюжину открыток, а сам послал шестнадцать.

Дети из «Школы шалунов»: Боря, Витя, Гюнт, Джефри, Дима, Женя, Ирена, Лена, Лиза, Мема, Мери, Нора, Павел, Федя, Шура и Эльза — прислали Горькому по письму.

В письме шестилетнего Феди говорилось: «У нас в школе есть три главных шалуна: Джефри, Боря и Федя. Притом я большой линтяй». Джефри высказался еще короче: «Я упал в бассейн. Ура!» И проиллюстрировал свое сообщение рисунком. А Боря написал: «Дядя Алеша! Я тебя люблю, есть ли у тебя лошадь, корова и бык? Напиши нам рассказ про воробьишку. И еще напиши какой-нибудь выдуманный рассказ, чтобы мальчик удил рыбу. Я тебя целую... Я бы хотел тебя увидеть».

Семилетняя Эльза рассказала: «Я была на представлениях козленком, макакой, гномиком и феей». А ее подружка, Лиза, поправила Алексея Максимовича: «Дорогой Максим Горький. Вовсе нас не дюжина, а шестнадцать. И хорошо, что было шестнадцать открыток. Я на том спектакле была кроликом, а на этом буду княжной».

Дети прислали Горькому рукописный журнал с рассказами и рисунками. Написала ему и Алиса Ивановна Радченко: «Вы нашим шалунам доставили большую радость своим письмом. Они очень гордятся тем, что даже взрослые люди с ними переписываются... Алиса, руководительница шалунов, сама из той же породы».

Горький опять не оставил без ответа своих юных корреспондентов. Пожурил Федю, что тот вместо «лентяй» написал «линтяй». Вспоминал: «Я очень люблю играть с детьми, это старая моя привычка; маленький, лет десяти, я нянчил своего братишку... потом нянчил еще двух ребят; и, наконец, когда мне было лет 20 — я собирал по праздникам ребятишек со всей улицы, на которой жил, и уходил с ними в лес на целый день, с утра до вечера. Это было славно, знаете ли! Детей собиралось до 60, они были маленькие, лет от четырех и не старше десяти; бегая по лесу, они уставали и часто, бывало, не могли уже идти домой пешком. Ну, у меня для этого было сделано такое кресло, я привязывал его на спину и на плечи себе, в него садились устав-

шие, и я их превосходно тащил полем домой. Чудесно!»

Горький горячо благодарил детей за письма: «Получив ваши письма, я хохотал от радости так, что все рыбы высунули носы из воды — в чем дело? Я объяснил им, что на берегу другого моря живут славные люди, они еще маленькие, но я уверен, что и большими они будут хороши,— вот почему мне радостно».

Дети пришли в восторг от нового письма Горького. «Дорогой мой Горький! — писала Нора.— Письмо твое очень ласковое. Мама и папа тебя любят и я тоже. Мне очень хочется увидеть тебя, как твое здоровье...» Лиза спрашивала: «Как вы поживаете? Что делают мессинцы?» Витя интересовался природой: «Есть ли в море, которое окружает Капри, губки? Сколько в Капри вдоль и поперек верст?» Семилетний Павел писал: «Я очень люблю читать и, возвратясь из школы, где мне очень весело, сажусь за книгу. Я читаю про всякие растения и животные, их жизнь очень интересна. Ты писал нам, что мы все курносые, а я видел твою карточку, на ней ты сам курносый, чему я очень рад».

Но самое интересное, что, растроганный добротой детей, Горький выполнил их просьбу: написал и про воробьишку, и про маленького рыболова. В 1912 году оба рассказа — «Воробьишко» и «Случай с Евсейкой» — были напечатаны.

Конечно, Горький был внутренне готов к тому, чтобы написать эти рассказы, задолго до того, как его намерение осуществилось. Просьба детей лишь подтолкнула его: еще яснее почувствовал писатель желания и стремления тех, к кому давно хотел обратиться.

Мы лучше поймем это, подробней узнав, каким был Горький с детьми. Младший его современник, художник Юрий Анненков, вспоминал, что ему было одиннадцать лет, когда он впервые увидел Алексея Максимовича. Горький работал обычно утром и в эти часы был невидим. Но после шумного завтрака, во время которого за столом было не менее пятнадцати человек, Горький спускался в сад. Любимый детьми и подростками, он затевал для них всевозможные игры. Его веселая изобретательность была неисчерпаема. Играли в казаков-разбойников, в лапту. Еще больше нравились Горькому костюмированные развлечения. Он рядился то краснокожим, то пиратом, то колдуном, то лешим. То выворачивал пиджак наизнанку, прицеплял к костюму пестрые деревянные ложки, еловые ветки, покрывал лицо ацтекской татуировкой. Он втыкал в свою трубку пучок брусники или букетик земляники. Он заряжал веселостью не только детей, но и взрослых — все вместе гуськом гоняли вдоль комнат и коридоров. Когда к вечеру спадала жара, Горький приступал к излюбленной игре — в городки. Он бил размашисто и сильно, разбрасывая чурки, и почти всегда выходил победителем.

Он говорил: все люди немного дети, и в седобородом ученом сидит ребенок.

В трудную минуту Горький всегда приходил ребятам на помощь.

Однажды в далеком городке маленький читатель взял в библиотеке повесть «Детство». И — так уж случилось — потерял ее. Мальчик очень огорчился. Ну просто даже отчаялся. Он не знал, что ему делать. И в конце концов написал в Москву, автору книги, самому Горькому — все рассказал, как есть. И стал ждать, что будет. А через некоторое время из Москвы пришла бандероль. Мальчик сразу понял, что это от Горького. В бандероли лежали два экземпляра «Детства». Один в библиотеку, другой мальчику.

Эпизод маленький, но для Горького характерный.

По просьбе ребенка Горький написал и еще одну сказку — «Утро».

В 1910 году умер великий писатель России Лев Николаевич Толстой. Эту грустную весть услышал мальчик Илюша Френкель из Екатеринбурга (сейчас Свердловск). Илюша прожил на земле семь лет и еще не задумывался над тем, что писатели тоже люди и, как все люди, смертны. Он спросил у отца:

— А Пушкин, Некрасов, Лермонтов, Крылов, Тургенев — все уже умерли? Значит, никто не остался?

Мальчику рассказали о Горьком. На другой день он написал Горькому письмо: «Милый Максим Горький, все писатели умерли, ты один живой. Пришли мне сказку и письмо. Целую тебя. Твой Илюша. Мой адрес: Екатеринбург, Клубная ул., № 8».

Через две или три недели пришел пакет для Илюши. Горький писал: «Дорогой мой Илюша! Да, Толстой-человек — умер, но великий писатель — жив, он — навсегда с нами. Через несколько лет, когда ты будешь постарше и сам начнешь читать прекрасные книги Толстого, ты, милый мальчик, с глубокой радостью почувствуешь, что Толстой — бессмертен, он — с тобой, и вот — дарит тебе часы наслаждения его искусством. А еще, Илюша, есть превосходнейший писатель Владимир Короленко, и я советую тебе: попроси папу, пусть он прочитает вслух для тебя маленький рассказ Короленко «Старый звонарь». Благодарю тебя за письмо, посылаю тебе сказку, как ты просил, и несколько открыток...»

Этой сказкой, славящей детство, и было «Утро».

Детство — утро жизни, оно быстро проходит, давайте его ценить, говорил Горький.

Горький знал цену настоящей, умной доброте. Его растрогал поступок баиловских ребят и то, что семилетний мальчик задумался о судьбе гения России, испугался остаться без писателей. И Горький отблагодарил хороших маленьких людей так, как мог отблагодарить только он.

«...если когда-нибудь до Горького дойдут эти строки,— писала Алиса Ивановна Радченко в 1926 году,— пусть он знает, что шалунишки того времени оправдали его надежды, стали хорошими, чуткими, отзывчивыми людьми и общественно полезными работниками...»

А те, кто сегодня читает рассказы, сказки, стихи Горького, адресованные детям, должны знать: это его подарки — за чуткость и отзывчивость.

Такие писатели, как Толстой, как Горький, не умирают, они навсегда с нами.

Наталия ЮРКОВА

Надежный дом

Лисица слышит голоса:
«Запутан след».
«Хитра лиса».
И размышляет:
«Чудаки!
Надев на лапы башмаки,
Стучат о землю:
Тук! Тук! Тук!
А мне понятен
Каждый звук.
Ведь этот лес,
Весь целиком —
Тропинки, заросли —
Мой дом.
«Стой!» —
Крикнет белка с высоты.
«Беги с тропы»,—
Шепнут кусты.
И даже филин сонный:
«Ух! —
Предупреждает:
Видишь двух,
Которые пришли вчера
В овраг,
Где у тебя нора...»
Я вправо
Поверну хвостом.
А скроюсь слева,
Под кустом.
В траве высокой
Под сосной
Вход в нору —
Скрытый, запасной.
Я окажусь в своей норе.
Пусть люди
Ходят по горе.
Кричат:
«Нора!!!
Гляди, нора!»
Да разве
Так уж я хитра?
Мне просто
С детства
Лес знаком.
И у меня
Надежный дом».

Ондатра

Намечены
Заплывы на реке.
Ребята
Приготовились для старта.
И замерли:
Совсем невдалеке,
Вблизи от берега
Плыла ондатра.
Неслышно лапами
Гребла она,
Оглядывала речку
Зорким глазом.
Там, где кувшинки
Тянутся со дна,
Исчезла.
И вода сомкнулась разом.
Тайком в гнезде
Кормила ондатрят.
Вновь выплыла:
А что снаружи?
Не страшно ей —
Обгонит всех подряд.
Куда им:
Люди в речке
Неуклюжи.

Знакомая песня

Не вижу в кустах
Соловья-невидимку.
По слуху,
По звуку
Рисую картинку.
Заслушались ветры.
Холмы. Облака.
А звук...
Вот он: чистый,
Как плеск родника.
В кустах зарождается,
Бьется сквозь листья.
Где взять мне
Летящие легкие кисти
И краски
Певучего, звонкого цвета,
Чтоб выразить это
Звучащее лето,
Знакомую песню?
Как трудно сравниться
С искусством,
Которое дарит нам птица.

Рисунок Н. ФЕДОРОВОЙ.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Учитель. Придумай сложное предложение со словосочетанием «я огорчился».

Ученик. «Когда учитель поставил мне в дневник двойку, я огорчился и переправил ее...»

Алла Виноградова,
г. Орехово-Зуево.

* * *

Учитель. Составь предложение со словом «аплодисменты».

Ученик. «Музыканты настроили свои аплодисменты и громко заиграли на них».

Оксана Качула,
г. Запорожье.

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учитель. Какие виды водоемов ты знаешь?

Ученик. Океан, море, река, пруд, ручей, ванна...

Поля Ефимкина,
г. Казань.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учитель. Из каких частей состоит тело рыбы?

Ученик. Оно состоит из головы, которая медленно переходит в хвост.

Сергей Трубин,
г. Москва.

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Учитель. Почему мы разбегаемся прежде, чем перепрыгнуть через яму?

Ученик. Чтобы не шлепнуться в нее...

Анжела Белова,
Кировская обл.

Из школьных сочинений

«У него, как у всех кавалеристов, на сапогах были штопоры».
«В каждой руке у него был зажат кулак».
«Хлестаков сел в коляску, и кучер завел мотор».
«От стыда Нина покраснела до кончика носа».
«Соловей сидел на ветке и каркал».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЁНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

КРАСОТА бескорыстия

Сегодня к открытию читального зала я готовлю выставку книг о школьниках, твоих ровесниках. Поставила на стенд веселую книжку В. Медведева «Звонок на перемену». Очень нравится мне девочка Грунька из этой книги. Больше всего она любит играть в школьном оркестре. Даже немного стала похожа на свою балалайку: такая же звонкая, задорная, быстрая. Везде успеет, всем поможет...

Рядом ставлю книгу Б. Алмазова «Белый шиповник». Герои ее чудаки, люди редкие, непохожие на других. Все у них нелепо как-то получается. Начнет Игорь Понаморев в футбол играть — мяч в окне, ботинок в воротах. Ребята кричат: «Шляпа! Лопух!» А кто-то крикнул: «Панама!» Так и превратился Понаморев в Панаму на долгие школьные годы. Игорь не обижался, добродушно вздыхал: «Панама — потому что шляпа».

Был у Панамы единственный друг Петька Столбов. И, конечно, тоже был чудаком, слыл в классе вруном и выдумщиком. Скучной и будничной казалась Петьке жизнь. Он и украшал ее разными небылицами. Однажды на зимние каникулы Петьку отправили в далекую деревню. Когда вернулся, рассказывал ребятам про разудалого деда Клаву, про краснощекую Катьку, про мрачного и замкнутого Антипа Пророкова.

Петька рассказывал, как стояли они всей деревней у памятника погибшим, вокруг простой печной трубы. Как черная, худая старуха-плакальщица вышла к странному этому обелиску, поклонилась людям и начала громко, в голос, рыдать, нараспев приговаривая: «Ой, взойди ты, заря алая! Растопи снега холодные!» Горько плакали женщины, мужики утирали глаза шапками, и он, Петька Столбов, плакал со всем народом. Раньше слово «народ» казалось ему каким-то далеким, книжным. А тут понял вдруг, что народ — это и дед Клава, и Катька, и старуха-плакальщица, и он сам, Петька.

Он рассказывал, как тащил через лес раненного браконьерами, необыкновенно тяжелого Антипа Пророкова. Он говорил правду, чистую правду. Но класс смеялся, просто умирал со смеху, потому что рассказывал это шут, клоун и врун Петька Столбов. Так и остался он для одноклассников неисправимым чудаком.

Книгу рассказов Ю. Яковлева «Последний фейерверк» я поставила, раскрыв на рассказе «Собирающий облака». Он про Витю Малявкина, которого все считали конченым человеком, даже родители. Когда он получал четверку, отец пожимал плечами и говорил: «Это тебе повезло». Когда в дневнике появлялось замечание, усмехался: «Чего же от тебя еще ожидать».

Был в жизни Вити один необычный, праздничный день. Он собрал больше всех в отряде макулатуры, и его похвалили первый раз. Гора бумаги показалась ему тогда легким белым облаком.

Увозить бумагу не торопились. Ветер разносил ее по переулку, на нее лил дождь, гора чернела и таяла. Наконец истопник и завхоз понесли бумагу в топку. Витя думал, что это чудовищная ошибка. Бросился к ним, как заклинание повторял: «Стране нужна бумага!» От странного Малявкина лишь отмахнулись. Побежал к учительнице, та холодно ответила: «Горит не школа, а бумага». Но горели надежда и слава Малявкина. А люди проходили или пробегали мимо и не было у них времени присмотреться к Малявкину, прислушаться, понять.

Раскладываю на выставке книги Вл. Железникова. «Жизнь и приключения чудака» о беспокойном шестикласснике Борисе Збандуто. Хочет он сделать полезное дело, а все наоборот у него получается. Покрасил кровать синей краской — мама рассердилась. Назначили Бориса вожатым к октябрятам, и снова одни неприятности. Повел октябрят в срочную фотографию, учительница назвала его легко-

мысленным человеком. Помог первоклассникам контрольную написать — получилось, что подсказал. Только и слышит замечания и насмешки вокруг. Но стремление помогать людям сильнее обиды на них. И нет покоя чудаку Збандуто, пока не установился мир в семье его соседки, октябренка Наташки... Рядом — повесть Железникова «Чучело» сразу о двух чудаках Бессольцевых...

Да что же это! Встают в ряд книги о каких-то нелепых, странных людях. Грунька-балалайка, Панама, Малявка, Збандуто — выстроились чудаки, будто на перекличке... А что, если всю выставку о чудаках сделать, об этих «шляпах» и «лопухах»? Может, посоветуют книги, что делать с ними, как бороться?

Вдруг словно ослепили меня слова старого чудака, Заплаточника Бессольцева: «Надо быть милосердным», а это значит добрым надо быть. Что же нелепого и чудного в этой просьбе-призыве? Почему смеются над Бессольцевым люди? Что смешного в том, что купить картину важнее, чем новое пальто? За что его внучку, Ленку, одноклассники наказывают прозвищем, преследуют, гонят по городу, как зайца? Почему не могут остановиться, прислушаться, понять? Может, не чудаков исправлять надо, а тех, кому кажутся они нелепыми и смешными? Вот и пригласила я в читальный зал **Владимира Карповича Железникова,** чтобы ответил, помог разобраться.

Мне нравятся люди, которых в народе с незапамятных времен «окрестили» чудаками. Ну, например, они почему-то невероятно добры и отзывчивы, или бескорыстно увлечены трудным делом, или отчаянно отважны, или даже пугливо осторожны, но в минуту отстаивания своих взглядов превращаются в храбрецов. Им бывает трудно, мучительно больно, они страдают, их унижают, но они истинно живут, потому что им открыты настоящие ценности мироздания.

Давайте вглядимся в них — чем они отличаются от нас? Думаю, тем, что живут как бы впереди других, принимая на себя и свои, и чужие беды. Трудно это? Да, нелегко, но прекрасно — чудакам можно позавидовать. Правда, мы порою и завидуем им, их страстям и целеустремленности, их смелому и неожиданному образу мыслей. Нам хочется им подражать, мы даже мечтаем об этом, а пороху не хватает, повседневная жизнь уводит нас в сторону, мы забываем о своих крылатых планах.

Валька-живодер из повести «Чучело», когда узнает, что старик Бессольцев подарил свои картины городу, обзывает его дураком. В его примитивной голове и бедном сердце не укладывается простая истина добра и духовного подвига.

Но в конце повести одноклассники Лены Бессольцевой исправились, поняли чудаков, догнали?

Они не исправились, а задумались. Поняли, что были не правы, и остановились, пораженные этим. Повесть обрывается на моменте озарения, но не исправления. Человек не может измениться, исправиться сразу. Возможно, кто-то после этой истории станет лучше, кто-то — нет. Неизвестно, что будет дальше.

И все же в конце повести Николай Николаевич Бессольцев, вглядываясь в лица одноклассников Лены, видит в глазах многих живую, трепетную мысль. «А значит, не все потеряно», — решает старый мудрый человек.

Не все потеряно, потому что Боря Збандуто очень нужен октябренку Наташке. Один человек в классе поверил Петьке Столбову. А черные облака, на которые, задрав голову, смотрит Витя Малявкин, превращаются в большого и доброго белого слона.

Н. ДАВЫДОВА

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Марина **БОРОДИЦКАЯ**

Последний день учения

Последний день учения.
За окнами — жара!..
Все дневники с отметками
Получены с утра,

И новые учебники
На следующий год —
За стопкой стопку пеструю
Дежурный раздает.

Что там? «Гляди — молекулы...»
«Ой, девочки, скелет!..»
Как будто бы учебников
Не видели сто лет!

И чуть не плачет Рыбочкин,
Лентяй и весельчак:
«Мне не досталась «Алгебра»,
Марь-Ванна, как же так?»

А твердые обложечки
Так пахнут новизной,
Каникулами длинными
И свежестью лесной!

И можно просто почитать
Про средние века:
Ведь на дом средние века
Не задают пока!

Краткое руководство по отращиванию длинных кос

Эх, мальчишкам не понять,
Что за наслажденье —
Косы длинные растить
Чуть ли не с рожденья!

Косы холить и беречь,
Пестовать-трудиться
Крупнозубым гребешком,
Дождевой водицей.

Детским мылом промывать
Или земляничным,
То настоем диких трав,
То желтком яичным.

Ах, как сладко поутру,
Сидя на постели,
Туго-туго их плести
Или еле-еле,

Чтобы этаким торчком
Встали над плечами —
Или плавным ручейком
По спине журчали...

Как приятно выбирать
Шелковые ленты
И от бабушек чужих
Слушать комплименты.

Нет, мальчишкам не понять
Счастья непростого —
Косы длинные носить
Класса до шестого,

А потом пойти, занять
Очередь на стрижку
И решительно сказать:
«Режьте под мальчишку!»

Рисунок **В. ФЕДОРОВА.**

Встречи в Даугавпилсе

В дни зимних каникул в латвийском городе Даугавпилсе проходил розыгрыш юношеского первенства Советского Союза. Победу оспаривали 52 шахматиста из всех союзных республик, Москвы и Ленинграда. Состав турнира был очень сильным, почти все ребята имели спортивный разряд кандидата в мастера.

Трудной и упорной была борьба. Опередив на пол-очка всех соперников, первое место занял Дарюс Ружале, школьник из литовского города Паневежис.

Конечно, и Пешкин побывал на этом соревновании. Очень хотелось ему повстречаться с друзьями, с которыми не раз он встречался на турнирах клуба «Белая ладья».

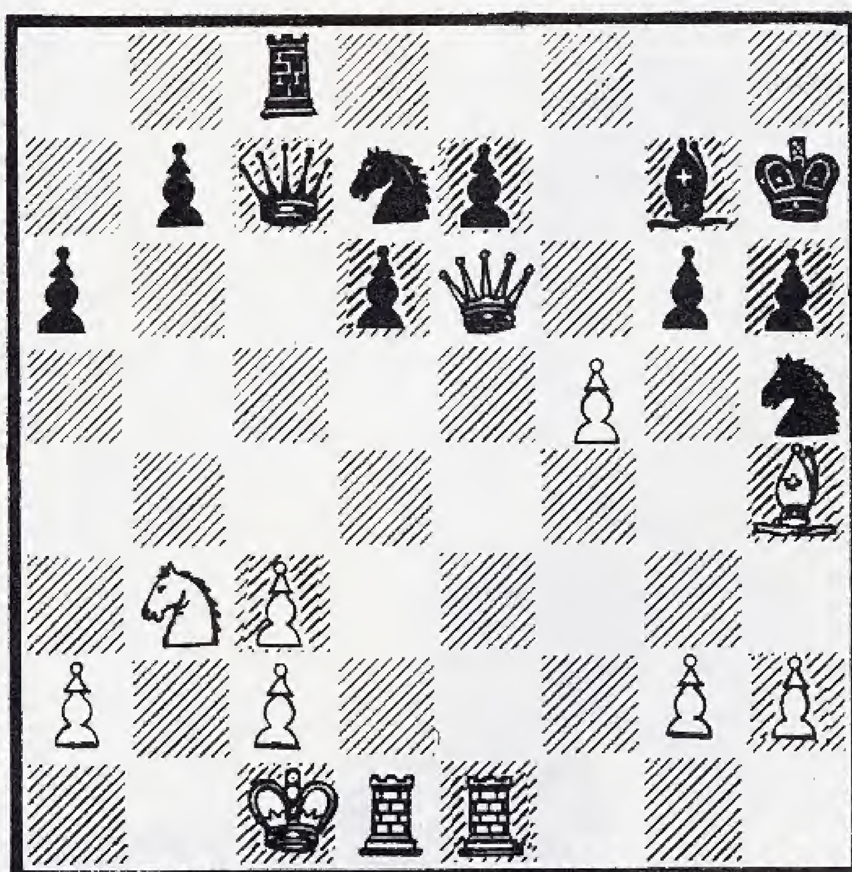
Двенадцать лет Косте Сакаеву, ученику 222-й ленинградской школы, а он уже опытный турнирный боец, кандидат в мастера.

«В нашей пионерской дружине,— рассказывает Костя,— сильная и дружная команда. Мы уже не раз выступали в финале первенства «Белая ладья». Ребята доверили мне играть на первой доске, и я всегда очень стараюсь, чтобы набрать больше очков для команды».

Ряд убедительных побед одержал Костя на первенстве страны и занял высокое место в таблице результатов.

Семь лет было краснодарскому школьнику Сереже Тивякову, когда он получил первый спортивный разряд. Сережа очень любит шахматы, анализирует партии гроссмейстеров, изучает книги по теории.

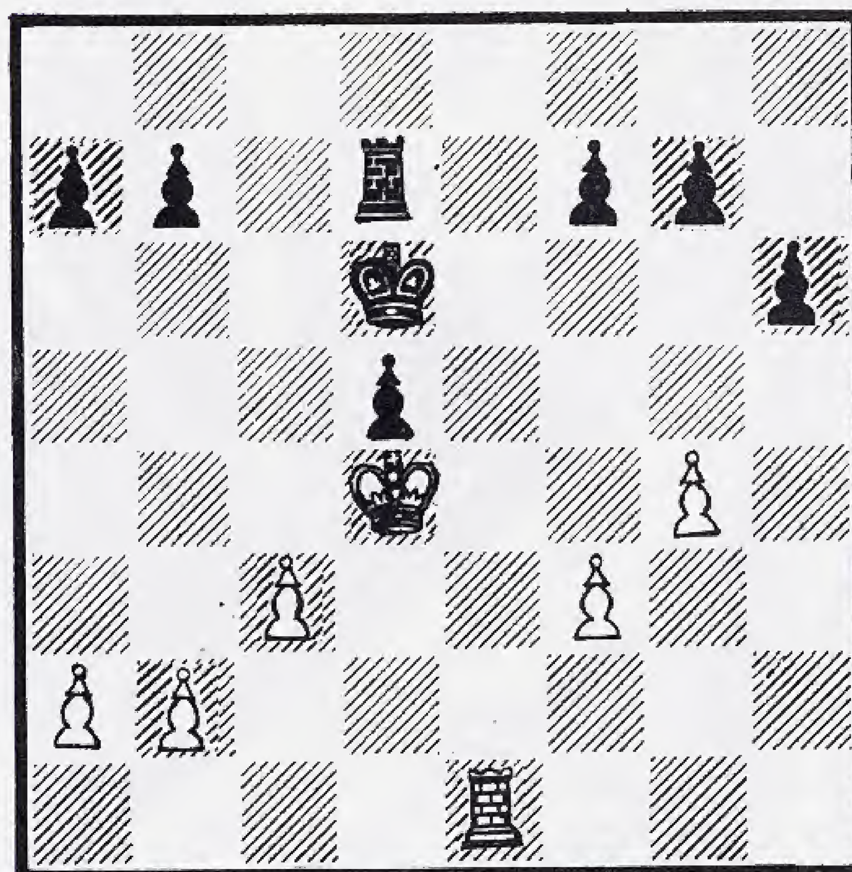
Сейчас Сереже тринадцать лет. Он кандидат в мастера и успешно выступает даже в мужских чемпионатах Краснодара. Играет Сережа в боевом, активном стиле. Посмотрите финал его партии с латвийским кандидатом в мастера Кариком Гоблея.

У белых материальное преимущество, казалось бы, что инициатива также в их руках. Но Сережа правильно учел, что и положение белого короля небезопасно.

Партия продолжалась так: 19... Kh5—f4 20. f5:g6+ Kph7—h8 21. Фе6—е4 Фс7:с3 22. Лd1—d2 (Упорнее было 22. Kd4) 22... Kd7—c5! 23. Фе4:f4 Kc5—d3+. Белые сдались.

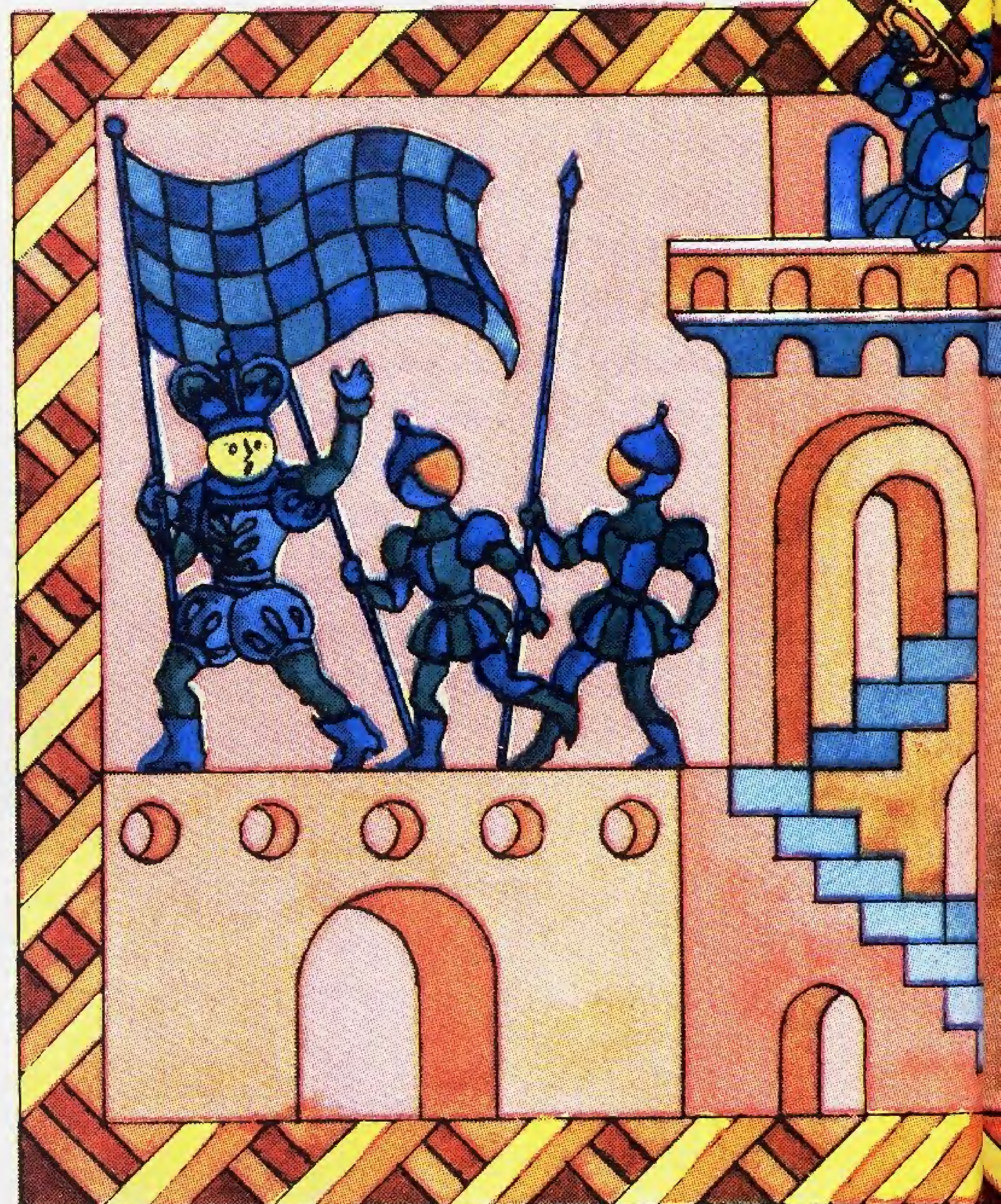
Среди ребят младшего возраста лучшего результата добился свердловский школьник, кандидат в мастера Миша Улыбин. Очень интересно окончание его партии с ленинградцем Павлом Мартыновым.

Белые надеются ворваться ладьей на восьмую горизонталь, чтобы атаковать с тыла пешки черных. Далеко и точно рассчитав все варианты, Миша сыграл 36... Лd7—e7!

Гата Камский, ленинградец, кандидат в мастера,— самый юный участник юношеского первенства Советского Союза. Гате одиннадцать лет.

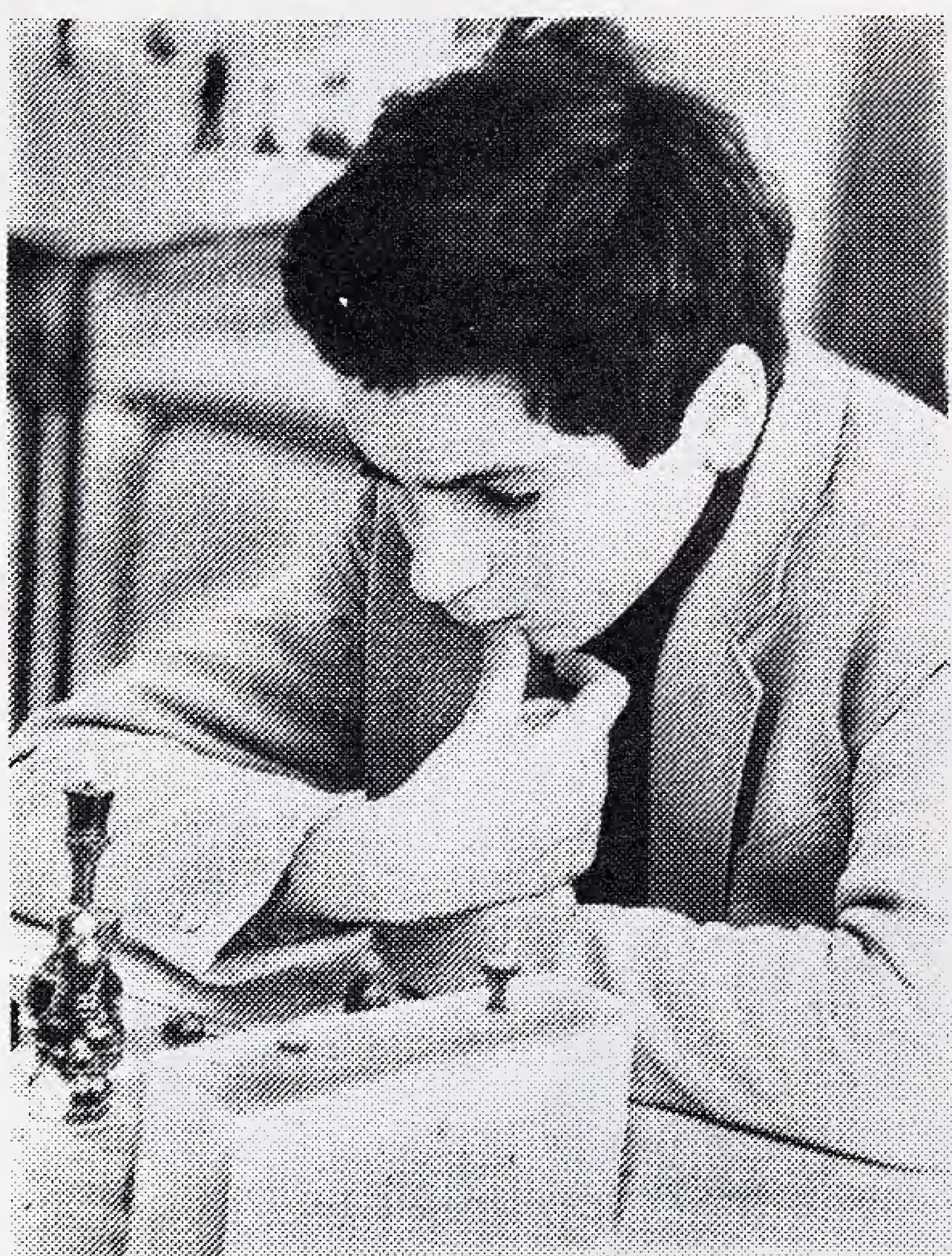
Отдавая пешку d5, черные создают отдаленную проходную пешку по линии «h», и это дает им решающее преимущество.

37. Ле1:е7 Kpd6:e7 38. Kpd4:d5 g7—g6 39. c3—c4 h6—h5 40. g4:h5 g6:h5 41. Kpd5—e5

Белый король вынужден караулить дерзкую пешку h5.

41... h5—h4 42. Kpe5—f4 f7—f5!

Вот в чем дело! Этот ход, заранее предусмотренный Мишей, парализует активность белого короля. Если 43. Кр:f5, то 43... h3, и пешка прорывается в ферзи.

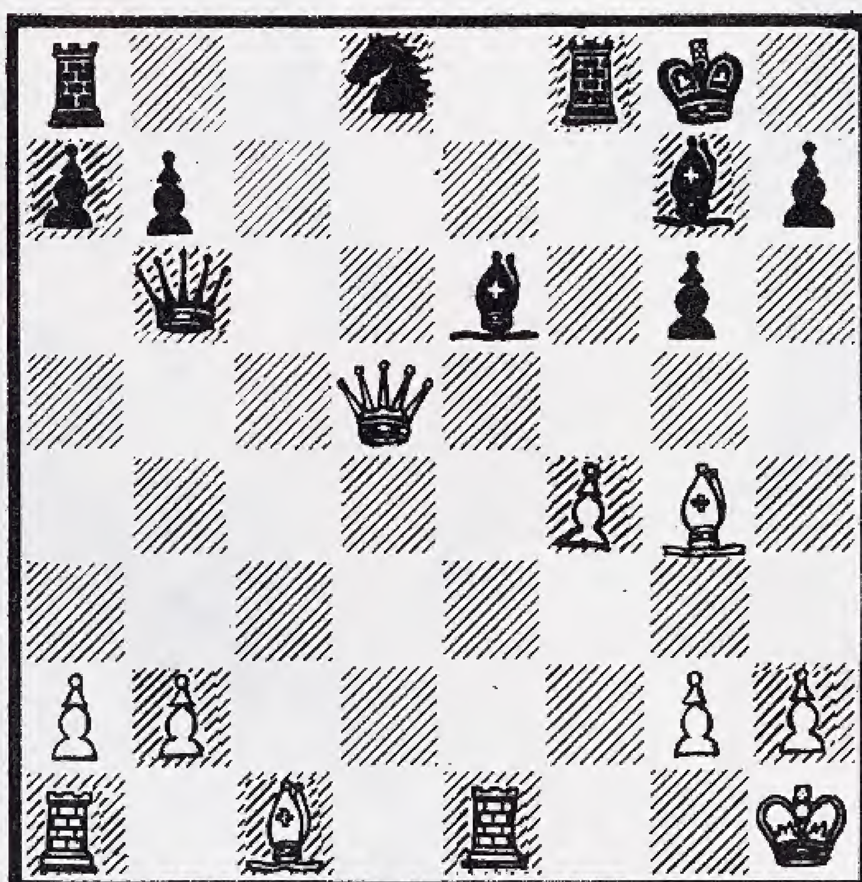
Володя Акопян из Баку. Недавно он выполнил норму мастера спорта.

43. b2—b4 Kpe7—d6 44. Kpf4—e3 a7—a5! 45. a2—a3 a5:b4 46. a3:b4 h4—h3 47. Kpe3—f2 Kpd6—e5 48. Kpf2—g3 Kpe5—d4 49. Kpg3:h3 Kpd4:c4 50. Kph3—g3 Kpc4:b4 51. Kpg3—f4 Kpb4—c4 52. Kpf4:f5 b7—b5 53. f3—f4 b5—b4 54. Kpf5—e6 b4—b3. Белые сдались.

Легко подсчитать, что белая пешка опаздывает к отходу поезда.

Это поучительное окончание советуем вам, ребята, внимательно разобрать на занятиях вашей школьной шахматной секции.

Много красивых партий было сыграно на юношеском первенстве Советского Союза. Вот еще один пример.

Это позиции из партии, в которой белыми играл Сандалы Юлдашев (Ташкент), черными — Владислав Неведничий (Кишинев).

Далее было: 21. Cg4:e6+ Kd8:e6 22. Ле1:е6

Держать оборону можно было только после 22. Ф:е6+ Ф:е6 23. Л:е6, хотя после 23... Лad8 перевес у черных. Но белые понадеялись на грозную силу вскрытого шаха.

22... Ла8—d8! 23. Фd5—c4

Удовлетворительной защиты уже не было, на 23... Лd1+, белые ответили бы 24. Ле1+, но...

23... Фb6—b5!

Эффектный удар, сохраняя угрозу шаха на d1, черные одновременно нападают на ферзя. Белым пришлось признать себя побежденными.

И еще одна встреча — с судьей первенства, ведущим инженером даугавпилсского завода «Электроинструмент», кандидатом в мастера Станиславом Александровичем Кривых.

В феврале 1962 года школьник Станислав Кривых стал победителем одного из наших конкурсов, был награжден грамотой нашего журнала. Из редакции он получил письмо, в котором мы пожелали ему успехов в учебе и в занятиях шахматами.

«Я был тогда очень рад своему успеху,— вспоминает Станислав Александрович.— Не забывал я и о напутствии, которое получил из редакции».

Окончив школу, Станислав работал электриком на заводе, учился заочно в Рижском политехническом институте.

Теперь он опытный инженер, высококвалифицированный специалист.

«Шахматы всегда были добрым спутником в моей жизни,— говорит Станислав Александрович.— Убежден, что ребятам они приносят большую пользу, учат логически мыслить, дисциплинируют».

Инженер Кривых — один из лучших шахматистов своего родного города. Он общественный тренер заводской шахматной секции, ведет он занятия и с юными шахматистами даугавпилсской школы № 2, где много ребят участвуют в соревнованиях клуба «Белая ладья».

Наше новое задание

На этот раз вам предстоит разобрать партию, сыгранную на юношеском первенстве Советского Союза. Надо ответить на такие вопросы:

1. Кто из гроссмейстеров предложил за белых план с продвижением пешки g2.
2. Какие ошибки допустили белые, почему они так быстро попали в безнадежное положение.
3. Укажите, как следовало играть белым.

Уверены, что такой анализ поможет вам научиться лучше играть. Правильные и четкие ответы на вопросы будут отмечены наградами журнала.

Итак, ждем ваших комментариев.

ФЕРЗЕВЫЙ ГАМБИТ

Белые	Черные
Володя Чучелов	**Володя Мачай**
(Москва)	(г. Фрунзе)

1. d2—d4 d7—d5 2. c2—c4 e7—e6 3. Kb1—c3 Cf8—e7 4. c4:d5 e6:d5 5. Cc1—f4 c7—c6 6. e2—e3 Cc8—f5 7. g2—g4 Cf5—e6 8. h2—h3 Kg8—f6 9. Фd1—f3 h7—h5 10. g4—g5 Kf6—e4 11. h3—h4 Фd8—a5 12. Kg1—e2 Ce7—b4 13. Ла1—c1 Ce6—g4 14. Фf3—g2 Фa5:a2 15. f2—f3 Фa2:b2 16. f3:e4 Cg4:e2 17. Cf1:e2 Фb2:c1+ 18. Kpe1—f2 Фc1:c3 19. g5—g6 0—0 20. Фg2—h3 f7:g6. Белые сдались.

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.
Фотографии В. БАЛЮНАСА.

К 175-летию со дня рождения Г. Бичер-Стоу

Самая деятельная правда

Однажды родилась Книга. И, родившись, заставила весь мир обратить на себя внимание. Для своей страны Книга стала великим событием, повлекшим великие последствия,— такой судьбе может позавидовать любое произведение мировой литературы...

Когда начиналась история США, никому и в голову не могло прийти, что из этой истории получится. Первые переселенцы из Европы, хлынувшие за океан искать свободу и счастье, не подозревали, должно быть, что для других людей открывается счет трехсотлетнего ужаса — рабства. Негры ввозились из Африки в основном на юг страны — для работы на хлопковых плантациях. О том, что считать человека в е щ ь ю безнравственно, в ту пору никто не задумывался.

Когда в Северной Америке возникло новое государство — США — и в июле 1776 года лучшие люди страны составили замечательный документ — «Декларацию Независимости», в вопросе о рабовладении они так и не смогли прийти к единому решению. «Декларация», утверждая право каждого на «жизнь, свободу и стремление к счастью», негритянскому населению страны ни одного из этих прав не предлагала. Государственный закон не отрицал рабства, значит, можно было считать, что рабство подтверждено государственным законом. Это было удобно.

В стране, где действуют плохие законы, многие хорошие люди в конце концов портятся. Южанин-рабовладелец, даже просвещенный, умный и добросердечный, рассуждал примерно так: «Негры — они ведь как дети. Дай им свободу — что они будут с нею делать? Поумирают, пожалуй, с голоду». Рабство находило себе защитников и в северных штатах, где оно давно уже было отменено. Многие жители Севера, тоже умные и просвещенные, думали примерно так: «Рабовладение — это очень скверная штука. Но ведь он же платил за своего раба...»

Американец уважал не только свою, но и чужую собственность, отчасти потому в 1850 году и был принят государственный закон об уголовной ответственности граждан северных штатов, укрывших беглого раба с Юга.

К этому времени лучшие из лучших, те, кто не может спать спокойно, когда рядом творится зло, решили бороться за освобождение негров. Движение за немедленную ликвидацию рабовладения

возникло на Севере и получило название аболиционизма. В стране давно уже функционировала тайная система помощи беглецам: с домами-стоянками, «проводниками», «кондукторами». Называлась она «подземная железная дорога».

Среди многих граждан страны, которые сочли вновь принятый закон позорным, была Гарриэт Бичер-Стоу, дочь священника из Новой Англии (северо-восток США), жена профессора богословия, мать шестерых детей. Зимним утром 1850 года, за завтраком, она поклялась двум своим сыновьям, десяти и двенадцати лет: «Я НАПИШУ...»

Как случилось, что тихая, скромная и богобоязненная женщина создала книгу, опрокинувшую рабовладение? «Я теперь чувствую, что наступило время, когда даже женщина или ребенок, которые могут сказать хоть одно слово в защиту свободы и человечности,— должны говорить»... В этих словах — ключ к разгадке судьбы «Хижины дяди Тома».

Разумеется, чтобы сочинить книгу, надо по крайней мере уметь обращаться с пером и бумагой. Гарриэт Бичер-Стоу среди множества домашних хлопот занималась писательством. Многочисленные ее романы вошли в историю американской литературы, вошли — и остались в слегка запыленных от времени фолиантах. Мы этих книг даже и не читали. Наша Книга — одна. Мы берем ее в руки и видим, что написана она сердцем. И место ее не на страницах истории литературы, но на страницах жизни американского народа.

Первая глава «Хижины дяди Тома» была опубликована в журнале-еженедельнике 5 июня 1851 года. В книге сорок четыре главы; она была создана в течение десяти месяцев — по главе в неделю. «Я уже не имела власти над повествованием, книга писалась сама...»

Отдельное издание — пять тысяч экземпляров — вышло в 1852 году, 20 марта. На следующий день все книги были раскуплены. «Хижину» доиздавали и переиздавали, переводили на другие языки... На весь мир кричала она, и весь мир содрогнулся от ужаса, боли, сострадания.

...Что лучше всего запомнилось вам в «Хижине дяди Тома»? Не то ли, как Элиза с мальчиком на руках, прыгая со льдины на льдину, чудом избежала гибели в страшной, бушующей реке?.. Эта картинка — из тех, которую, раз увидев, нескоро забудешь. А представляете себе, какое впечатление она должна была произвести на современников писательницы? На тех, например, кто жил на берегу той самой реки? Или на тех, кто вчера продал такую же Элизу? Ее ребенка? Мужа?.. «Лучше смерть, чем рабство»,— сказала Элиза всему миру. И победила.

А дядя Том — как вы к нему относитесь? Вас не огорчает его покорность? Вы не отдали свое сердце молодому Джорджу, который сказал: «Разве я мало терпел?» — и отказался терпеть дальше? С великими опасностями для себя, жены и сына бежал в Канаду? Встал на путь борьбы? Не проигрывает ли на фоне этого героя дядя Том — тихий, бессловесный негр, безропотно все терпевший и так и погибший в неволе?..

Нет, не проигрывает. Можно по-разному относиться к тому, что человек молча сносит побои, пытки, издевательства, к тому, что он не может поднять руку на своего мучителя. «Зло,— считает такой человек,— никогда не породит добра». Но сказавший о себе: «Душу мою не купишь ни за какие деньги» — обретает бессмертие. Так сказал дядя Том всему миру. И победил.

Старый Том и молодой Джордж живут в этой книге, не оспаривая друг у друга превосходства; судьбы их, такие разные, тесно переплетаются... Смерть Тома — торжество одной идеи, жизнь Джорджа — победа другой.

Заметили ли вы, что книга, которая живет уже более сотни лет и воссоздает жизнь, даже отдаленно ничем нашу не напоминающую, читается легко и просто, будто вчера только для нас с вами написана? Это — удивительное свойство «Хижины дяди Тома», и не это ли есть свойство великой литературы?

...Удивительным образом соединив в себе правду документа с правдой искусства, «Хижина дяди Тома» произвела в мире впечатление разорвавшейся бомбы.

Восхищались друзья. Проклинали враги. Равнодушных не было. Страшная реальность «вымысла» заставила сдвинуться с места страшную реальность жизни. Вот он — неполный список устремившихся одно за другим событий.

Начало 1856 года. Идеолог рабовладения избивает представителя аболиционистов: не на хлопковой плантации — в американском конгрессе!

1854—1856 годы. В Канзасе аболиционисты с оружием в руках сражаются против сторонников рабства; штат озарен пламенем партизанской войны.

1859 год. Фермер Джон Браун с горсткой храбрецов, белых и негров, вооружившись, захватывает государственный арсенал в городке Харперс-Ферри, штат Виргиния, пытаясь поднять всеобщее восстание против рабства... Казнен по приговору суда.

1860 год, ноябрь. Президентом США избран сын лесоруба из Иллинойса, адвокат Авраам Линкольн. Противник рабства.

Начало 1861 года. Рабовладельческие штаты отделяются от США.

1861 год, апрель. Начинается гражданская война между Севером и Югом, длившаяся четыре года и закончившаяся весной 1865 года победой северян и падением рабовладения...

В самый разгар военных действий, в ноябре 1862 года, на торжественном вечере, посвященном главному американскому празднику — Дню Благодарения, встретились первая писательница страны и первый президент-республиканец.

«Так это вы та самая маленькая женщина, которая начала эту большую войну?» — спросил Авраам Линкольн у Гарриэт Бичер-Стоу. Во фразе этой, которая многим кажется шутливым преувеличением остроумного человека, заключена правда в лучшей пропорции документа и вымысла. Правда «Хижины дяди Тома». Самая правдивая и самая деятельная правда.

Е. ВЕЛИКАНОВА

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

Содержание

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.04.86.
Подписано к печати 17.04.86. А 13135. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 860 000 экз. Изд. № 1136. Заказ № 2741.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Лев НОВОЖЕНОВ

Каждому — свое

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

У нас в семье каждый любит пить чай из своей посуды. Большая белая кружка с красными горохами и с отбитой ручкой — папина. Маленькая голубенькая чашка — мамина. У бабушки — с пастухом и пастушкой. У дедушки — стакан с подстаканником, на котором написано: «Пей чай, позабудь про печаль». Оранжевая, по которой медведь на велосипеде едет,— конечно же, моя.

Тапочки у нас тоже у каждого свои. У папы от разных пар, потому что парные куда-то запропастились и никак не находятся. У мамы с красными бантами, красивые. У бабушки атласные, мы ей на день рождения подарили. У дедушки войлочные со смятыми задниками: сколько раз ему говорили, чтобы он на задники не наступал. А в клетку, самые маленькие,— мои.

И у каждого из нас своя песня.

— Давно не бывал я в Донбассе,— поет папа.

— Зачем вы, девочки, красивых любите,— это мама поет.

— Утомленное солнце нежно с морем прощалось,— напевает бабушка.

— По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед,— затягивает дедушка.

— Я так хочу, чтобы лето не кончалось,— и объяснять нечего, что это моя песня.

И тут на праздники из города Калининграда приезжает мой дядя, мамин брат. И первое, что он делает,— он влезает в дедушкины войлочные тапочки.

— Дядя Боря,— говорю я ему.— У нас у каждого свои тапочки. Это дедушкины. А для гостей у нас есть другие.

— Извини, мой друг,— смущается дядя.— Я не знал. Но теперь буду в курсе, что они дедушкины.

А вечером захожу я на кухню и вижу, что дядя Боря пьет чай из папиной кружки с горохами.

— Дядя Боря,— говорю я ему,— вы, наверное, не знаете, что это папина кружка, и поэтому пьете из нее. Но вы не расстраивайтесь, у нас есть еще много ничьих чашек, из которых тоже хорошо пить чай.

— Спасибо, мой друг, что ты меня предупредил,— отвечает дядя.— А то бы я так и пил из этой кружки. Прошу тебя и впредь предостерегать меня от подобных ошибок, в которые я могу впасть по неведению. А теперь давай предадим этот инцидент забвению и сыграем в шашки, ты, я слышал, большой мастер в шашки играть.

И мы пошли в комнату и начали играть. Первые три партии я у дяди выиграл, четвертая закончилась вничью, а в пятой верх взял дядя. От своей победы он пришел в такое веселое расположение духа, что даже запел:

— Утомленное солнце нежно с морем прощалось...

— Эх,— говорю,— дядя Боря! Вы совершенно случайно не свою песню запели. Это бабушкина песня. Она ее очень любит. Но вы не огорчайтесь, я вам песенник принесу, вы там можете выбрать любую песню на свой вкус.

Дядя Боря прожил у нас неделю, и мы с ним подружились. Он меня научил делать лягушек из бумаги, показывать на стене театр зверей и различать марки самолетов. И мне было жалко, что он уезжает. Мы всей семьей поехали провожать его на вокзал. Когда зажегся зеленый свет светофора и проводница сказала, чтобы отъезжающие садились в вагоны, я набрался духу и отвел дядю в сторону.

— Знаете что, дядя Боря,— сказал я.— Я тут думал-думал и решил: если вам очень нравится бабушкина песня, забирайте ее себе. Ничего страшного, я думаю, в этом нет. Все-таки вы родственник. И бабушка вас любит.

— Спасибо, мой друг,— сказал дядя.— Это очень хороший подарок.

Мы с дядей расцеловались, и он, напевая «Утомленное солнце», полез в вагон.

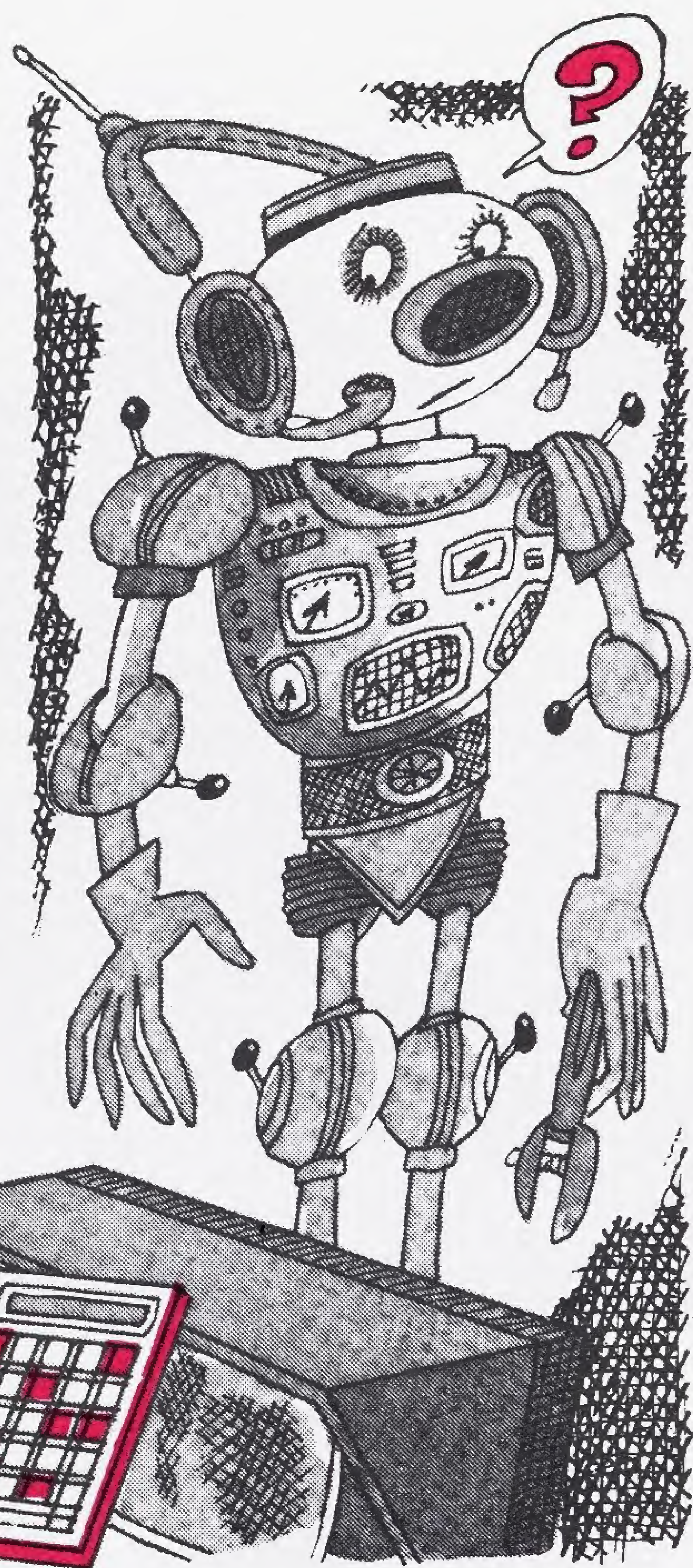

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Виктор ВИКТОРОВ

Но думать — придется...

Когда-то рубили
слова топором,
потом выводили
гусиным пером.
Менялись эпохи,
менялись чернила,
и «вечная» ручка
весь мир полонила.
Но можно ли вечной
называться без риска?
И «шарику» вскоре
сдалась «самописка».
Чтоб те же слова
не строчить многократно,
стучит человек
на машинке печатной.
Вот чудо-машина
уже создается!
Сама твою мысль
на бумаге представит.
Но думать — придется!
Но думать — придется!
От этого техника нас не избавит.

«ЦВЕТЫ»
нарисовали сестры Марина и Оля ПУСТОВОЙТ, пятиклассницы.

*

«ПО ВОДУ» —
работа двенадцатилетнего Игоря ЧУГУНОВА.

Теодор ДУКА, 14 лет.

Воспоминания

Тоскую я по лесу,
По речке, по селу,
Тоскую я по школе,
По милому углу,

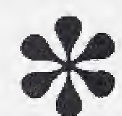
По старому учителю
С указкой у доски
И по старинным песням,
Что пели гайдуки.

Виктор ЦУРКАНУ, 11 лет.

Щенок Дик

Дик, любимый
мой щенок —
Настоящий
мой дружок.
Мой щенок
любимый Дик —
Настоящий озорник,
И добряк он, и шутник,
Но к гостям он
не привык.
Поднимает лай и рык,
Если кто-нибудь пришел,
Если что-нибудь принес,
Лает Дик,
как взрослый пес,
И сует в авоську нос.

Камелия БАЛАН, 12 лет.

Аист

На одной стоит ноге
Он — гроза и враг
лягушек,
Хоть и нету у него
Пистолетов, ружей,
пушек.

Перевела с молдавского Елена Гулыга.

ISSN 0130—8009
Цена 30 коп. Индекс 70694.